

Н. В. Крогиус

Психология шахматного
творчества

Психология
шахматного творчества

Н. В. Крогиус

Н.В. Крогиус

**Психология
шахматного
творчества.**

Москва
«Физкультура и спорт»
1981

ББК 75.581
К 83

Крогиус Н. В.

К 83 Психология шахматного творчества. — М.: Физкультура и спорт, 1981.—183 с.

Международный гроссмейстер Н. В. Крогиус, известный читателям своими работами в области психологии шахматной борьбы, продолжает разговор об особенностях мышления шахматистов, методах подготовки к турнирам и матчам.

В книге отражены данные новых исследований, предлагается примерный план, по которому можно изучать соперников и совершенствовать свой стиль игры.

Книга рассчитана на квалифицированных шахматистов.

К $\frac{60904-119}{009(01)-81}$ 126-81 4202000000

ББК 75.581
7А9.1

© Издательство «Физкультура и спорт», 1981

От автора

Когда пятнадцать лет назад я готовил рукопись своей первой книги по психологии шахматного творчества, то казалось, что для подробного освещения этой темы будет достаточно сотни страниц. Сейчас понимание роли психологии в шахматах заметно изменилось. Шахматисты всех рангов уделяют психологическим факторам гораздо больше внимания. Накоплен обширный фактический материал по разнообразным психологическим проблемам. Однако до сих пор, несмотря на появление нескольких удачных работ по шахматной психологии (среди которых особенно выделим книгу гроссмейстера А. Суэтина «Путь к мастерству»), ощущается определенный недостаток в научном обобщении имеющегося материала.

В настоящей работе, продолжая линию, намеченную в моих книгах «Человек в шахматах», «О психологии шахматного творчества», «Личность в конфликте» и других, я стремился осветить важнейшие вопросы, связанные с психологической сущностью шахматной деятельности — борьбой двух соперников.

Работа завершается планом составления психологической характеристики шахматиста. Поиски системного подхода к изучению стиля игры и характера шахматиста давно привлекали меня и как шахматиста-практика, и как исследователя. Результатом многолетних поисков явилась предлагаемая система изучения шахматиста, познакомиться с которой читатель может в этой книге. Вместе с тем автор счел необходимым обозначить и другие актуальные направления в психологических исследованиях шахматного творчества, обосновать ряд практических рекомендаций.

Книга рассчитана на широкий круг квалифицированных шахматистов и тренеров: Автор надеется, что его труд поможет читателю использовать знания психологических особенностей шахматного творчества в практических выступлениях и работе по совершенствованию мастерства.

Роль и место психологии в шахматном творчестве

Нужна ли шахматистам психология!

Психология шахматного творчества — актуальная, но сравнительно молодая область научных исследований. Необходимость психологического анализа деятельности шахматистов вытекает из сущности противоборства людей за шахматной доской.

Известно, что большинство позиций, возникающих в игре, носит проблемный характер. Это значит, что обязательно единственный, самый лучший путь может быть не найден (не всегда он и есть), и потому выбор хода в значительной степени зависит от индивидуальных особенностей шахматиста: опыта, знаний, темперамента, характера, стиля мышления, сравнительной оценки силы игры противника и т. д.

Отсюда следует, что знание противника, понимание целей, к которым он стремится, а также верная оценка собственных возможностей позволяют с большей вероятностью предугадать развитие игры и выбрать перспективную линию собственного поведения. Поэтому для достижения успеха шахматист должен не только хорошо знать теорию и владеть техникой игры, но и обладать умением распознавать достоинства и недостатки стиля и

характера противника, а также объективно оценивать себя.

Включение психологических факторов в анализ ситуации является необходимым условием эффективной шахматной деятельности. А. Алехин подчеркивал: «Я считаю необходимыми для успеха... во-первых, понимание своей силы и слабости, во-вторых, точное разумение силы и слабости противника... Для шахмат, для шахматной борьбы прежде всего необходимо знание человеческой натуры, понимание психологии противника. Раньше боролись только с фигурами, мы же боремся (или по крайней мере пытаемся бороться) с противником, с его волей, нервами, с его индивидуальными особенностями, и не в последнюю очередь с его тщеславием».

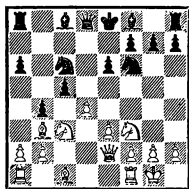
Эти тонко подмеченные особенности шахматной борьбы нередко и в наши дни предают забвению или понимают их превратно. Причем неправильное отношение к психологии шахматного творчества проявляется в двух крайностях. Представители одной точки зрения полагают, что существует некая «чистая» теория шахмат, при последовательном применении которой на практике для психологии нет места. Индивидуальность противника и собственные вкусы не достойны

внимания при выборе решения. Эту позицию ярко выразил гротесмистер А. Рубинштейн, который на вопрос: «С кем вы сегодня играете?» — ответил: «Это не имеет значения. Я играю сегодня против черных фигур». В начале своего творческого пути подобных взглядов придерживался Х. Р. Капабланка. Он говорил: «Когда садишься за доску, надо думать только о позиции, но не о противнике. Рассматривать ли шахматы как науку, или искусство, или спорт, все равно психология к ним не имеет никакого отношения и только стоит на пути к настоящим шахматам».

Несостоятельность такого отношения к роли психологических факторов легко обнаруживается при анализе примеров из практики.

Алехин

Маргет, 1938

В этой сложной позиции возможны разнообразные и примерно равноценные продолжения за белых. Например: 10. Ka4 cd 11. Ld1 (хорошо и 11. ed) или 10. Ca4 или 10. d5. Алехин сыграл 10. d5!?, учитывая при выборе хода, конечно, не какое-то точно доказуемое преимущество этого хода перед другими (такого преимущества нет), а свою склонность к комбинационным осложнениям и неуверен-

ность соперника в защите, то есть соображения психологического порядка. После 10... Ka5 11. Ca4+ Cd7 12. de fe 13. Ld1 bc 14. Л : d7 К : d7 15. Ke5 La7 16. bc Кре7? замысел Алехина оправдался. Партия завершилась так: 17.e4 Kf6 18. Cg5 Фс7 19. Cf4 Фb6 20. Ld1 g6 21. Cg5 Cg7 22. Kd7 Л : d7 23. Л : d7+ Kpf8 24. С : f6 С : f6 25. e5. Черные сдались.

В позициях, где развитие борьбы носит не жестко детерминированный, форсированный характер (а таких позиций подавляющее большинство), попытки исключить из процесса принятия решения индивидуальность оказываются явно несостоятельными. Эм. Ласкер в статье, посвященной матчу Алехин — Эйве (1935), справедливо указывал: «Среди большого разнообразия возможностей найти наиболее интересные и существенные — вот что привлекает меня. Я не легко верю в превосходную степень. Я не соглашусь, что в жизненной борьбе всегда имеется лишь одна возможность, которая является лучшей, разумнейшей, наиболее выгодной или самой целесообразной среди всех прочих; по крайней мере, я думаю, что не в человеческих силах всегда осуществлять превосходную степень. Превосходная степень была идеалом Тарраша. Согласно его воззрениям, в каждой позиции имеется лишь один лучший ход. Он отмечает его знаком «!», прочие ходы получают «?»».

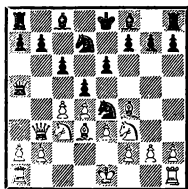
По-видимому, отрицание роли психологии в шахматной борьбе связано с этим распространенным заблуждением. Так искусственно отрываются знания, логика шахмат от понима-

ния индивидуальности противника.

Другая крайность, столь же ошибочная, — преувеличение роли отдельных психологических приемов. Психологическим трюкам сомнительного достоинства отводится роль волшебной палочки-выручалочки, пригодной на все случаи жизни. При этом фактически забывается то, что психологический подход основан прежде всего на объективном понимании законов стратегии и тактики шахмат.

Флор

Москва, 1935

Пирц

В этой несколько худшей, но вполне надежной позиции (возможно 8. .Cd6, 8. .Ce7 или 8. .Cb4) В. Пирц решает смутить осторожного С. Флора пешечной атакой на королевском фланге: 8. .g5? Эта акция, вызванная лишь стремлением ошеломить, запутать противника, но не опирающаяся на объективные возможности позиции, заканчивается, как и многие подобные «волевые» решения, крахом. В партии последовало 9. Cg3 h5 10. cd ed 11. C : e4 de 12. Ke5 K : e5 13. C : e5 Lh6 14. h4 g4 15. 0—0 с выигрышной позицией у белых.

Неправильно видеть в психологическом подходе к игре

только способ запугать и смутить партнера. Конечно, надо настойчиво искать лучшее решение позиции, но только не следует забывать, что это решение может включать в себя также знание вкусов противника и собственных возможностей. В шахматной борьбе, как и в других сферах человеческой деятельности, имеются две стороны — объективная и субъективная. Нельзя эти стороны противопоставлять друг другу или учитывать в шахматах только их объективную сторону, лишь научную теорию. Законы и принципы теории применяются на практике живыми людьми, похожими или разными. Добавим, что и сама теория создавалась и создается трудом многих отдельных шахматистов.

Заметим, что шахматисты фактически никогда не отказывались от использования данных психологии. На практике каждый шахматист — психолог, хотя иногда и сам того не замечает.

Так, например, Х. Р. Капабланка в матче против Ф. Маршалла (1909) избирал черными защиту Ласкера, поскольку против этого дебюта его партнер играл ранее неуверенно. В. Симагин, хотя и отрицал в печати значение психологических факторов, на практике тонко учитывал сильные и слабые стороны стиля игры соперников. В известной партии с В. Пановым (Москва, 1944) он принял решение пожертвовать качество, поскольку понимал, что «мастер Панов отлично атакует, но значительно хуже проводит партии, связанные с длительной обороной».

В настоящее время большинство высококвалифицированных шахматистов понимают значение психологии в шахматной борьбе и сознательно используют в своей деятельности психологические факторы. Примечателен в этом плане рассказ О. Романишина о своем излюбленном приеме воздействия на противника: «Неплохим психологическим оружием становится иногда жертва пешки. Именно психологическим, потому что небольшая материальная уступка не ведет к нарушению игрового равновесия. Отдавая пешку, я лишь увеличиваю активность своих фигур, которая при точной защите может быть нейтрализована, но не больше. Возрастает динамика игры, чаша весов колеблется. Пока еще это тоже равновесие, хотя и более опасное для обоих соперников. Я иду на это сознательно, тогда как мой противник к такому повороту событий не всегда бывает подготовленным. Психологический груз лишней пешки нередко становится непосильным».

Проблемы психологической подготовки

Психологические исследования в области шахмат далеко не однородны. Напротив, они охватывают широкий круг проблем, по-разному связанных с теорией и практикой шахмат. Мы считаем возможным выделить четыре главных направления исследований:

1. Изучение психологической стороны шахматного противоборства и обоснование практических рекомендаций по психоло-

гической подготовке к соревнованиям.

2. Изучение процесса обучения шахматам и обоснование психолого-педагогических рекомендаций для тренеров и занимающихся самостоятельно.

3. Изучение влияния занятий шахматами на развитие отдельных психических функций, характера человека и межличностных отношений. Определенные воспитательной роли шахмат.

4. Использование шахматной деятельности в качестве модели исследований в различных отраслях психологии (общей психологии, инженерной, социальной и др.).

Остановимся подробнее на результатах, достигнутых в изучении указанных проблем. Впервые об индивидуально-психологической подготовке к соревнованиям упоминалось свыше столетия назад. А. Деланнуа утверждал, что А. Андерсен, играя матч с П. Морфи (1858), настойчиво предлагал своему темпераментному сопернику увлечься заманчивыми, но недостаточно обоснованными атаками. Впрочем, успеха это Андерсену не принесло — соперник сохранял самообладание, и обычно первым терял выдержку немецкий шахматист. По-видимому, Андерсен не совсем верно оценивал стиль игры и характер Морфи.

Ряд авторов (Арну де Ривьер, А. Роже, П. Вайсенбах) связывали особенности внешнего поведения шахматистов со стилем игры. Арну де Ривьер также указывал, что в шахматной игре проявляется характер человека. Эти высказывания небезын-

ресны, но они не были достаточно аргументированы. Заключение о стиле игры и состоянии шахматистов делались на основании несистематических и поверхностных наблюдений. Например, отмечалось, что бледность свидетельствует о страхе, неуверенности шахматиста. Тарраш справедливо заметил по этому поводу, что тогда Л. Паульсена надо было всегда считать «овечкой», а в действительности уверенности в своих силах ему занимать не приходилось.

Эм. Ласкер был первым, кто занимался психологическими аспектами шахматной игры серьезно, с научной добросовестностью. Шахматы в его понимании были прежде всего борьбой двух личностей, двух интеллектов. «На шахматных досках борются люди, а не деревянные фигуры», — говорил он. И подробно изучал стиль, слабые и сильные стороны игры противников, чтобы на практике использовать полученные выводы.

На вопрос: «Нам передавали, что, дав себе труд внимательно изучить партии одного из ваших противников, вы обнаруживаете и сильные и слабые его стороны. Верно ли это?» — Ласкер ответил: «Безусловно, верно, и это лежит в плане моих теоретических воззрений на борьбу. Шахматная партия — борьба, в которой соучаствуют самые разнообразные факторы. И поэтому знание сильных сторон и слабостей противников чрезвычайно важно. Так, например, партии Рети явно показывают, что белыми он играет лучше, чем черными; партии Мароци — что он осторожно защищается и лишь

тогда сам атакует, когда вынужден к этому; партии Яновского — что он может десять раз держать в руках выигрыш, но, жалея расстаться с партией, в конце концов уверенно ее проигрывает... Словом, можно многое извлечь из внимательного изучения нескольких партий противника».

В соревнованиях Ласкер мастерски использовал индивидуальные недостатки партнеров, навязывая противнику чуждое ему по стилю направление партии.

Примерами глубокого понимания психологии служат матчи Ласкера с Маршаллом (1907), Яновским (1909 и 1910) и особенно с Таррашем (1908).

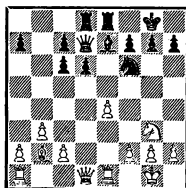
Эм. Ласкер занимался изучением соперников систематически, уделяя этому значительное время. Он требовал от организаторов список участников предстоящего турнира задолго до начала соревнования. Такой подход к шахматной борьбе помог ему достичь больших практических успехов. По-видимому, его исключительное спортивное долголетие во многом можно объяснить психологической подготовкой.

Рассмотрим два примера из творчества Ласкера.

Тарраш

Ласкер

Дюссельдорф, 1908

В этой объективно тяжелой для черных позиции Ласкер, учитывая склонность соперника к ясному, планомерному развитию событий, затевает острую и рискованную операцию: 14. . . Kg4 15. С : g7 К : f2 16. Кр : f2? Шахматист атакующего стиля избрал бы здесь 16. Фd4 и после 16. . . Kg4 17. Кf5 Фе6 18. Ле3, вероятно, выиграл бы партию. Но, как проницательно заметил Р. Рети, «против игрока атакующего стиля Ласкер, наверное, не избрал бы обоюдоострого продолжения 14. . . Kg4».

16. . . Кр : g7 17. Кf5+ Кph8 18. Фd4+ f6 19. Ф : a7 Cf8 20. Фd4 Ле5! Белые выиграли пешку, но у черных появились определенные контршансы, заключающиеся в давлении по центральным линиям.

21. Лад1 Лde8 22. Фc3 Фf7 23. Kg3 Ch6 24. Фf3 d5 25. ed Се3+ 26. Кpf1 cd 27. Лd3? К тому же переход от атаки к защите оказался психологически трудным для белых. Следовало играть 27. Кf5. Теперь у черных явное преимущество.

27. . . Фе6 28. Ле2 f5 29. Лd1 f4 30. Kh1 d4 31. Кf2 Фа6 32. Кd3 Лg5 33. Ла1 Фh6 34. Кpe1 Ф : h2, и черные вскоре выиграли.

Поучительная партия! Ласкер тонко использовал недостатки Тарраша: негибкость мышления и чрезмерное стремление к определенности решений. М. Левидов, автор известной биографической работы о Ласкере, справедливо отмечал: «Может создаться впечатление, что Тарраш просто плохо играл. Это неверно. Играл он хорошо, но своими 16 фигурами против 16 фигур противника. Ласкер же, кроме того, играл и против

семнадцатой фигуры, и главным образом против нее — против фигуры самого Тарраша. В этом и заключается его опаснейшее оружие — «психологический метод».

Совершенно в ином ключе играл Ласкер (белыми) против шахматиста ярко выраженного атакующего стиля — Маршалла (Нью-Йорк, 1924):

1. e4 e5 2. Кf3 Кc6 3. Сb5 a6 4. С : c6 dc 5. d4 Cg4? 6. de Ф : d1+ 7. Кр : d1 0—0—0+ 8. Кpe1 Cc5 9. h3 Ch5 10. Cf4 f5 11. Кbd2 Ke7 12. Cg5! С : f3 13. gf Лhe8 14. Лd1 fe 15. fe h6 16. Ch4 Cd4 17. Кc4 g5 18. c3! (форсируя переход в выигрышный эндшпиль, несмотря на то, что черные отыгрывают пешку) 18. . . Kg6 19. cd К : h4 20. Кpe2 Лd7 21. f3 Kg6 22. Ke3 c5 23. dc Кf4+ 24. Кpf2 Л : d1 25. Л : d1 Л : e5 26. Кd5! К : h3+ 27. Кpg3 g4 28. Кf6 h5 29. f4 Л : c5 30. Ле1 Лb5 31. e5 Кpd8 32. К : h5, и вскоре белые выиграли.

Игра на использование слабых сторон стиля различных шахматистов требовала от Ласкера исключительной разносторонности собственного творчества, применения широкого арсенала стратегических и тактических идей, постоянной работы по самосовершенствованию. Однако сущность и значение психологической борьбы, продемонстрированной Ласкером, долгое время оставались непонятыми шахматным миром. В его партиях замечали лишь «видимую часть айсберга» — ошибки противников, обходя вниманием гигантскую подготовительную работу, создавшую почву для появления этих ошибок. В кни-

ге, посвященной нюрнбергскому турниру (1896), Тарраш поместил любопытную «таблицу счастья», устанавливающую, сколько очков каждый участник приобрел благодаря «везению». Первое место в этой таблице занимал Ласкер. По подсчетам автора книги, Ласкер выиграл пять партий в худших или равных положениях из-за сравнительно «простых» ошибок противников. Все это казалось специалистам какой-то мистикой. Тарраш даже писал: «Но кто может сражаться против волшебства!»

В чем причины подобного непонимания? Трудно объяснить это, сославшись лишь на уровень развития шахматной культуры того времени. Дело, видимо, и в том, что Ласкер держал в тайне методы своей подготовки. Правда, он указывал на анализ партий как на источник своего понимания противников. Но какие партии шахматиста нужно подвергнуть анализу — все или лишь некоторые? Как должно проходить изучение самих партий — по стадиям игры, по признакам общности дебюта, в зависимости от особенностей турнирного положения или на основании каких-либо других критериев?

На все эти вопросы Ласкер не давал ответа.

Трудность выбора надежных методов психологической подготовки привела некоторых авторов к неправильному выводу о том, что эти методы сугубо индивидуальны и не могут стать предметом активного изучения. Левидов так сформулировал этот вывод: «Введение в шахматы теории вероятности посредством

психологического метода — такова формула игры Ласкера. Нетрудно заметить, что этой формуле нельзя научиться и невозможно ей подражать. Она резко индивидуальна».

Это мнение можно нередко услышать и в наши дни. К примеру, много пишут о психологическом воздействии игры М. Таля или Б. Ларсена, не пытаясь выяснить, в чем оно состоит. А дело опять-таки в том, что изобретатели не афишируют своих открытий, и в том, что крайне недостаточны еще серьезные психологические исследования шахматной игры. Алехин справедливо сетовал: «Я думаю, что было бы в интересах миллионов любителей шахмат и самой игры, если бы мастера несколько откровеннее высказывались о мотивах, вынуждающих их избирать определенные ходы...»

В результате то, к чему в конце концов после многих лет поисков, разочарований, ошибок и открытий приходит опытный шахматист, могло бы быть обнаружено или отвергнуто объективными психологическими исследованиями гораздо быстрее. Добавим еще, что употребление найденных приемов только для «внутреннего» пользования заставляет каждое новое поколение шахматистов начинать фактически сначала и проделывать массу уже проделанной другими работы.

Но вернемся к Ласкеру. Никто не застрахован от ошибок, не избежал их и этот выдающийся шахматист. В двух эпизодах его спортивной карьеры проявились недочеты психологической подготовки. Это

матчи со Шлехтером (1910) и Капабланкой (1921).

К. Шлехтера Ласкер понял недостаточно глубоко и поэтому недооценил его. Современникам стиль игры Шлехтера представлялся скучным и безличным. Действительно, во многих партиях он играл малонациативно, охотно соглашался на ничью, а выигрывал обычно у слабых противников, терпеливо подстерегал их позиционные ошибки.

Сам Ласкер за четыре года до матча дал Шлехтеру не очень лестную характеристику, указав, в частности, что тот слишком ценит спокойную жизнь, чтобы быть способным мобилизоваться на преодоление больших трудностей в напряженные моменты борьбы.

Однако Ласкер, видимо, не обратил особого внимания на те партии, где Шлехтер оказывался в трудных позициях. Здесь он преображался. Необходимость заставляла его напрячь все силы, и играл он энергично и точно. Ошибка Ласкера состояла вот в чем: констатируя, что Шлехтер сам драки не начинает, он не заметил необычайной стойкости Шлехтера в тех случаях, когда ему навязывают жесткое сражение.

В начале матча Ласкер признал, что он встретился с трудностями: «У всякого есть какая-нибудь слабость, порожденная по большей части или недостатком смелости, или, наоборот, ее излишком, или, наконец, неправильностью расчетов. В дальнейших восьми партиях матча моей задачей будет разрешить проблему Шлехтера».

Но достаточно успешно раз-

решить эту проблему Ласкеру не удалось. Смущенный осечкой своего любимого оружия, Ласкер обратился к другой крайности и писал после матча: «Я не нахожу слабого места у Шлехтера».

А перед матчем с Капабланкой Ласкер, вероятно, переоценил свое знание будущего соперника и не обратил должного внимания на собственное состояние. Судя по дневнику, написанному во время матча, он хорошо понимал, что нужно делать, но осуществить это практически не мог: не хватало сил, сказывалась растренированность.

Эм. Ласкер сделал попытку создать классификацию стилей игры. Он выделил следующие типичные стили: 1. Стиль автомата. Шахматист такого стиля опирается на известные по памяти образцы и в исходных позициях использует идентичные идеи. 2. Прочный стиль. Отличен стремлением к безопасности и выражается в пассивном образе действий. 3. Стиль заманивания. Этот стиль связан с провоцированием противника на активные действия и рассчитан на успех контратаки. 4. Комбинаторный стиль. Шахматисты этого стиля в основном опираются на конкретный вариантный расчет. 5. Классический стиль. Базируется преимущественно на правилах стратегии, разработанных В. Стейнцем.

Попытка Ласкера углубить традиционное и чересчур обобщенное деление шахматных стилей на комбинационный и позиционный заслуживает внимания. Но содержание предложенной типологии стилей вызывает воз-

ражения. Нет единого критерия. В одних случаях выделяются показатели обобщенности мышления, а в других на передний план выдвигается активность или творческая сила ума. Это создает смещение понятий и ограничивает практические возможности применения ласкеровской классификации.

Следующий чемпион мира, Капабланка, не уделял достаточного внимания психологической подготовке к соревнованиям. Лишь после сокрушительного творческого и спортивного поражения в матче на мировое первенство от Алехина (1927), видимо задумываясь о подлинных причинах неудачи, он стал менять отношение к психологии борьбы. В 1935 году он уже говорил: «...в состязаниях между сильными мастерами ошибки, в подлинном смысле этого слова, встречаются весьма редко, и потому с помощью одного лишь выжидания их здесь далеко не уйдешь. Тут нужно что-то другое: проникновение в планы противника; ибо кто раньше сумел разгадать намерения противника, тот обычно и выигрывает. А для этого требуется, кроме логики и творческого воображения, известная способность быть психологом (выделено мной.— Н. К.). Понимание характера противника — весьма важный шанс в шахматной борьбе».

Эти новые взгляды нашли отражение в нескольких партиях последнего периода выступлений Капабланки, например в его партии с Ласкером (белые) из III московского международного турнира (1936).

Практические достижения Ласкера в области психологи-

ческой подготовки оказали большое влияние на Алехина. Но в отличие от предшественников Алехин подробно и содержательно рассказывал о методах своей подготовки. Наибольший интерес представляют его работы, описывающие подготовку к матчам на мировое первенство с Капабланкой (1927) и Эйве (1937).

В исследованиях Алехина поучительно выделить: а) задачи психологического анализа; б) методы сбора и обработки материала; в) обоснование практических рекомендаций. Алехин стремился к выявлению существенных, постоянно проявляющихся свойств характера и шахматного стиля своих соперников. Это было основной задачей его исследования. Поэтому он скептически относился к выводам, опирающимся на отдельные факты. Признавая, что стиль игры органически взаимосвязан с характером шахматиста, Алехин с недоверием относился к возможности внезапного кардинального изменения принципиальных творческих установок мастера. О Нимцовиче он говорил: «...поистине трудно представить, чтобы после 25-летней шахматной карьеры ему внезапно удалось радикально изменить характер своего творчества...»

Стремясь обеспечить достоверность результатов анализа, Алехин использовал широкие экспериментальные данные. Перед матчем с М. Эйве (1937) в задачу подготовки, в частности, он включил такой пункт: «Произвести тщательный разбор всех партий, сыгранных Эйве в период между обоими наши-

ми матчами». Перед поединком с Капабланкой Алехин изучал практически все сыгранные соперником партии, начиная с матча Капабланка — Маршалл (1909). Особое внимание было уделено анализу партий последнего периода.

Стараясь выявить устойчивые, закономерные свойства стиля и характера соперников, Алехин вместе с тем хорошо понимал необходимость изучения этих факторов в развитии. Так, одной из задач его подготовки к матчу с Капабланкой было проведение сравнительного анализа партий, сыгранных соперником в разные периоды (1909—1912, 1918—1921 и 1922—1927). Эта работа позволила определить основные тенденции развития стиля игры Капабланки и более обоснованно прогнозировать его действия в предстоящем соревновании.

А. Алехин отмечал: «...в творчестве Капабланки с годами приходится наблюдать все меньше углубления в детали положения, и причиной этого является непоколебимая уверенность в безошибочности своей интуиции. Самое печальное для Капабланки заключается в том, что эта его система оперировать «хорошими» ходами почти без исключений оказывалась достаточной, так как ей по большей части противопоставлялось в позиционном отношении более или менее беспомощное оружие. Вследствие такой «безнаказанности» при применении не лучших ходов он, с одной стороны, отвык от той концентрации мысли во время партии, которая одна только дает гарантию против возможных элемен-

тарных просмотров; с другой — его самоуверенность возросла до бесконечности и перешла почти в самообожествление».

Основным методом изучения противников у Алехина был анализ партий. Рассмотрим содержание его аналитической работы на примере подготовки к матчу с Капабланкой. Алехин анализировал партии соперника в несколько этапов. Сначала каждой партии он давал общую характеристику. На этой стадии исследования он стремился прежде всего выявить решающие моменты борьбы, кризисные ситуации. Тем самым определялись причины победы или поражения. Приводим как пример описание партии Капабланка — Шпильман (Нью-Йорк, 1927): «В результате домашнего анализа Капабланка нашел усиление варианта, разыгранного между теми же противниками в партии 1-го круга, и вследствие индифферентной игры противника уже в дебюте получил выигрышное положение. Заключительная комбинация, хотя и очень простая, была им точно рассчитана».

При этом Алехин, как правило, не ограничивался лишь анализом позиций, а пытался связать его с индивидуальными особенностями характера шахматиста. Резюмируя анализ встреч Шпильмана с Капабланкой в Нью-Йорке (1927), он писал: «Шпильман был, собственно, единственным, кто играл против Капабланки не ниже своей силы. Его ошибки были... психологического характера: он никак не мог себе представить, что можно победить «непобедимого», даже получив лучшее положение».

На этой стадии анализа были сделаны предварительные выводы. В них Алехин отметил высококоразвитую интуицию Капабланки и его существенный недостаток, заключающийся в относительно невысокой критичности мышления, особенно заметной в благоприятных позициях.

На втором этапе анализ шел по отдельным стадиям партии: дебюту, миттельшпилю и эндшпилю. Благодаря этому сделанные ранее выводы получили более обоснованное подтверждение или были изменены. Уже этот анализ позволил Алехину конкретизировать свои предположения и обратить внимание на некоторые новые, весьма существенные, стороны стиля игры Капабланки. Например, он в противовес господствовавшему в то время мнению заметил, что дебютный репертуар Капабланки тщательно подготовлен «в лабораторных условиях».

В общем, на втором этапе анализа партий Алехин сделал основные выводы об особенностях шахматного творчества Капабланки. Эти соображения и определили конкретное содержание подготовки к матчу.

Вот основные выводы Алехина:

1. *Дебют.* Интуиция Капабланки высоко развита в выборе надежных, практически целесообразных продолжений. Отсюда его стремление к упрощениям, а также находчивость при встрече с дебютными неожиданностями.

2. *Миттельшпиль.* Опора в основном на быструю интуитивную оценку ситуации. Отсюда быстрота и легкость в игре

при явном недостатке критичности мышления. Из-за излишнего доверия к интуитивной оценке заметны ошибки в конкретном расчете. Поэтому Алехин заключает: «...в миттельшпиле ему нельзя доверять, каждый его тактический замысел необходимо точнейшим образом проверять, ибо отнюдь не исключена возможность просчетов с его стороны».

3. *Эндшпиль.* Бесспорно высокое техническое мастерство Капабланки в этой стадии партии, но позиции динамического характера, требующие на протяжении многих ходов глубокого конкретного мышления, учета обоюдных и разнообразных возможностей, он играет относительно слабее.

В процессе анализа партий Алехин специально исследовал те позиции, в которых Капабланка сталкивался со значительными объективными трудностями (новинка в дебюте, решающее преобладание в позиции комбинационного элемента). Изучение это оказалось весьма полезным. Алехин пришел к заключению о нецелесообразности попыток смутить Капабланку какой-либо неожиданностью в дебюте.

Впрочем, надо учитывать, что Алехин был иногда чересчур строг к отдельным недостаткам Капабланки. Вероятно, он делал это сознательно, чтобы укрепить уверенность в своих силах, поскольку перед матчем ему ни разу не доводилось выигрывать у будущего противника, да и авторитет Капабланки в шахматном мире был выше.

Анализ партий Эйве Алехин проделал по аналогичной схеме. Укажем только, что характери-

стика стиля игры Эйве была составлена объективнее.

Кроме анализа партий Алехин изучил различные литературные источники. Главное внимание он обратил на книги, комментарии к партиям самого Капабланки и интервью с ним. Из высказываний Капабланки перед матчем он получил представление о взглядах противника на дебютную подготовку, о его отношении к собственным успехам (статья Капабланки в аргентинской газете, где он говорил, что для того, чтобы стать чемпионом мира, нужно чудо, довольно прозрачно намекая при этом, что чудо нужно совершить Алехину; или интервью, в котором он говорил о ничейной смерти шахмат, фактически доказывая невозможность победить его, Капабланку).

А. Алехиным эпизодически использовались и другие методы изучения противника: хронометраж партий и наблюдение за поведением. Наблюдение за внешним видом Капабланки, например, позволило подметить у того возрастание неуверенности при встрече с упорным и активным сопротивлением. «Это было необычайно важное открытие для будущего!» — писал Алехин.

При обработке полученной информации Алехин один из первых среди шахматистов обратился к статистическому анализу. По поводу ошибок Капабланки в тактических операциях он писал: «...на эти спорадические проявления известной слабости ни в коем случае нельзя смотреть как на редкие, исключительные явления, ибо общее количество турнирных партий,

сыгранных Капабланкой за последние годы, по сравнению с количественными результатами других мастро очень мало, и поэтому в пропорциональном отношении число его просмотров весьма значительно».

А. Алехин очень высоко оценивал роль психологической подготовки. Он указывал: «...успехом в матче с Х. Р. Капабланкой я обязан прежде всего превосходству в смысле психологии».

В понимании психологической стороны шахматной борьбы Алехин пошел дальше Ласкера. Он считал необходимым учитывать не только собственные возможности и особенности игры и характера своих соперников, но и предвидеть их психологическую подготовку, направленную против него самого. Алехин понял, образно говоря, важность не только прямой, но и обратной связи в такой подготовке. Например, готовясь к матчу с Капабланкой, он предусмотрел, что кубинец постарается использовать несколько рискованную стратегию игры за черных, к которой Алехин часто обращался в тот период.

Исследования Алехина нашли последователей среди современных шахматистов. Сошлюсь в качестве примера на эпизод, имевший место в 1954 году при нашей совместной тренировке с гроссмейстером Ю. Авербахом.

Разбирая его картотеку, я, тогда еще с удивлением, обнаружил в ней наряду с характеристиками будущих противников тетрадь, озаглавленную так: «Ю. Л. Авербах». Составление шахматного досье на самого

себя не случайность, а целесообразный способ подготовки, облегчающий самоанализ и позволяющий вернее прогнозировать направленность подготовки противника.

А. Алехину также удалось обнаружить чрезвычайно важный регулятор ведения психологической борьбы. Оказалось, что на противника наиболее сильно воздействуют психологически те операции, которые дискредитируют наиболее выигрышные (в его понимании) стороны собственного стиля игры. Подобное ниспровержение излюбленных творческих установок переживается особенно болезненно и часто служит причиной уступки психологической инициативы в борьбе, порождает неуверенность и депрессию. Так, Капабланка считал технику позиционной игры своим бесспорным козырем. Когда же в ходе матча выяснилось, что технические позиции Алехин разыгрывает более четко, это обескуражило обычно уверенного в своих силах Капабланку.

Конечно, работы Алехина не давали ответа на все вопросы, связанные с проблемами психологической подготовки к соревнованиям. Неясными, например, оставались способы анализа собственного творчества. По-видимому, Алехин несколько преувеличивал значение анализа партий по сравнению с другими методами исследования. Не были указаны различия в психологической подготовке к матчевым и турнирным партиям. Но бесспорно другое: работы Алехина явились первоосновой научного системного подхода к психологической подготовке шахматистов.

Исследования Алехина вызвали большой интерес и были с пониманием встречены современниками. Его идеи развивали А. Нимцович, П. Романовский, С. Тартаковер, Р. Шпильман и другие. Правда, предметом их внимания были более частные проблемы. Нимцович преимущественно занимался вопросами регуляции эмоциональных состояний, формирования соответствующей боевой установки на борьбу. Он полагал, что необходимым условием боевого настроения является жесткое соперничество (конечно, в соответствии с этическими нормами шахматных соревнований). Он писал: «Если вы хотите добиться результатов, то выберите себе...исконного «врага» (в творческом плане.— *Н. К.*) и постарайтесь «наказать» его путем низвержения его с пьедестала».

Р. Шпильман подробно обсуждал проблему профилактики цейтнота. Для избежания цейтнота он советовал всегда сохранять для последнего хода неприкосновенный запас в пять минут. С. Тартаковер полагал, что в некоторые моменты борьбы полезно использовать самовнушение. Так, потеря пешки может быть истолкована как жертва пешки. Подобная трансформация «является источником, откуда можно черпать энергию для продолжения боя».

Конечно, некоторые рекомендации современников Алехина были субъективными и спорными. Но главное не в этом. Стало очевидным, что усилия Алехина не пропали даром и вопросы психологической подготовки сделали предметом внимательного изучения.

На информативность временных показателей в изучении индивидуальных особенностей шахматистов обратил внимание советский мастер и психолог Б. Блюменфельд. Он указывал, что время, затраченное на обдумывание каждого отдельного хода, является объективной количественной характеристикой творческого процесса. Сравнение затраченного времени и объективной сложности рассматриваемых позиций позволяет судить о субъективных трудностях при выборе решений у различных шахматистов, в известной мере свидетельствует о свойствах их мышления и воли.

«По мере возможности такой анализ мог бы быть дополнен опросом игравших или данными самонаблюдения. К сожалению... по настоящее время не осознано, какой исключительный интерес представляли бы записи партий с указанием времени обдумывания отдельных ходов — интерес непосредственный для читателей партий и еще больший для исследовательской работы», — писал Блюменфельд еще в 1937 году.

В 30 — 60-е годы практические успехи в деле изучения противников часто связывают с именем М. Ботвинника. В нескольких работах он рассказывает о своей подготовке к соревнованиям, по достоинству оценивая опыт Алехина в этом важном деле. «У Алехина можно учиться психологическому подходу к шахматной партии... Когда мне пришлось готовиться к соревнованию на первенство мира 1948 года, первое, что было сделано, — это внимательное ознакомление со вступительной

статьей Алехина из сборника партий Нью-Йоркского матч-турнира 1927 года. В этой статье Алехин дал глубокий анализ творчества Капабланки и рассказал о своих мыслях, своих планах», — писал Ботвинник.

Перед матчем с С. Флором (1933) Ботвинник поставил задачу «проанализировать возможно большее число партий Флора. На основании этих партий должны были быть сделаны выводы о стиле противника, о его технике, об излюбленных схемах развития, о наиболее часто применяемых им дебютах. Необходимо также было выяснить, насколько крепок противник с психологической стороны, поддается ли он «настроению», насколько он силен в защите и т. д.».

М. Ботвинник проделал этот анализ с характерной для него целеустремленностью. Он дал краткую характеристику каждой партии Флора (вспомним первую стадию анализа у Алехина), сравнил партии разных лет и, наконец, выделил экстремальные ситуации, анализ которых показал недостаточную психологическую устойчивость будущего противника. Выводы, сделанные Ботвинником накануне матча, подтвердились в ходе борьбы.

Однако в целом Ботвинник немногословен в рассказах о психологических аспектах борьбы. В этом отношении он ближе к Ласкеру, нежели к Алехину. Такая сдержанность лидера советских шахмат была, по-видимому, неверно истолкована рядом крупных шахматистов, например И. Болеславским, П. Кересом, В. Смысловым. Недоста-

точное внимание к психологической подготовке, как нам представляется, обеднило их творческие возможности.

М. Ботвинник же фактически никогда не отказывался от тщательного и всестороннего изучения соперников. Для доказательства приведем сделанное Ботвинником описание его партии с Эйве (1948). «Я жертвую пешку, и Эйве принимает жертву (он это любит делать), хотя, возможно, лучше было бы её отклонить. Постепенно я успокаиваюсь: видимо, при подготовке характеристика игры Эйве была составлена правильно. Эйве наконец делает ход. Он сразу предлагает размен ферзей! Все волнение пропадает — характеристика оказалась весьма меткой. Эйве обычно боится атаки на своего короля, у него и на этот раз не выдержали нервы. С разменом ферзей он не мог подождать даже одного хода».

М. Ботвинник говорил о подробных характеристиках П. Кереса, С. Решевского и других шахматистов, полученных в процессе разностороннего изучения их творчества. Учитывал он и результаты непосредственного наблюдения за поведением противников. Об этом свидетельствуют его воспоминания о партиях с Алехиным (1936) и Талем (1961).

Об эффективности подготовки (в том числе и психологической) Ботвинника говорят частые катастрофы его соперников уже в дебюте, а также мудрый выбор тактики борьбы в матч-реваншах со Смысловым (1958) и Талем (1961).

С интересными, хотя подчас и спорными, соображениями о

психологических аспектах подготовки выступил В. Панов в книге «Атака» и в ряде статей. Он выдвинул тезис: «Проигравший всегда виноват». Полностью принять это положение нельзя, поскольку тогда «выигравший всегда прав» и единственным мерилом ценности партии становится ее результат. Однако мысль Панова о том, что шахматист обязан в первую очередь критически относиться к собственным действиям, не высказывая оправданий во внешних обстоятельствах, несомненно, верна.

В. Панов обратил также внимание на важный вопрос о допустимой нагрузке шахматиста, считая, что участвовать в крупных соревнованиях надо не чаще двух-трех раз в год. В отличие от Нимцовича Панов предложил единообразную тактику турнирной борьбы: «Каждую партию — от первой до последней — играть на полную мощность».

На ряде примеров Панов удачно продемонстрировал психологический эффект, производимый неожиданностью в дебюте и резким изменением плана игры в миттельшпиле.

В последние десятилетия шахматные комментаторы часто называли специалистом психологической борьбы М. Талю. Бесспорно, что Таль много сделал для пропаганды психологии шахмат. Содержательны его высказывания о стилях шахматного творчества, об интуиции, риске. Откровенные примечания Талья к собственным партиям являются ценным материалом для психологических исследований.

Однако в своей практической

деятельности Таль не всегда проявлял необходимую психологическую проницательность. Достаточно вспомнить его матчи с М. Ботвинником (1961), Б. Ларсеном (1969), Л. Полугаевским (1980) и некоторые другие соревнования. По-видимому, Таль, прекрасно чувствуя «свой маневр», исходя из собственных вкусов и привязанностей, не в полной мере умел распознавать противника, точно определять, что для того хорошо, а что плохо.

Интересные материалы по вопросам психологической подготовки содержат работы Ю. Авербаха, И. Бондаревско-го, А. Карпова, Т. Петросяна, А. Суэтина. Авербах (совместно с Б. Коссовым) разработал экспресс-дневник шахматиста — средство для развития самоконтроля и самоуправления деятельностью в шахматах. Высказывания Карпова свидетельствуют о гибкой тактике борьбы, применяемой им в зависимости от личности соперников. Он пишет: «Если имеется несколько равноценных продолжений, то выбор во многом зависит от моих соперников. Например, с Талем я предпочитаю идти на простые позиции, не соответствующие его творческим вкусам, а с Петросяном пытаюсь затеять игру посложнее». Карпов справедливо критикует однобокое представление о психологических факторах: «Но если я вижу единственно правильный путь, то, кто бы против меня ни играл, я иду только по этому пути».

Из современных зарубежных шахматистов наиболее интересен опыт Б. Ларсена и Р. Фишера. В книге «50 избранных партий» Ларсен рассказывает о том, как

он учится на поражениях, о допустимой доле риска, о влиянии неожиданностей на партнера. Для себя он считает оптимальным числом 80 серьезных партий в год. Любопытен прием, применяемый Ларсеном для повышения внимательности и ответственности во время игры, — сознательный выбор трудного дебюта (например, стариндийской защиты в партиях с Бронштейном, Амстердам, 1964, и Петросяном, Санта-Моника, 1966).

Превосходным практическим психологом показал себя Фишер в матче на первенство мира (1972). В процессе подготовки он кардинально изменил дебютный репертуар, чем преподнес сопернику немало неожиданностей. Ему также удалось успешно нейтрализовать отрицательные психологические последствия поражений.

Научными проблемами психологической подготовки автор этих строк занимался в течение 15 лет. Стержнем этих исследований стало принципиальное положение о том, что познание противника и самого себя — две неразрывные стороны единого процесса психологической подготовки и что смысл двустороннего анализа состоит в сопоставлении себя и противника по определенной системе признаков. Опираясь на это сопоставление, шахматист определяет благоприятные и неблагоприятные для себя ситуации взаимодействия, стремясь реализовать первые и предотвратить возникновение последних. В процессе работы был собран большой фактический материал, результаты обобщения которого представ-

лены в книгах «Психологическая подготовка шахматиста» (1975), «Личность в конфликте» (1976) и в ряде статей.

Психология и педагогика

Без преувеличения можно сказать, что в настоящее время теорию шахмат изучают в мире миллионы людей. Шахматные знания приобретают под руководством тренеров в разнообразных секциях и кружках, а также путем самостоятельной работы. Поэтому значение разработки эффективных методов обучения шахматам бесспорно. Решение этой педагогической задачи невозможно в отрыве от психологии. Здесь данные психологии служат основой для обоснования адекватных педагогических рекомендаций. Психологические исследования помогают выяснить факторы, влияющие на успешность процесса обучения, взаимоотношения между тренером и подопечными, определяют индивидуально-психологические различия занимающихся, специфику работы с шахматистами разного возраста и т. д.

Впервые серьезно вопросы обучения шахматной игре были поставлены Ласкером. Он высказал важное положение: «Обучение шахматной игре должно быть воспитанием способности самостоятельно мыслить. Умение играть в шахматы не должно быть делом исключительно памяти...» Далее Ласкер указал на важность овладения правилами, которые объединяют и систематизируют многочисленные частные случаи. «И кто хочет воспитать в себе способность

самостоятельно мыслить в шахматах,— писал он,— тот должен избегать всего, что в них мертво: надуманных теорий, которые опираются на очень немногие примеры и на огромное количество измышлений; привычки играть с более слабым противником; привычки избегать опасности; привычки без критики перенимать и, не продумывая, повторять варианты и правила, примененные другими; самодовольного тщеславия...»

Эм. Ласкер полагал, что за 200 часов занятий (80 часов теории и 120 часов практики) под руководством мастера любой молодой человек сможет достичь такого уровня игры, который примерно соответствует уровню современного хорошего I разряда (по определению Ласкера, сможет играть с мастером на равных, не получая «форы»).

Оценивая соображения Ласкера, следует сказать, что если общие требования к принципам обучения шахматам не вызывают возражений, то 200-часовая программа «производства» сильных шахматистов выглядит слишком смелой. Практика не подтвердила мнение Ласкера. Проведенное нами исследование биографий почти 100 мастеров показало, что путь до I разряда они проходили в среднем за три года серьезных занятий, затрачивая за этот период не 200 часов, а значительно больше времени (в 4—5 раз) на изучение теории и практику.

Как было отмечено, Капабланка не уделял достаточного внимания психологическим аспектам борьбы, но он высказал немало ценных советов по поводу рационального обдумывания

ходов во время партии. Он рекомендовал стремиться к координации шахматных сил. Фигуры и пешки должны дополнять друг друга в операциях на доске. Кроме того, необходим выбор наиболее экономичных решений. Это относится к экономии сил как при защите, так и при нападении. Капабланка писал: «Каждый ход, выигрывающий или сберегающий время, должен быть учтен немедленно».

Третье правило рационального мышления, по Капабланке,— решительность. Намеченный ход должен не откладываться, а делаться на доске. «Если вы думаете, что ваш ход хорош,— делайте его. Опыт — лучший учитель. Многие, придумав во время игры какой-нибудь маневр и считая его хорошим, боятся сделать его. Напрасно! Вы должны решиться и без всякого колебания сделать то, что вам кажется хорошим».

Чеканная логика и здравый смысл Капабланки как шахматиста-практика оказали влияние на предложенную им программу обучения игре. Он указывал: «...желающий изучить шахматы должен прежде всего браться за эндшпиль, а затем, когда эндшпиль как таковой уже изучен, можно перейти к изучению дебюта и миттельшпиля в связи с эндшпилем». По такому плану построены книги Х. Р. Капабланки «Учебник шахматной игры» и «Последние шахматные лекции».

Очевидно, что знание окончаний необходимо для верного понимания дебюта и середины игры, но рекомендация — обязательно начинать обучение с серьезного освоения эндшпиля—

отнюдь не бесспорна. Изучение творчества молодых шахматистов, занимавшихся по такой программе, показало, что они преувеличивали роль материального фактора и формальных моментов. По-видимому, более оправданно первоначальное ознакомление занимающегося с комбинационными идеями.

В развернувшейся в начале XX века дискуссии по поводу того, как изучать миттельшпиль, Нимцович выдвинул идею анализа типичных позиций (например, позиций с изолированной пешкой в центре, с открытой линией и др.). Он подчеркивал значение этого метода и для развития мышления шахматиста в целом: «Процесс изучения какого-нибудь одного из имеющихся на доске типичных положений ставит себе целью не только изучение именно этого типичного положения, а улучшение позиционного чутья в целом!» Метод изучения типичных позиций получил в дальнейшем широкое распространение в трудах М. Ботвинника, И. Липницкого, А. Суэтина.

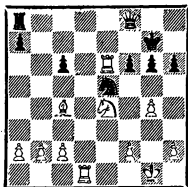
А. Нимцович предложил также оригинальный способ развития самостоятельности мышления. Он советовал при анализе партий сначала самостоятельно выбрать ход, а лишь затем ознакомиться с реально сделанным ходом и комментариями к нему. В случаях несовпадения решений следовало выявить лучшее. Нимцович рассказывал: «Я передал книгу переплетчику (речь идет о сборнике партий нюрнбергского турнира 1906 года с примечаниями З. Тарраша.— Н. К.), попросив его, чтобы он вклеил в книгу пустые белые ли-

сты между каждыми двумя листами текста. Затем я стал разбирать некоторые партии... Найденные мною результаты я сразу же заносил в промежуточные листы. «Играл» я всегда за одного из партнеров — либо за белых, либо за черных, причем я сперва старался найти лучший ход, а затем уже смотрел ход, сделанный в партии. Таким образом, партия длилась по меньшей мере часов по шесть».

Этот метод нашел широкое применение. В последнее время появились попытки его модернизации. Занимающемуся предлагают альтернативы ответов, которые оцениваются в очках. Это позволяет оценить обобщенно уровень подготовленности шахматиста. Среди подобных сборников шахматных тестов в методическом отношении выделяется книга В. Горта и В. Янсы «Вместе с гроссмейстерами».

В этой работе каждый пример сопровождается двумя вопросами. Первый предлагает дать оценку позиций, второй — найти конкретный вариант решения. Шкала оценок (от 1 до 6 очков) отражает сложность отдельных примеров и правильность ответов. Несомненное достоинство данного учебного пособия — требование сочетать в ответах оценку позиции и конкретный расчет.

Приведем для примера одно задание из книги чехословацких гроссмейстеров.

Ход белых

А. Оцените позицию: а) у белых решающее преимущество, б) черные могут удержать равновесие, в) позиция черных лучше. Б. Как следует продолжать белым?

Оценка ответов следующая: «У белых решающее преимущество; за этот ответ дается 2 очка. Еще 4 очка можно заработать, если вы предложите жертву качества 1. Л : е5, но с одним условием: после 1. . . fe 2. Лd7+ Kph8 3. Лf7 Фe8 нужно увидеть ход 4. g5... Слабее очевидное 4. Kf6 из-за 4. .Ф : f7 5. С : f7 Лf8, и черные еще держатся. Если вы не увидите ход 4. g5, вычтете у себя 2 очка. Самые изобретательные читатели заметят, что черные не могут брать ладью».

В партии (Янса — Гаприндашвили, 1968) после 1. .Лd8! 2. Л : d8 Ф : d8 3. Ле6? Фd1+ 4. Kpg2 Ф : g4+ получилась ничья. Но авторы продолжают: «Если вы увидели возможность 3. Лc5!, при которой у белых после 3. . .Фd1+ 4. Kpg2 Ф g4+ 5. Kg3 h5 6. Ce2 опять решающее преимущество, приплюсуйте себе еще 2 очка...»

Значительное внимание специалисты уделили обсуждению вопроса о развитии способностей правильно рассчитывать варианты. Это не случайно.

Мышление шахматиста держится на двух «китах» — оценке позиции и расчете. С развитием оценочных способностей дело обстоит сравнительно благополучно. Объясняется это тем, что учесть более стабильные, устойчивые признаки легче.

В расчете же необходимость рассмотрения отдельных особенностей, точного охвата всех нюансов возрастает. Б. Блюменфельд указывал, что «промежуточная операция расчета — ход в уме — включает в себя фиксацию зрительным воображением получающейся в результате хода позиции... Такая зрительная фиксация изменения, произведенного ходом, совершенно необходима для того, чтобы при обдумывании дальнейших ходов двинутая в уме фигура уже находилась на правильном месте. Но этого одного недостаточно. Необходимо представить себе измененную в ходе расчета позицию в целом или хотя бы важнейшие участки ее; иначе говоря, в уме должен возникнуть целостный образ, в который входит и непосредственно воспринимаемое, оставшееся без изменений, и зрительно воображаемое в связи с изменениями благодаря рассчитанным ходам».

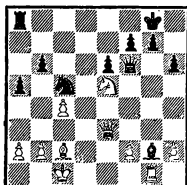
Психологическая трудность расчета состоит в необходимости строгого контроля за промежуточными звеньями — изменениями позиции, возникающими при каждом очередном ходе в уме. Многие ошибки в расчете связаны с недостаточным учетом новых возможностей, возникающих в воображаемых позициях.

Характерен следующий пример, приведенный Блюменфельдом.

Блюменфельд

Живцов

Москва, 1935

Черные сыграли 1. . . **Се4**, рассчитав вариант 2. **С : е4** **Ф : е5** 3. **Ch7+** **Кр : h7** 4. **Ф е5** **Kd3+**, но не учли, что после 2. **С : е4** у слона появилась новая возможность — угроза ладье **а8**.

Б. Блюменфельд высказал ряд соображений относительно совершенствования расчета. Он советовал не спешить и не делать без обдумывания заранее заготовленный ответ, поскольку представление в уме бледнее непосредственного зрительного восприятия. Не следует разбрасываться и оставлять расчет варианта до тех пор, пока ему не будет вынесена определенная оценка. Необходимо также установить порядок обдумывания вариантов. При этом следует стремиться к сокращению количества и длины вариантов, придерживаясь принципа разумной экономии в расчете.

Еще более последовательным сторонником концепции жесткой ограниченности, экономичности в расчете вариантов выступил гроссмейстер А. Котов. Он дал следующие рекомендации: «...ходы-кандидаты (то есть ходы, подлежащие расчету) нужно определить сразу же и точно их себе перечислить. Нельзя делать эту работу по частям: рассмотреть один ход,

потом отыскивать другой. Это внесет беспорядок». И второй совет: «...рассчитывая сложные варианты, нужно пробегать по многочисленным веточкам дерева расчёта только по одному разу. Ни в коем случае не метаться по сучкам, не терять времени на повторные, проверочные расчёты, причина которых — недоверие к себе».

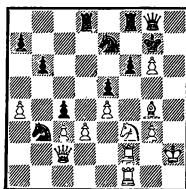
Вряд ли можно полностью принять эти советы. Сначала коснемся выяснения ходов, подлежащих анализу. Мы полагаем, что выбор ходов-кандидатов скорее дело оценки, нежели расчёта. Но не в этом главное. Нельзя заключить в строгие формальные рамки сложный, динамичный и противоречивый процесс мышления шахматиста. Предложенная схема удобна и на первый взгляд правильна — сначала нужно точно определить все ходы-кандидаты, затем продумать их, рассчитать и принять решение. Но практика показывает, что обдумывание за доской протекает не только по указанному фарватеру, а значительно сложнее. Ходы-кандидаты возникают в сознании шахматиста не только на «старте», но и на других этапах обдумывания, иногда в самый последний момент, когда уже занесена рука, чтобы сделать ход.

Остановимся также на рецепте рассчитывать варианты за один раз и впоследствии к повторному расчёту не возвращаться. Обратимся к опыту специалиста по далекому и точному расчёту вариантов Р. Нежметдинова.

Нежметдинов

Каспарян

Рига, 1955

В партии было 33. **d4 ed** 34. **cd**
К : d4 35. **К : d4** **Л : d4** 36. **e5!**
f5 37. **С : f5** **Фd5** 38. **Се6! Lh8+**
39. Ch3 **К : g6** 40. **Lf7+** **Kph6**
41. Ф : g6+, и черные сдались.

Р. Нежметдинов в связи с выбором своего 33-го хода писал: «Наиболее сложные варианты комбинации возникали при 39. **Ld3!**... Я полагал сперва, что здесь белые выигрывают после 40. **Lf7+**. Я видел следующий вариант, ведущий к выигрышно пешечному эндшпилю: 40... **Kpg8** 41. **Фg2** **Ф : g2+** 42. **Кр : g2** **Ld2+** 43. **L1f2** **Л : f2+** 44. **Кр : f2** **К : g6** 45. **Се6** **Lh7** 46. **Л : a7+** **Kph8** 47. **Л : h7+** **Кр : h7** 48. **Cf5** **Kph6** 49. **С : g6** **Кр : g6** 50. **g4!**, и белые выигрывают.

Но, проверяя мысленно еще раз позицию и рассчитывая снова этот вариант, я вдруг обнаружил, что черные могут вместо 41. **Ф : g2+**? играть сильнее: 41... **Ld2** 42. **L1f2** **Л : f2** 43. **Л : f2** **Ф : g2+** 44. **Кр : g2** **К : g6**, и белые ничего не получают.

Лишь после многократной проверки я нашел следующий вариант: 40. **Fe2** **К : g6** 41. **Lf7+** **Ф : f7** 42. **Л : f7+** **Кр f7** 43. **Фg4**. Эта позиция благоприятна для белых. Только по-

сле проверки всех вариантов я пошел на продолжение 33. d4».

Безусловно, стремление Блюменфельда и Котова дисциплинировать мышление шахматиста понятно и заслуживает признания. Во многом их советы полезны, но эти рекомендации нельзя абсолютизировать. Постоянная проверка и перепроверка основных и побочных вариантов, изменение зоны поиска характерны для мышления шахматиста. Известный советский психолог О. Тихомиров подверг экспериментальному исследованию процесс принятия решения в шахматной игре. Он отметил, что во многих машинных программах поиски хода ведутся по пути сокращения «рассматриваемых» вариантов. По-иному мыслит человек. Вначале он также отбрасывает непонравившиеся варианты, но если намечаемый ход-кандидат его не удовлетворяет, то он немедленно расширяет зону поисков, анализирует новые возможности.

Для шахматиста, указывал Тихомиров, характерно неоднократное переобследование одних и тех же вариантов, в ходе которого они связываются с новыми особенностями позиции (например, с репликой 41. . .Ld2, обнаруженной Нежметдиновым при переобследовании рассмотренного ранее варианта).

Следует учитывать, что направленность и объем вариантного расчета зависят от оценки позиции. Развитие оценочных способностей — необходимое условие совершенствования тактического «видения» шахматиста. Точность расчета (т. е. точность фиксации зрительным воображением промежуточных звень-

ев — позиций после каждого представляемого хода) помогают также вырабатывать специальные упражнения, например игра вслепую, решения заданий без передвижения фигур.

Единство двух сторон мыслительной деятельности шахматистов — оценки и расчета — с достаточной убедительностью раскрыто в методических работах А. Суэтина. Он справедливо указывает, что главное условие развития мастерства состоит в овладении конкретным подходом к оценке.

В последние годы в нашей стране в связи со значительным повышением интереса и внимания к шахматам особенно актуальными стали проблемы детских шахмат. Как сформировать устойчивый интерес к шахматам? Как обучать самых юных? С какого возраста лучше всего начинать занятия шахматами? Как обнаружить и развить в ребенке шахматный талант? Эти и другие вопросы обсуждаются тренерами, родителями, школьными педагогами.

М. Таль говорил, что гроссмейстером можно стать лишь при беззаветной любви к шахматам. Действительно, хорошо известно, что наличие увлеченности, интереса усиливает энергию человека, работа кажется радостной, совершается быстрее и легче. Заметим, что психологи различают два понятия: интерес и склонность. Интерес — это стремление ознакомиться с чем-либо, а склонность — это уже стремление принять непосредственное практическое участие в деятельности.

Интерес к шахматам выступает первоначально в форме лю-

бопытва или любознательности. Знакомство с правилами шахмат, первые самостоятельные ходы могут создать у новичка положительный эмоциональный тон, вызвать желание немного больше узнать о шахматах. Но пока это еще не подлинный интерес, а скорее удивление, вызванное оригинальностью новой игры. Интерес на этой стадии носит случайный, временный характер и у некоторых новичков быстро угасает.

Для формирования серьезного интереса к шахматам необходим ряд условий. Очень важно, какие суждения о шахматной деятельности слышит начинающий от других. Влияние разнообразных факторов (общественная пропаганда шахмат, семья, товарищи, школа) на развитие интереса к шахматам сопоставить трудно, но значимость их несомненна.

В проведенном нами во время командного первенства СССР (Ростов-на-Дону, 1971) анкетном опросе почти ста высококвалифицированных шахматистов 35% связали возникновение устойчивого интереса к шахматам с широкой пропагандой крупных соревнований. Так, например, назывались международные турниры в Москве (1935, 1936), радиоматч СССР — США (1945), матч-турнир на первенство мира (1948), матчи Ботвинник — Таль (1960, 1961) и некоторые другие. У 30% опрошенных интерес к шахматам определился под влиянием товарищей, у 25% — в семье, у 5% — благодаря самостоятельному знакомству с шахматными рубриками в периодической печати. Любопытно, что лишь в одном (!)

ответе было указано, что развитию интереса способствовал школьный учитель.

Отметим далее, что очень многое зависит от личности первого тренера или организатора, с которым встречается начинающий шахматист. Совершенно неверно представление, что любой сильный шахматист может быть хорошим наставником у начинающих. Подобная работа — одна из самых специфических и трудных в тренерской практике.

Основная проблема, стоящая здесь перед тренером, заключается не в сложности теоретического материала, а в управлении своеобразным психологическим состоянием начинающего шахматиста. Новичок — еще не преданный поклонник шахматного искусства, он в любой момент может его покинуть. В этот период наставник ведет «борьбу» с другими интересами, открывающимися перед подопечным, помогая ему сделать выбор. Тут особенно важны педагогический такт и постепенность в увеличении нагрузок.

Третье условие развития интереса состоит в сознательном облегчении подопечному достижения первых успехов. Основная позиция тренера может быть выражена словом «одобрение». На этом этапе полезно немного перехвалить игру новичка. «Интерес возникает и развивается только тогда, когда деятельность осуществляется без особого напряжения, легко и оказывается результативной. Особенно это важно на первом этапе формирования интересов. Нередко первые трудности отпугивают. Когда интерес сформирован, не страшны трудно-

сти», — указывал психолог А. Ковалев.

Поэтому мы с сожалением должны отметить ликвидацию V разряда в шахматной классификации. Достижение этого разряда было хорошим стимулом для начинающих шахматистов. Получение же сразу IV или III разряда отрицательно сказывается потом, когда интерес сформировался; у ряда юных шахматистов складывается неправильное представление о легкости квалификационного роста.

Устойчивый интерес и стремление к самостоятельной практической деятельности указывают на возникновение склонности к шахматам. Наличие склонности, как правило, является необходимым условием развития способностей. Склонность становится рычагом, побуждающим человека к работе над шахматами.

По интересу и склонности судят о пробуждающихся способностях шахматиста. Но как определить, например, наличие серьезного и устойчивого интереса к шахматам? Диагноз поставить трудно, если основываться только на словах шахматиста или мнении окружающих. Более обоснованно можно говорить о наличии серьезного и устойчивого интереса, если привлечь и другие данные. Так, важно выяснить, как шахматист преодолевает трудности в тех областях, которые сами по себе интереса не вызывают, но нужны для шахмат.

Можно предложить следующий эксперимент: шахматист, слабо знающий иностранный язык, переводит одинаковые по

трудности тексты с шахматным материалом и без него. Если оба перевода по качеству и скорости выполнены примерно одинаково, то оправданы сомнения по поводу серьезного интереса к шахматам.

Активно обсуждаются вопросы об оптимальном возрасте начала шахматных занятий. Возражения противников раннего (до 10 лет) обучения шахматам сводятся к аргументам: 1) нервная нагрузка, которую вызывает игра в шахматы, является чрезмерной для детского организма и 2) дети не подготовлены к усвоению абстрактных понятий теории шахмат.

Действительно, шахматная игра требует значительного расходования нервных и психических сил. Поэтому следует рассмотреть вопрос об объеме шахматных нагрузок в младшем школьном возрасте.

На этот счет у специалистов нет единого мнения. Многие тренеры полагают, что для детей младше 10 лет слишком велика любая шахматная нагрузка вообще, будь то занятия или соревнования. Поэтому, например, в детские шахматные секции ряда городов принимали детей только с 10 лет.

Мы считаем, что 7-летний ребенок, начавший учиться в школе, вполне способен выдерживать небольшие шахматные нагрузки. Только при решении вопроса о дозировке шахматных нагрузок следует различать два аспекта: серьезные соревнования, с одной стороны, и занятия в увлекательной форме и «легкие» тренировочные партии — с другой.

На основании имеющегося опыта нам представляется нежелательным участие детей до 10 лет в соревнованиях официального характера, особенно если в подобных турнирах играют также шахматисты старших возрастов. По свидетельству тренеров и нашим наблюдениям, участие в соревнованиях оказывается чересчур тяжелой нагрузкой для психики детей. Часто дети до слез расстраиваются при неудачах, а в конце первого часа игры они обычно устают и допускают грубые ошибки.

Из шахматистов, рано познакомившихся с шахматами и впоследствии добившихся крупных достижений, большинство начало участвовать в серьезных соревнованиях после 10 лет. Приведем несколько примеров. Капабланка научился играть в 4 года, первое соревнование — в 11 лет. Фишер научился играть в 6 лет, первое соревнование — в 10 лет. Смыслов соответственно в 6 и 14, Эйве и Керес — в 5 и 10, Геллер — в 7 и 13, Таль — в 7 и 11. Сходные сведения содержатся в биографиях почти всех видных шахматистов. Среди исключений укажем на Балашова — 5 и 8, Карпова — 5 и 7, а также Решевского, начавшегося играть в возрасте 4 лет и спустя три года выступавшего с сеансами одновременной игры.

Поэтому в целом можно согласиться с мнением, высказанным Ю. Авербахом: «Шахматная борьба связана с огромным напряжением нервной системы, и раннее участие в соревнованиях может неблагоприятно сказаться на еще развивающейся и впечатлительной натуре ребенка».

Если же исключить моменты напряженной спортивной борьбы, то оказывается, что шахматные занятия вполне полезны для детей до 10-летнего возраста. Имеющийся опыт преподавания шахмат 7-летним показал, что один час теоретических занятий в неделю является допустимым объемом нагрузки. К 10 годам продолжительность занятий может быть постепенно увеличена до 2—2½ часов в неделю.

Занятия необходимо сочетать с игрой «легких» партий. Опыт нашей тренерской практики позволяет высказать предположение, что для детей 7—9 лет объем игровой деятельности в неделю не должен превышать 1½—2 часов.

Любопытно отметить, что примерно в таких масштабах начиналась шахматная деятельность Р. Фишера. В 7-летнем возрасте он начал заниматься один раз в неделю под руководством тренера К. Нигро. Приблизительно через год он стал посещать шахматный клуб дважды в неделю.

Второй аргумент противников раннего обучения шахматам основан на мнении о неподготовленности 7-летних к усвоению абстрактных положений шахматной теории.

Профессор В. Малкин писал: «...дети не способны понять сущности ряда дебютных схем (староиндийская защита и т. п.). При этом они могут, конечно, запомнить порядок ходов в этих дебютах, чем подчас радуют своих учителей, но игра их показывает, что стратегическая сущность дебюта они не понимают, так как обычно при первом незнакомом ответе против-

ника делают ходы, противоречащие всей идее дебютного построения».

Это высказывание имеет основания. Действительно, мышление 7-летних детей не готово к изучению абстрактного материала. По данным психофизиологии, формирование второй сигнальной системы завершается к 12—14 годам, и поэтому сложные абстрактные понятия усваиваются до этого периода недостаточно глубоко.

Но следует ли из этого, что в младшем школьном возрасте не следует вообще учить шахматам? Ведь в таком же возрасте, и даже раньше, дети занимаются изучением иностранных языков, хотя, конечно, педагогам не приходит в голову сообщать им о сложных правилах грамматики.

По-видимому, и в шахматах не надо задумываться о том, усвоят ли 7-летние стратегическую сущность старинной защиты. Конечно, подобные попытки обречены на неудачу. Но вполне возможно преподать младшим школьникам такой материал, который был бы приемлемым для их конкретного склада ума.

Поэтому вопрос о неспособности или способности глубин теории шахмат для 7-летних оказывается беспредметным. Речь должна идти о выборе эффективной для этого возраста методики преподавания, учитывающей характерные особенности развития мышления ребенка.

Наши исследования игры детей в возрасте 7—10 лет (анализ партий и наблюдения в процессе тренерской практики) показали, что для 7—8-летних ха-

рактерно прежде всего тяготение к непосредственным угрозам и защитам. Мысль ребенка в этом возрасте работает «короткими замыканиями». Так, многие случайные связи и совпадения принимаются как обязательные и закономерные. Отсюда идет пристрастие к дебютным ловушкам и уверенность в том, что противник в них попадет. Преувеличивается также значение двойного шаха, а то и просто шаха.

В 9—10-летнем возрасте мышление становится более критичным. Юные шахматисты значительно чаще проверяют правильность замысла противника, хотя к внешне заманчивым ходам относятся без особого контроля. В этом возрасте шахматисты уже готовы принять такие понятия стратегии, как центр, открытая линия, последняя горизонталь. Но понимают эти термины весьма упрощенно, лишь в связи с конкретными угрозами. Если есть, к примеру, открытая линия, то считают, что ее надо немедленно занимать ладьей и т. д. Поэтому маневренной борьбы в их партиях нет, игра сводится к осуществлению или короткой подготовке какой-либо конкретной операции. А в комбинационной игре не учитываются выжидательные и промежуточные ходы с обеих сторон. Заметно также предпочтение, которое отдается решению задач перед этюдами.

На наш взгляд, в организации занятий преимущественное внимание должно быть уделено игровым моментам. Совершенно справедливо писал А. Нимцович: «Мы с самого начала играем, боремся, воюем, но совершенно

не согласны допустить засилия формальных данных. Его (ученика.— *Н. К.*) надо заинтересовать, он сразу же должен почувствовать, что это — игра, в которой победа и возможна и упоительна».

Начинать играть нужно даже тогда, когда еще не известны все правила шахмат. Так, при изучении ходов каждой отдельной фигуры следует предложить занимающимся поиграть этой фигурой. Возможны, к примеру, сражения только пешками, пешками и королями, конями и пешками и т. д.

При изложении материала следует пользоваться индуктивным методом, то есть идти от частного к общему, а не наоборот. Так, например, атака на короля, находящегося в углу доски и лишённого пешечного прикрытия, может быть последовательно иллюстрирована линейными нападениями, угрозами по диагонали и, наконец, наступлением с участием коня. Начинать же объяснение этой темы с заявления вроде «король в углу доски, лишённый пешечной защиты,— удобная цель для атаки», нежелательно. К такому выводу придут сами занимающиеся после того, как познакомятся с различными приемами атаки.

К объяснению обобщенных понятий следует относиться с большой осторожностью. Иногда тренер может сознательно упростить обсуждаемое понятие, подчеркнув лишь некоторые, наиболее конкретные его признаки. Так, о стадиях шахматной партии можно сказать: дебют — это быстрое развитие фигур, миттельшпиль — сраже-

ние развитых сил, эндшпиль — скорейшее продвижение пешек в ферзи. В дальнейшем педагог раскрывает более полное содержание каждой стадии, но пока, на первых порах, юный шахматист уже будет иметь довольно конкретное руководство к действию.

После постепенного ознакомления со сведениями о правилах и целях игры следует изучать комбинации и простейшие эндшпили, а уже затем дебют. Задания должны быть максимально конкретизированы. Например, нежелательна постановка вопроса в форме «белые выигрывают», «белые делают ничью» и т. д. Правильнее предложить (особенно на первом году обучения): «белые выигрывают ферзя в 3 хода», «дают мат в 2 хода» и т. д.

Задания, сформулированные в обобщенной форме, более обоснованы на втором году занятий. Знакомство с этюдами мы предлагаем отнести к концу второго или началу третьего года обучения. А простейшие задачи могут использоваться в начале курса.

Часто тренер спрашивает начинающих: «Оцените позицию. У кого лучше?» В подобных случаях не учитывается, что элементы общей оценки усваиваются детьми гораздо хуже, чем комбинационные моменты. Развитие способностей оценки позиции следует начинать с тренировки расчета. Причем сначала надо указывать ходы, подлежащие расчету, а уже затем предлагать задания с самостоятельным выбором занимающимися рассчитываемых вариантов.

Заслуженный тренер - СССР

В. Зак отмечал, что дети наряду с отлично проведенными отрезками партии нередко допускают грубейшие просмотры. Эти «зевки» объясняются недостаточно развитой устойчивостью внимания детей. Иногда случайное отвлечение (например, полет мухи) приводит к серьезным ошибкам.

Для борьбы с подобными колебаниями внимания Зак рекомендует обязательную запись партии. Конечно, против записи партий возражать не приходится. Владение шахматной нотацией вполне доступно для первоклассников. Но вряд ли запись является панацеей от просмотров. Часто бывает, что именно процесс записи отвлекает юного шахматиста от игры и приводит к «зевкам».

Для воспитания устойчивости внимания полезен обязательный последующий разбор сыгранной партии с участием тренера.

Важно создать на занятиях живую, непринужденную обстановку, избегать сухости и скуки. Для этой цели полезны рассказы об истории шахмат, о занимательных случаях. Отвергая педантизм в обучении, тренер в то же время должен с первых занятий позаботиться о воспитании у детей строгого выполнения правил игры. Следует добиться обязательного соблюдения правила «тронул — ходи» и пресекать попытки вернуть сделанный ход.

Обучение шахматам перспективно при условии развития самостоятельности занимающихся. Поэтому важно создать на занятиях атмосферу дружеской дискуссии по поводу какой-либо

интересной комбинационной позиции, решения задачи и т. д.

В целом же можно повторить, что начало обучения шахматам с 7-летнего возраста допустимо. Для нормального ребенка шахматы могут стать полезным средством развития мышления и воспитания характера.

Воспитательная роль шахмат

Для обоснованного ответа на вопрос: «Нужны ли людям шахматы?» — наряду с психолого-педагогическими исследованиями необходимо привлечение данных социологии, изучение общественного мнения и истории культуры разных народов.

История развития культуры свидетельствует о неуклонном повышении интереса человечества к шахматам. За несколько веков из игры одиночек среди привилегированной знати они превратились в любимое занятие десятков миллионов людей. Особенно широкое распространение получили шахматы в Советском Союзе и других социалистических странах. Это не случайно. Социалистический строй открыл поистине безграничные возможности для развития творческих способностей человека, обогащения его духовного мира, и шахматы в странах социализма справедливо заняли достойное место в жизни общества. Видный советский государственный деятель и организатор шахматного движения в СССР Н. В. Крыленко указывал, что шахматы выступают «и как орудие культуры, и как могучее средство воспитания лучших качеств человека, и как

средство развития эстетических, интеллектуальных, художественных и волевых качеств в человеке».

Шахматы высоко ценили К. Маркс и В. И. Ленин, М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, М. В. Фрунзе, Э. Тельман, М. Робеспьер, Н. Г. Чернышевский; полководцы А. В. Суворов, М. Н. Тухачевский, А. А. Гречко, Р. Я. Малиновский; писатели А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, М. Сервантес, Ж. Руссо, Ф. Вольтер, Д. Байрон, И. Гете, Г. Гейне, Ч. Диккенс, Б. Шоу, Ст. Цвейг, Э. Хемингуэй, П. Неруда; музыканты Л. Бетховен, Ф. Шопен, А. Н. Скрябин, С. С. Прокофьев; ученые Г. Лейбниц, П. Лаплас, Ж. Кювье, Б. Франклин, Д. И. Менделеев, Л. Д. Ландау и другие выдающиеся люди.

Они видели в шахматах своеобразную гимнастику ума, полезное средство воспитания характера и определенной формы проявления эстетических ценностей. П. Неруда отмечал, что шахматы — «поэзия борьбы, разума, воли». Председатель Федерации шахмат СССР летчик-космонавт В. Севастьянов говорит: «Игра в шахматы — это не просто спорт, не просто отдых и развлечение. Занятия ими развивают логическое и творческое мышление, приучают анализировать и решать проблемы, а все это пригодится будущему специалисту в любой области...».

Обратимся к научным исследованиям, посвященным изучению влияния шахмат на развитие интеллекта и характера человека. Полученные результаты свидетельствуют о беспор-

ном положительном влиянии шахмат.

В настоящее время, в период научно-технической революции, особое значение приобрела проблема развития аналитических способностей человека. Это обусловлено резким повышением удельного веса умственного труда во всех сферах деятельности. Изменился и характер умственного труда: значительно увеличился объем информации, которую необходимо переработать, выделить главное. А это, в свою очередь, заставляет все в большей степени заменять заучивание фактов изучением методов обобщения и интерпретации огромного фактического материала.

Установлена положительная роль шахмат в подготовке человека к решению таких задач. Академик Г. Клаус (ГДР) указывал: «По моему мнению, точное логическое мышление легче тренировать посредством шахматной игры (я имею в виду серьезные партии), нежели использовать для этой цели учебник логики. Известно, что человек гораздо охотнее и продуктивнее обучается в процессе игры, чем при ином способе обучения». А выдающийся советский педагог В. Сухомлинский так резюмировал данные своих исследований: «Шахматы — превосходная школа последовательного логического мышления».

Известно, что большинство шахматных позиций носит проблемный характер, то есть в них не представляется возможным определить единственный, абсолютно наилучший путь развития игры. Поэтому шахматисту часто приходится действо-

вать в условиях неопределенности, опираясь на интуицию и прибегая к риску. О том, что шахматы помогают развивать интуицию и творческое мышление, говорят исследования советских психологов Я. Пономарева, В. Пушкина и О. Тихомирова.

Игра в шахматы требует интенсивного и длительного внимания. Можно превосходно вести партию и добиться выигрышного положения, но достаточно ослабить сосредоточенность на несколько секунд, чтобы все плоды предыдущей работы пошли насмарку. Играя в шахматы, необходимо также предвидеть в уме изменения в расположении фигур. Это неизбежно развивает воображение. Нельзя также представить хорошего шахматиста, не обладающего способностью запоминать разнообразные варианты, возникающие в процессе игры.

Советские психологи И. Дьяков, Н. Петровский и П. Рудик, отметив эти особенности внимания, воображения и памяти шахматистов, провели еще в 20-х годах экспериментальное исследование. В результате сравнительного анализа способностей подростков-шахматистов и нешахматистов было установлено преимущество первых в интенсивности внимания (в частности, в отсутствии рассеянности), точности воображения и запоминания. Позднее Н. Греков писал: «На основании долговременных наблюдений я беру на себя смелость утверждать, что многие случаи резкого уменьшения рассеянности у детей и подростков совпадают с началом серьезного их увлечения шахматами и, не-

сомненно, являются следствием именно указанной особенности воздействия шахмат на психику».

Шахматы влияют не только на интеллектуальные функции, но и на характер человека в целом. Выдающийся советский психолог Б. Ананьев справедливо подчеркивал: «Шахматы не только состязание умов, но и интеллектуальное соревнование характеров».

В шахматах бесперспективны слепые подражания известным образцам и пассивность. Шахматы требуют умения самостоятельно ставить задачи и решать их, то есть учат эксперименту в широком смысле этого понятия. На развитие самостоятельности и активности личности в процессе шахматной деятельности указывают А. Бинэ, А. Нечаев и другие ученые.

Шахматы развивают объективное, реалистическое отношение к партнерам и себе. Шахматная партия проходит в обстановке острой взаимной критики. Каждый из соперников стремится обнаружить и использовать ошибки в действиях другого. Проигрыш — обязательное следствие какого-либо собственного промаха. Винить кого-либо в своем поражении бессмысленно. Поэтому неудачи объективно стимулируют шахматиста к критическому самоанализу и становятся, следовательно, средством самовоспитания. Приведем еще одно высказывание Г. Клауса: «Каждый проигрыш — это критика наших шахматных знаний, нашей теоретической и практической подготовки. Шахматы — замечательная школа воспитания воли,

они требуют самообладания и твердости в отношении самого себя».

Шахматы помогают сохранять самообладание в экстремальных ситуациях. Так, например, при обследовании студентов-шахматистов и нешахматистов было установлено, что первые добивались на экзаменах значительно более высоких показателей сравнительно с оценками в течение семестра. У нешахматистов преимущество экзаменационных оценок над текущими было несущественным.

Игра в шахматы требует решительности, смелости, готовности пойти на риск и вместе с тем ответственности при принятии решения, известной осторожности. Все это часто создает своеобразное сочетание в характере «осторожной смелости», а также ведет к определенному рационализму. Хорошо подготовленным шахматистам редко присущи бесплодные сожаления об утраченных возможностях, они считаются с реальной обстановкой: ход уже сделан, и обратного пути нет.

По наблюдениям автора, шахматисты при решении нешахматных проблем не склонны анализировать далекие перспективы, если в данный период необходимо выполнить какие-либо обязательные предварительные действия. По-видимому, это отражение общепринятого в шахматах правила — если предстоит форсированный вариант, то надо его разыграть и уже потом планировать дальнейшие события, а не наоборот.

Все сказанное говорит о положительном влиянии шахмат на развитие мышления и харак-

тера. Конечно, необходимо дальнейшее планомерное изучение этой проблемы, что позволило бы использовать воспитательную силу шахмат более эффективно.

Видимо, можно утверждать также, что особенно благотворную роль шахматы могут играть на том жизненном отрезке, где формируются основы характера и индивидуального стиля мыслительной деятельности, то есть в школьном возрасте. Перспективной выглядит идея о введении шахмат в качестве учебной дисциплины.

Впрочем, это предложение обсуждалось уже давно — в начале нынешнего столетия, когда З. Тарраш, Г. Марко и М. Шабельский ратовали за введение шахматных занятий в школьные курсы. Тарраш при этом ссылался на А. Андерсена, М. Ланге и Р. Харузека, которые считали, что шахматы помогли им в учебе. Но были и другие мнения. Н. Манхаймер, выступая в 1904 году на страницах немецкого шахматного журнала, резко возражал против шахматных занятий в школе, считая, что шахматы «лишняя нагрузка, которая отнимает время, утомляет и ничего не дает для будущего». Статья заканчивалась словами: «Итак, шахматы в школу? Нет!»

Значение шахмат в системе школьного воспитания, опираясь на собственный опыт, ярко охарактеризовал В. Сухомлинский: «В воспитании культуры мышления большое место отводилось шахматам... Мальчики и девочки часто засиживались за шахматной доской. Игра в шахматы дисциплинировала мышление, воспитывала сосредоточенность. Но самое главное здесь — это

развитие памяти. Наблюдая за юными шахматистами, я видел, как дети мысленно воссоздают положение, которое было, и представляют то, что будет...

Я учил их игре, и дети думали над очередными ходами. Шахматная доска помогла мне открыть математическое мышление Любы и Павла. До игры в шахматы (эти дети начали играть в третьем классе) я не замечал остроты, цепкости их мысли. Без шахмат нельзя представить полноценного воспитания умственных способностей и памяти. Игра в шахматы должна войти в жизнь начальной школы как один из элементов умственной культуры. Речь идет именно о начальной школе, где интеллектуальное воспитание занимает особое место, требует специальных форм и элементов работы».

В последние годы шахматные уроки проводятся в школах Москвы, Ленинграда, Риги, Минска, Саратова, Мелитополя, Воронежа, Пскова и многих других городов нашей страны, а также в ГДР, Дании, ФРГ. В большинстве школ шахматные занятия ведутся начиная с 3-го класса, но известен и опыт преподавания с 1-го класса. Занятия, как правило, проводятся в форме факультатива, то есть для желающих. Полученные данные свидетельствуют о положительном воздействии шахмат на учебно-воспитательный процесс.

Так, московский учитель И. Циов пишет: «Я проводил с учащимися разных классов (от 1 до 10-го) работу по шахматам... Практика показала, что целесообразно начинать преподавание шахмат с 1-го класса.

Уже в этом возрасте можно шахматную игру использовать для воздействия на улучшение успеваемости и поведение школьников».

И. Циов сообщил далее, что начавшие заниматься шахматами первоклассники (их было примерно половина от общего числа учащихся) за одну четверть повысили успеваемость на полтора балла (в среднем) по сравнению с нешахматистами. Шахматные занятия вызвали большой интерес у школьников и вскоре стали органической частью школьной деятельности. Была налажена взаимосвязь шахматных занятий с другими формами учебно-воспитательного процесса. Так, например, желающие участвовать в шахматных мероприятиях допускались к ним только после того, как они брали обязательство улучшить свое поведение или успеваемость; при определении результатов шахматных соревнований учитывались выполнения обязательств, а также другие показатели поведения и учебы.

Учительница из Воронежа В. Меркулова рассказывала: «На протяжении трех лет в моих классах преподаются шахматы. Я теперь просто не представляю полного учебного процесса без этих уроков... Занятия подняли активность ребят».

Однако преподавание шахмат в школе в настоящее время испытывает определенные методические трудности. Недостает, в частности, четких рекомендаций по поводу количества шахматных уроков (пока в этом вопросе ясности нет — в начальных классах проводится от одного до

трех шахматных уроков в неделю). Нет типовых учебников, не разработаны программы занятий. Это насущные вопросы, стоящие перед шахматными организациями и органами просвещения. Надо учитывать, что при неудачно поставленных занятиях возможно отрицательное влияние шахмат на физическое развитие и учебу школьников. К сожалению, шахматы еще не получили полного признания у работников просвещения. Многие педагоги видят в шахматах лишь дополнительную нагрузку к напряженному учебному плану. Г. Клаус по этому поводу писал: «Если вы сегодня предложите какому-нибудь педагогу ввести в его класс обучение шахматам хотя бы в течение одного часа в неделю, то он покажет вам почасовой учебный план и докажет невозможность его уплотнения. Ошибка такого педагога заключается в следующем: в наш век, век огромного потока информации, просто невозможно дать исчерпывающий обзор всех наук».

Сейчас все настойчивее обсуждается необходимость не столько изучать фактологию, сколько учить человека методам получения и объяснения фактов. Шахматы как раз и способствуют развитию методов анализа. Но, повторяем, суть взаимосвязи шахмат и учебно-воспитательного процесса в школе понята еще не всеми. По-видимому, это недоразумение может быть в известной мере разрешено путем более действенной пропаганды шахмат среди самих педагогов, в частности введения курса шахмат в программу педагогических институтов.

Говоря о воспитательном значении шахмат, их положительном влиянии на развитие характера и мышления, не следует забывать, что шахматы являются лишь средством, эффект использования которого определяется не сам по себе, а обусловлен социальными факторами: общественными отношениями, социально-психологическим климатом в коллективе, идейной и нравственной зрелостью самой личности и другими.

При ошибках в воспитании шахматы могут вызвать развитие отрицательных свойств характера. Шахматы — это напряженная борьба индивидуальностей, в которой необходимо победить соперника. В процессе состязания за доской другие люди (команда, тренеры, болельщики) к результату игры прямого отношения не имеют. Поэтому у недостаточно зрелого человека может возникнуть впечатление, что достигнутый успех — это всецело его личное достижение. И если такой шахматист живет в атмосфере без удержных похвал, если слабы его связи с коллективом, то развитие «звездной» болезни не выглядит случайным. У него возникает эгоцентризм, чувство «премьерства», о котором писал К. Станиславский применительно к актерам. Значение собственной личности гиперболизируется, развивается высокомерие и пренебрежительное или завистливое отношение к другим людям.

Хотя подобные явления не часты, для их предотвращения необходимо вести систематическую воспитательную работу. Нужно пропагандировать не

только спортивные и творческие достижения шахматистов, но и акцентировать внимание на их общественной деятельности и качествах личности (например, способности подчинить свои интересы общественным или желанию поделиться опытом с юнгами). Вряд ли также стоит широко рекламировать первые успехи молодых шахматистов.

Шахматы для психологии

Союз шахмат с психологией имеет и обратную связь: шахматная деятельность представляет значительный интерес для психологических исследований. Ученые рассматривали и рассматривают шахматы в качестве удобной модели изучения психологии человека, поскольку, обладая сложным и глубоким содержанием, шахматы в отличие от многих других видов человеческой деятельности имеют простые правила и точные критерии фиксации результатов.

Первым профессиональным психологом, обратившим внимание на шахматы, был директор института экспериментальной психологии в Париже А. Бинэ. Он изучал проблемы психологии памяти и стремился выявить закономерности лучшего запоминания сложного материала. В 1892 году Бинэ обратился с анкетой, содержащей 14 вопросов, к видным шахматистам того времени. Были получены ответы от 62 шахматистов. Анкета касалась преимущественно игры вслепую. Но анализ ответов дал много ценного и для понимания памяти и мышления шахматистов в игре за доской.

Приведем вопросы анкеты:

1. Можете ли играть не глядя на доску? Сколько партий одновременно? 2. К какому классу игры относите себя? 3. Какова ваша обычная память? Хороший ли вы математик? Хорошо ли считаете в уме? 4. Как вы представляете позицию в игре вслепую? Как происходит припоминание позиции при переходе от одной партии к другой? 5. Буквально ли представляете в уме доску и фигуры? 6. Представляете ли доску в целом или часть доски? 7. Представляете ли цвет фигур? 8. Представляете ли цвет полей? 9. Представляете ли форму фигур? 10. Представляете ли форму доски? 11. Соединяется ли в уме форма фигуры с ее пространственным перемещением? 12. Произносите ли мысленно слова во время игры? 13. Представляете ли, как играют незрячие шахматисты? 14. Как далеко можете рассчитывать варианты в уме?

Среди полученных ответов наиболее интересны замечания Э. Тарраша. В частности, он писал: «Моя память несколько выше средней. Но память на имена и лица очень плохая. На то, что я изучаю с интересом... на это память хорошая. Я помню многое из Гомера, Софокла, Горация... Моя шахматная память особенно хороша, потому что шахматы меня интересуют больше всего. Я могу в короткое время вспомнить партию, которую играл в Берлине 12 лет назад. При этом вначале вспоминалась идея... Математик я средний... Счет в уме проводил плохо. Это было заметно уже в школе».

«Я, конечно, способен представить всю позицию перед гла-

зами, но это тяжело. В памяти остается главное, существенное для той или иной позиции... Вообще вся игра построена на смысловой памяти... Мне передают, например, что в партии № 4 сделан ход Крe8—d8. Из хаоса, царящего в голове, я начинаю вспоминать, думать, что значит этот ход. Вспоминаю: был королевский гамбит, он дал мне пожертвовать слона на f7 — брать нельзя, поэтому и отошел на d8. Такова логическая цепь воспоминаний».

Далее, рассказывая о представлении в уме фигур и доски, Тарраш отметил, что мысль шахматиста отвлекается от формы, цвета фигур и оперирует функциональными связями фигур на доске. «Внешние особенности неважны. Я их не замечаю. Я вижу план».

На основании проведенного исследования Бинэ выступил в 1893 году с докладом в Сорбонском университете, а в 1894 году издал книгу. Результаты исследования оказались богаче, чем предполагалось. Бинэ рассчитывал собрать данные об особенностях памяти, а фактически получилась интересная работа не только о памяти, но и о мышлении шахматистов, причем применительно как к игре вслепую, так и к игре за доской.

Для общей и педагогической психологии очень важными оказались следующие выводы, сделанные Бинэ: 1. Между развитием памяти и мышления есть зависимость, но эта зависимость не прямая. То есть по развитию памяти еще нельзя судить о мощи интеллекта и наоборот. 2. Запоминание в условиях

сложной практической деятельности носит ярко выраженный избирательный характер. Попытка опираться на буквальное запоминание бессмысленна и не реальна. 3. В запоминании ведущая роль принадлежит смысловым, логическим элементам. Но идеи запоминаются лучше тогда, когда они сочетаются с определенными зрительными представлениями (представлениями о связи фигур на доске, важнейших ходах и т. д.). 4. Выделение определенных смысловых элементов при запоминании и воспроизведении обусловлено задачами деятельности.

Эти результаты явились значительным вкладом в развитие психологии мышления и памяти. Бинэ использовал также полученные данные для составления заданий по испытанию интеллектуальных способностей.

А. Бинэ высказал и ряд ценных соображений о специфике мыслительной деятельности шахматистов. Он пришел к основополагающему выводу: лучше играет тот, кто правильнее оценивает позицию и дальше рассматривает варианты. Это положение полностью разделяется в настоящее время. Правда, Бинэ переоценивал счетные способности шахматистов. Он, в частности, поверил С. Розенталю, который мистифицировал парижского профессора заявлением, что может рассчитывать варианты на несколько сот (!?) ходов вперед.

А. Бинэ считал, что между математикой и шахматами нет тождества. «Это как бы параллельные линии умственной ра-

боть». Его предположение подтвердилось. В работах советских психологов доказано, что между математическими и шахматными способностями нет прямой связи.

Шахматная игра, по справедливому мнению Бинэ, не может быть сведена к способностям запоминать. Нельзя и чисто рациональными приемами объяснить богатство шахматного творчества. Подчеркивая значение интуиции, Бинэ писал: «Я схватываю его (положение на доске.— *Н. К.*), как музыкант схватывает аккорд, в его целом».

Французский психолог подчеркивал, что мышление шахматистов является очень сложным и многообразным: «Если бы можно было заглянуть в голову шахматиста, мы увидели бы там целый мир ощущений, образов, идей, эмоций и страстей, бесконечное брожение состояний сознания, по сравнению с которыми все наши самые тщательные описания только грубые схемы».

А. Бинэ переоценивал значение внутреннего монолога в процессе обдумывания: «Внутренняя речь... беспрестанно используется в рассуждениях и расчетах. Всякий шахматист, без сомнения, произносит шепотом свои рассуждения и бормочет во время игры; молчат только немые».

Позднейшие исследования, проведенные, в частности, Блюменфельдом, не подтвердили этот вывод. Было установлено, что внутренняя речь в процессе игры носит либо крайне свернутый характер, либо вообще отсутствует.

В целом же несомненной заслугой Бинэ перед шахматами является то, что ему первому удалось доказательно охарактеризовать шахматную деятельность как деятельность, обладающую глубоким творческим содержанием.

И. Дьяков, Н. Петровский и П. Рудик в книге «Психология шахматной игры», опубликованной в 1926 году, попытались экспериментальным путем выявить своеобразие психических процессов у шахматистов. Полученные результаты (была составлена психграмма шахматиста, включающая 16 свойств) носили, однако, слишком общий характер и не позволили ответить на поставленные вопросы.

В работах Блюменфельда наибольший научный интерес представляют его попытки исследовать интуитивные формы мышления («видение» в его определении). Он писал: «Иногда шахматист может мысленно «увидеть» сразу целую серию следующих друг за другом ходов, которые проносятся с такой быстротой, что сознание не успевает зафиксировать промежуточные ситуации...».

Б. Блюменфельд считал, что при «видении» не требуется специальной направленности на каждое частное действие и быстрота его настолько велика, что сознательный контроль за промежуточными звеньями отсутствует. «Видение», по словам Блюменфельда, является важной предпосылкой нахождения идеи последующей игры и возникает произвольно. Особенно значима роль «видения» в цейтноте.

Хотя не все соображения Блюменфельда бесспорны (например, о произвольном возникновении «видения»), но он одним из первых попытался объяснить сущность интуитивного процесса.

Значительный вклад в разработку проблем психологии мышления внесли исследования профессора Московского университета О. Тихомирова. В книге «Структура мыслительной деятельности человека» (1969) и последующих работах он, в основном, опирается на шахматный материал. Тихомиров пишет: «...в самом общем виде можно сказать, что шахматы есть частный случай процессов выбора конкретного практического действия в конкретной ситуации на основе изучения особенностей этой ситуации. Практически этот процесс включен во все виды человеческой деятельности».

В исследованиях Тихомирова был применен широкий набор методик, в том числе кино-регистрация движения глаз в процессе обдумывания хода, фотографирование движений рук при размышлениях незрячих шахматистов и др.

Была выявлена общая схема мыслительной деятельности шахматистов, включающая несколько механизмов, которые регулируют сокращение или развертывание поиска. Исследование показало, что деятельность шахматиста направлена на то, чтобы раскрыть смысловую сторону изменения позиции. В процессе этой деятельности происходит сличение очередных изменений позиции с ранее сформулированными ги-

потезами, прогнозирование и планирование.

Эксперименты показали, что поиск хода начинается с анализа смысла действий противника (чем угрожает?). В процессе обдумывания шахматист по нескольку раз может возвращаться к анализу одного и того же хода. Это явление нельзя рассматривать как недостаток мышления, как нерешительность (у сильных шахматистов подобное возвращение встречается чаще), оно во многих случаях является необходимым условием глубокого проникновения в суть сложной позиции.

Было отмечено, что процесс нахождения решения (хода) состоит из двух фаз: сначала выделяется приблизительная область, где может быть найдено решение, а затем строго очерчивается зона последующих поисков. При неблагоприятной оценке найденного хода происходит возврат поиска к первой фазе.

О. Тихомиров указывал, что огромное значение при переходе ко второй фазе имеет эмоциональная активность (объективно переживаемая как «уверенность»), которая как бы определяет субъективную ценность того или иного направления поиска.

В последние годы Тихомиров обратил особое внимание на изучение влияния психологических воздействий, изменяющих эмоциональное состояние, на мыслительную деятельность. В качестве психологического воздействия применялось гипнотическое внушение. Тихомиров пишет: «Мы пригласили в нашу лабораторию экс-чемпио-

на мира гроссмейстера М. Таля, который сыграл с одним из наших испытуемых шесть партий. Три партии испытуемый играл в состоянии гипноза, когда ему был внушен образ выдающегося шахматиста прошлого Поля Морфи, и три партии играл в обычном состоянии, без гипноза. Таль выиграл. После игры он дал следующую оценку: «До гипноза я играл с человеком, едва передвигавшим фигуры. В состоянии гипноза передо мной сидел совсем другой человек, экспансивный, энергичный, смелый, который играл на два разряда лучше».

Не надо усматривать ничего сверхъестественного в перепадах игры испытуемого. Строго говоря, он лучше играть не стал. Но Тихомиров этим экспериментом тонко подчеркнул, что при любом взаимодействии людей (в том числе и в шахматной партии) присутствует не только формальная логика, но и психологические факторы. Играя без гипноза, испытуемый играл хуже, чем мог бы, скованный авторитетом соперника. В остальных партиях «образ» Морфи помог ему освободиться от комплекса неуверенности, и он показал все, на что был способен. В позициях, к которым испытуемый относился в обычном состоянии по принципу «не умею, но попытаюсь», он заиграл под девизом «Все умею, причем на самом высоком уровне!». Эти эксперименты — хорошее доказательство значения психологии в шахматной борьбе.

Наряду с изучением интеллектуальных функций (мышления, памяти, воображения) уче-

ные использовали шахматную модель и для исследования личности. В 1928 году вышла в свет книга профессора А. Нечаева «Психология побед и поражений в шахматной игре». Нечаева интересовали вопросы влияния успехов и неудач на человеческую деятельность. На основании анализа шахматного материала он сделал выводы о том, что успеху в наибольшей степени способствуют спокойствие и активность. Следует заметить, что эти выводы чересчур абстрактны.

Личность шахматистов у ряда авторов (Е. Джонс, Б. Карпман, Р. Файн) была объектом рассмотрения с позиций психоанализа. Привлекают внимание работы Файна, в прошлом видного гроссмейстера. К сожалению, в его исследованиях (как и у других ученых, следующих концепции З. Фрейда) делаются попытки втиснуть в прокрустово ложе психоаналитических теорий процесс развития способностей шахматистов. Так, анализируя жизненный путь Стаунтопа, Аддерсена, Стейница, Морфи, Ласкера, Капабланки, Алехина, Эйве и Ботвинника, гроссмейстер Файн искал объяснение творческих взлетов этих шахматистов в ложной фрейдистской концепции личности (например, в комплексе Эдипа).

Шахматы в качестве модели психологического изучения конфликтной деятельности были использованы автором этой книги. При этом учитывались возражения, связанные с указанием на искусственность, условность шахматной деятельности. Против данной точки

решения справедливо выступил Тихомиров: «Казалось бы, самым «искусственным» в шахматной игре является приписывание (правилами игры) различных «ходов» разным фигурам. Между тем в человеческой деятельности мы постоянно встречаемся с предметами, которые сами своим устройством и, главное, общественно фиксированным способом употребления различаются именно в том плане, что позволяют осуществлять различные действия. Мы постоянно встречаемся с тем фактом, что не только орудия человеческой деятельности, но и сами люди выполняют разные, закрепленные за ними (иногда в течение значительного периода времени) функции, следовательно, такая характеристика игры, как закрепленность за разными фигурами возможностей осуществлять разные наборы действий, не является особенностью, присущей только шахматам».

В пользу привлечения шахматной модели к исследованию конфликтной деятельности можно привести следующие аргументы:

1. По своему происхождению шахматы представляли попытку отображения непосредственного военного столкновения между людьми. В дальнейшем эта зависимость утратила черты прямого внешнего сходства, но шахматы сохранили форму, отображающую противоборство двух сторон.

2. Психологическая сущность шахматного состязания несет в себе многие черты обычного конфликта между людьми: она заключается в осмыслении

стратегии поведения противника и выработке, с учетом этого осмысления, собственной линии поведения, доставляющей противнику максимальные трудности. Принципы деятельности и приемы психологического воздействия на противника в шахматах и других видах конфликтной деятельности обладают значительным сходством (например, принципы координации и концентрации сил, приемы выжидания, заманивания, создания множества угроз и т. д.). Психологические аспекты процесса принятия решения шахматным мастером часто сравниваются с мыслительной деятельностью военачальника. С. Штеменко отмечал: «Различие между трудом полководца и гражданского интеллектуала заключается также и в том, что воле и уму полководца противостоят не меньшие по силе воля и ум противника... Труд полководца превращается в состязание двух волей, силы разума и искусства. В этом случае, вероятно, будет уместным сравнение двух противостоящих полководцев с игрой сильных шахматистов...».

3. Многие решения в конфликтных ситуациях принимаются в условиях неопределенности и требуют творческого подхода. В большинстве шахматных позиций (особенно в миттельшпиле) не представляется возможным установить оптимальную стратегию, которая содержала бы ответ на вопрос, какая из сторон выигрывает или партия должна закончиться вничью. Необходимость действий на неполной ориентировочной основе активизирует

творческое мышление. По-видимому, по сравнению с рядом других видов творческой практики человека в шахматах имеется более высокая концентрация ситуаций проблемного характера. Почти каждый ход требует решения творческих задач.

4. Обстановка неопределенности требует от шахматиста готовности к риску. Отметим, что принятие решений, связанных с риском, в целом характерно для конфликтных ситуаций.

5. Мысль шахматиста непосредственно связана с действием. Избранный ход должен быть воспроизведен на доске, после чего исправить или уточнить его нельзя. Избранный ход должен быть также сделан в пределах довольно жесткого лимита времени на обдумывание. Все это требует от играющего особой ответственности не только за конечный результат, но и за весь процесс мыслительной деятельности. Состязания шахматистов отличаются, как правило, высокой напряженностью.

6. Определенность и относительная простота правил игры облегчают проведение исследований на шахматной модели. «И так как шахматный мир, который по многообразию параметров может состязаться с реальным миром, состоит из простых, легко поддающихся описанию объектов (фигуры, доска) и не более сложных отношений между этими объектами, то шахматист для исследования процессов творческого мышления является не менее ценной находкой, чем дрозофила для гене-

тика», — писал А. Лаузис. Во многих видах деятельности сравнить уровень достижений весьма затруднительно, поскольку отсутствуют точные критерии оценки. В шахматах же имеется метод бесспорной сравнительной оценки продуктивности. Итог состязания — совокупность выигрышей, ничьих, проигрышей — дает ясный ответ на вопрос об эффективности деятельности любого шахматиста. Итак, определенность результатов деятельности, возможность получения точной документации и проведения массового эксперимента с математической обработкой собранных данных облегчают достижение в исследованиях шахматной игры достоверных выводов.

Наряду с определенными достоинствами шахматная модель имеет известные ограничения, которые необходимо учитывать. Одно из них заключается в том, что конфликт в шахматах — это конфликт преимущественно индивидуальный. Поэтому борьба в шахматах более сравнима с теми конфликтными ситуациями, в которых ответственность за принятое решение несет отдельный человек.

В отличие от шахмат и спортивных соревнований другие виды соревнования между людьми выражают, как правило, более значимые общественные противоречия. Это создает определенные различия в системе мотивов, побуждающих к деятельности спортсмена и полководца, следователя, разведчика. Поэтому, имея в виду известную психологическую общность всех видов конфликтной деятельности, нельзя не учи-

тывать социальное различие условных конфликтов в спорте и других человеческих конфликтов. Заблуждение Эм. Ласкера состояло в том, что он в данном плане переоценил значимость шахмат. Объясняя возникновение войн и других видов конфронтации врожденной потребностью людей в борьбе, Ласкер предлагал устранить общественные противоречия посредством повсеместного распространения шахмат.

Используя шахматы в качестве модели, автор разработал систему принципов и способов деятельности в условиях конфликта, обосновал программу психологического изучения противника.

О шахматной модели также часто говорят в связи с работами по созданию программ для электронно-вычислительных машин. До недавнего времени успехи в этой области были невелики. Объяснялось это не столько техническими трудностями, сколько недостаточной гибким, упрощенным подходом к анализу шахматной игры. Авторы программ не учитывали существенные для оценки позиции нюансы, которые часто имели решающее значение, но с трудом поддавались формальному описанию.

Стало ясным, что решение этой проблемы зависит от глубины и точности выявления особенностей деятельности живого

человека — шахматиста. Только глубоко познав психологию мышления и поведения шахматиста, можно рассчитывать на создание программ, учитывающих многообразные факторы шахматной деятельности. Таким образом, от успехов психологических исследований шахмат сейчас во многом зависит и прогресс в области программирования творческих задач.

Итак, мы познакомились с четырьмя главными направлениями исследований в психологии шахматного творчества. Задача, которую ставил перед собой автор книги, заключалась прежде всего в рассмотрении проблемы, ближе всего связанной с практическими интересами шахматистов, — проблемы использования данных психологии в шахматной борьбе.

Решение этой задачи вызвало необходимость изучения особенностей мышления шахматистов, поведения в важнейших игровых ситуациях, влияния возраста, показателей времени, особенностей борьбы за овладение психологической инициативой. На основании проведенных исследований была обоснована программа изучения шахматиста, включающая в себя план его психологической характеристики.

Мышление шахматиста

Что такое шахматный образ?

Мышление шахматиста в значительной степени образно. Но что же понимается под «шахматными образами»? Какими характерными особенностями они обладают?

Проблема определения и изучения образов, которыми мыслит шахматист, имеет отнюдь не академический характер. Если рассматривать образ в качестве структурной единицы мыслительной деятельности шахматиста, то очевидно, что выявление недостатков мышления, типичных и индивидуальных, попытки повышения эффективности процесса обдумывания неизбежно связаны с пониманием содержания и динамики шахматных образов.

В. Малкин отмечал: «Очевидно, что поэт не мыслит буквами, слогами или даже целыми словами. Он творит образами, хотя подчас и мучительно ищет нужное слово. Так и шахматный мастер — он творит не отдельными ходами, его мышление образно. Опытным шахматистом в процессе игры накоплено большое число шахматных образов, иначе говоря, типовых шахматных позиций, по поводу которых он имеет сложившуюся оценку. Эти типовые позиции и являются весьма существенными элементами языка, которым мастер творит свои «поэмы». Расчет вариантов в процессе игры необходим прежде всего для перехода из одной типовой позиции в другую».

Из этого высказывания вид-

но, что главным признаком образа автор считает наличие высокого уровня обобщенности оценки (к образам отнесены лишь представления о типичных позициях, имеющих определенную, сложившуюся оценку). Однако возникает вопрос: как быть с позициями незнакомыми, которые не укладываются в рамки имеющихся в памяти шахматиста типичных образов? Возникают ли образы при отражении в сознании таких позиций или формируются какие-то иные образования?

По-видимому, решение этих вопросов связано с уточнением понятия «шахматный образ». Образ — единство оценки, понимания смысла позиции и восприятия фигур и доски. Таким образом, шахматный образ — целостное сочетание в сознании наглядной картины позиции на доске и ее оценки, то есть обобщения, учитывающего смысл взаимного расположения фигур и их возможных действий. На наш взгляд, каждая позиция в партии (а не только типичная) отражается сознанием как образ.

Конечно, степень обобщения, то есть глубина и точность оценки шахматистом различных позиций, может колебаться. Благодаря знаниям и практическому опыту шахматист оценивает многие позиции, причем самые разнообразные, по сходству с ранее встречавшимися. Здесь ему приблизительно известно, как оценить позицию, что делать дальше. На основе этих позиций возникают более обобщенные образы.

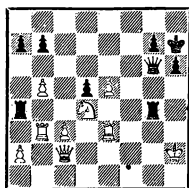
Но значительное количество позиций не может быть с достаточной полнотой оценено только по аналогии с ранее известными. Какие-то элементы оценок, взятых из прошлого опыта, здесь тоже имеются: характерное положение отдельной фигуры, знаковая угроза «вилки», например, но пока это лишь фрагменты целостной оценки. Это более конкретный образ, существенно отличающийся от образа типовых позиций.

Ведущим компонентом образа является оценка, понимание смысла происходящих на доске событий. Приведем несколько примеров. Было, например, установлено, что мастер, проводящий сеанс одновременной игры даже на 25—30 досках, как правило, немедленно обнаруживает отсутствие фигуры, нарочно снятой играющим с доски. Из бесед с мастерами и экспериментов выяснилось, что мастера не запоминают буквального расположения фигур во всех партиях, но в каждой их них руководствуются определенным смысловым содержанием: планом, идеей тактической операции и т. д. Переходя к позиции с «украденной» фигурой, мастер обнаруживает несоответствие прошлой оценки настоящей. Начинаются поиски причин. В итоге — быстро восстанавливается наглядная картина всей позиции и место, где находилась фигура.

Санжин

Сергеев

Улан-Удэ, 1947

Борьба завершилась так:
 43. .Л : a2! 44. Ф : a2 Фh5+
 45. Лh3 Ф : e5+ 46. Кph1
 Фe1+ 47. Кph2 Фg1×.

Интересны высказывания В. Сергеева о ходе своих рассуждений: «После 43-го хода белых, продумав минут пять, я хотел уже было заявить о сдаче, но что-то меня удержало в последний момент. Что? Вероятно, мне очень уж нравилось сильное атакующее положение своих фигур. В этот момент меня необычайно огорчала связка ферзя... Я начал рассчитывать варианты... Как будто ферзя у белых на поле с2 не существует. Получился мат в 4 хода. После этого я легко нашел жертву ладьи».

В данном случае найти верный путь помогли общие соображения (сильное атакующее положение фигур). Опираясь на них, Сергеев нашел жертву ладьи на a2.

Б. Блюменфельд и В. Пушкин, проводившие эксперименты по восстановлению партий и позиций по памяти, указывали, что испытуемые обычно быстро и точно воспроизводили наиболее существенные для оценки или осуществления идеи комбинации элементы позиции (пешечная структура, сильный

конь, атакующее положение ферзя), в то время как негармонично, «случайно» расположенные фигуры забывались или указывались неточно.

Говоря о важности правильной оценки, необходимо учитывать, что носителем смыслового содержания позиции всегда является конкретное расположение фигур, определенный конкретный ход. Группе шахматистов I разряда предложили знакомую типичную позицию, в которой был изменен лишь цвет фигур (белые фигуры были заменены черными и наоборот, а их расположение оставалось прежним). При анализе позиции появились явная неуверенность и ошибки в оценке. Формальное изменение наглядной картины (цвета фигур) вызвало серьезные трудности в логическом анализе. Шахматный образ всегда проявляется в единстве оценки позиции и восприятия конкретных фигур и полей.

Подробное обсуждение вопроса о структуре шахматного образа имеет не только теоретическое, но и определенное практическое значение. Из единства абстрактного и конкретного, проявляющегося в шахматном образе, следует, что в развитии мышления шахматистов нельзя противопоставлять эти стороны. Совершенствование шахматиста во многом зависит от гармонического сочетания в процессе обучения обобщенных и наглядных элементов.

Являясь двумя сторонами единого процесса, обобщение и конкретизация взаимно влияют друг на друга. То, что обобщение способствует обогащению наглядности, показали наши эк-

сперименты с последовательной демонстрацией испытуемым (кандидатам в мастера) нескольких позиций — сложных положений из практических партий и задач-трехходовок. Испытуемые быстро восстановили почти без ошибок позиции из практических партий. Эти позиции имели понятное для испытуемых смысловое содержание (характерные для практических партий пешечные конфигурации, типичные идеи развития дальнейшей игры и т. п.).

Восстановление же задач (несмотря на то что общее количество фигур в них было почти вдвое меньше, чем в позициях из практических партий) вызвало значительные трудности. Большинство испытуемых (70%) так и не смогли верно воспроизвести расположение фигур, поскольку оно не отвечало их представлениям (шахматистов-практиков) о логике развития игры.

В свою очередь, точность восприятия, конкретность образа существенно обогащают логический анализ, способствуют вынесению более глубокой и объективной обобщенной оценки. Изучая вариант дракона в сицилианской защите, мы дали каждому занимающемуся заданием собрать 50 комбинаций, встретившихся в данном дебютном варианте. Результаты оказались благоприятными — заметно повысилось общее понимание позиций, характерных для «дракона». В дальнейшем мы систематически применяли этот метод при изучении других дебютных систем.

По-видимому, авторам дебютных руководств стоит поду-

мать о подобной конкретизации материала и наряду с пояснительными партиями (которые раскрывают главным образом характерные стратегические идеи) давать подборки комбинаций и тактических приемов, часто встречающихся в рассматриваемых дебютах.

Обратимся теперь к анализу типичных свойств мышления шахматистов.

Динамика мышления

Мышление шахматиста при выборе хода носит сложный, динамичный характер. Это диалектический процесс, в котором предвидение будущего, оценка возможных изменений ситуации опираются на образ существующей на доске позиции и органически связаны с предшествовавшим развитием игры. Таким образом, в мышлении шахматиста при выборе хода в своеобразном переплетении представлены образы будущего, прошлого и настоящего.

Исследования показали, что влияние образов, отражающих разные этапы развития игры, очень специфично и неравномерно. В одних случаях преобладающее влияние на выбор решения оказывают прошлые идеи и оценки, в других — полная удовлетворенность настоящим состоянием позиции и т. д. Поэтому возникла необходимость рассмотреть динамические свойства образов шахматного мышления. С этой точки зрения мы будем различать образы остаточные, инертные и опережающие.

Остаточный образ — это мысленный перенос образа прошлой

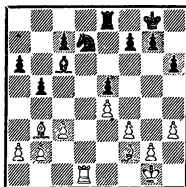
позиции или отдельных ее элементов (оценок возможностей отдельной или нескольких фигур) в неизменном виде в новую ситуацию, сложившуюся на доске. Тем самым прошлое как бы продолжает свою деятельность в настоящем, порой вытесняя действительность. При возникновении остаточных образов, как правило, наблюдается статичность мышления, понижается переключаемость внимания.

На изучение этого явления меня натолкнули два случая из собственной практики.

Таль

Крогиус

32-е первенство СССР,
Киев, 1964/65

Положение черных хуже. Но оснований для паники еще нет. Заслуживало, например, внимания 26. Kpf8, намечая Kpf8—e7. Вряд ли позицию черных удалось бы «пробить» даже с помощью двух дальнобойных слонов. Однако черные продолжали 26. .Kb6?, на что последовало 27. C : b6 cb 28. Ld6!

Удивительно, что этот очевидный ход оказался для меня полной неожиданностью. Я считался здесь лишь с ходом 28. Cd5, так как пешка c7 мысленно осталась в моем сознании на прежнем месте (как будто не было

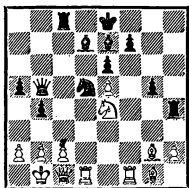
размена на b6). Вспоминаю этот момент: не хотелось верить своим глазам, но факт оставался фактом — пешка с7, столь необходимая для защиты от вторжения ладьи белых, уже покинула это поле.

Аналогичный случай произошел и в другой партии из того же турнира.

Штейн

Крогиус

32-е первенство СССР,
Киев, 1964/65

Здесь напрашивалось 26... Лg4 27. Cf3 Лf4 с преимуществом у черных. Я долго размышлял над этим маневром, но затем мое внимание приковало неуклюжее положение белого ферзя на c1. Противостояние тяжелых фигур по линии «с» вызвало идею форсировать продвижение пешки до b3. Мне казалось, что удовлетворительной защиты от этого плана у белых нет.

В партии было 26...a4 27. Kd6+ С : d6 28. Ф : g5 Cf8?

Серьезная оплошность. Следовало играть 28. Лf4 29. Л : f4 К : f4 30. Л : d6 К : g2, и партия должна была закончиться вечным шахом после 31. Фg8+ Кре7 32. Фg5+. Этот вариант промелькнул в сознании, но более сильной оказалась направленность к злосчастному полю b3.

29. Ф : h4 b3 30. cb!

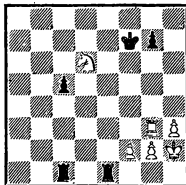
Гром среди ясного неба! Уж что-что, а этот ход я считал невозможным, поскольку во всех расчетах белый ферзь оставался на старой позиции — на c1. Настоящая галлюцинация, если учесть, что ферзь Штейна уже в течение несколько ходов пребывал в другом районе доски. После 30...ab 31. Фh7 f5 32. С : d5 сопротивление черных длилось недолго.

Эти примеры показывают, как устойчивые остаточные образы прошлой позиции, доминируя в сознании, оказывают отрицательное воздействие, искажая оценку новой, изменившейся ситуации на доске. Рассмотрим подробнее типичные проявления отрицательных остаточных образов.

Таль

Глигорич

Матч претендентов,
Белград, 1968

Положение белых трудное. М. Таль только что взял ферзя ходом 37. К : d6+, но даже это не может компенсировать материальный урон.

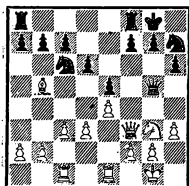
А. Кобленц рассказал: «Как признался Таль после партии, ему померещилось, что этим ходом одновременно будет атакована и черная ладья e8. Он рассчитывал, отыграв качество, реализовать перевес в ладей-

ном эндшпиле. Но удар пришелся по воздуху! Ведь ладья Глигорича успела переместиться на e1 со смертельной угрозой мата».

Такая же причина — мысленная «прописка» чужой фигуры по старому адресу — вызвала серьезную ошибку в следующей партии.

Ильин-Женевский Ненароков

Москва, 1923

Позиция примерно равна. А. Ильин-Женевский так комментировал дальнейший ход борьбы: «Для того чтобы получить инициативу, я решил вскрыть линию «f» и сыграл 1. Лf1 g6 2. Фе3 Ке7. Теперь, казалось, ничто уже больше не мешало осуществлению моего плана, и на радостях я сыграл 3. f4, но получилось вот что: 3. . .ef 4. Ф : f4 Ф : b5. Вот уж это никак не входило в мои планы. Линию я открыл, но потерял фигуру.

Мне скажут: грубый зевок. Да, зевок, но интересна психология этого зевака. Затевая свой план и смотря на доску, я видел, что черный ферзь g5 и незащищенный белый слон b5 разделены плотной перегородкой — пешкой e5. Это представление твердо укрепилось в моем сознании. Настолько твердо, что

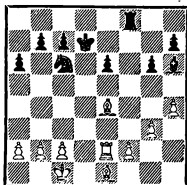
даже когда черный ферзь взял слона, мне показалось, что он перескочил через пешку».

Влияние остаточного образа чуть не привело белых к катастрофе в следующей позиции.

Таль

Россетто

Международный турнир,
Амстердам, 1964

М. Таль после окончания партии сообщил, что собирался пойти на такой вариант: 25. f4 e5 26. С : c6+ Кр : c6 27. Л : e5 Л : f4 28. gf С : f4+ 29. Лg5!?? Здесь, как и в предыдущих примерах, фигура мысленно оставлялась на старом месте (поле h6) и ее последующие перемещения в расчет не принимались.

Заметив свой просчет, белые были вынуждены закрыться от шаха слонем. После 25. . . Кd4 26. Ле1 С : d2+ 27. Кр : d2 Кf3+ 28. С : f3 Л : f3 на доске возник ничейный ладейный эндшпиль.

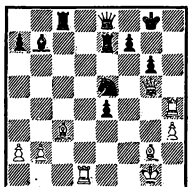
По нашим данным, мысленное оставление фигуры на старом месте преимущественно относится к фигурам противника (в 70% рассмотренных случаев). Однако и случаи возникновения остаточного образа собственной фигуры также не редкость. Укажем в этой связи на рассмотренный выше пример из партии Таль — Крoигус.

Мы зафиксировали также несколько случаев, в которых существование остаточного образа прошлой позиции было связано появлением в сознании своеобразных миражей, образов уже покинувших доску фигур. Роль этих фигур ранее была столь значительна, потребовала столь напряженного внимания к ним, что переключение мысли на вновь возникшие элементы позиции оказалось затрудненным даже тогда, когда указанные фигуры были разменены или уничтожены.

Сабо

Бронштейн

Турнир претендентов,
Цюрих, 1953

В течение длительного периода атака белых строилась на угрозах по главной диагонали, в которых главную роль играл их чернопольный слон. Поэтому, используя предоставляющуюся возможность, Д. Бронштейн уничтожает его: 36. . .Л : с3 37. Фh6 f6 38. bc Лg7? (лучше 38. . .Kpf7) 39. Ld8! Ф : d8 40. Фh8+, и белые вскоре выиграли.

По поводу своего ошибочного хода 38. . .Лg7?, перекрывающего лишний раз опасную в прошлом диагональ a1—h8, Бронштейн заметил: «До сих пор черные боролись со

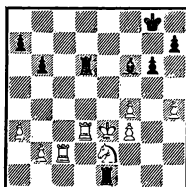
слоном с3, теперь они продолжают борьбу с его тенью».

Часто возникновение отрицательных остаточных образов связано с убежденностью в сохранении контроля над определенными полями, хотя в действительности такой контроль уже отсутствует.

Дарга

Лендьел

Межзональный турнир,
Амстердам, 1964

Черные провели комбинацию с жертвой качества, и К. Дарга немедленно сдался, так как ему показалось, что потеря целой ладьи неизбежна. Велико же было удивление обоих партнеров, когда им указали на возможность простого отхода королем, сохранявшего за белыми материальный перевес.

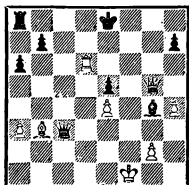
В партии было 40. . .Лe6+ 41. Kpf2, и здесь Л. Лендьел сыграл 41. . .Лb6 : e2+, полагая, что после 42. Л e2 С : h4+ у белых единственный отход королем на g2. Ход мыслей его партнера был аналогичным.

Почему же оба гроссмейстера не заметили возможности сыграть 43. Кре3? Причина обоюдного затмения в том, что над обоими шахматистами, как злой рок, витал образ уже не существующей ладьи e6.

Им казалось, что поле e3 продолжает находиться под контролем этой ладьи.

Ильин-Женевский Ненароков

Москва, 1922

В этой позиции у белых решающая атака. Последовало 1. Cf7+ Kpf8 2. Фh6+? Кр: f7 3. Лf6+ Kpg8, и преимущество перешло к черным. Белые в предварительном расчете учитывали лишь 3. . . Кре8 4. Фf8+ Кpd7 5. Фg7+ и 6. Лf8×.

«Почему же я просмотрел такой простой ход 3. . . Кpg8? — писал Ильин-Женевский. — Да очень просто! Посмотрите исходное положение. В нем поле g8 атаковано двумя фигурами — слоном b3 и ферзем g5. И, рассчитывая свою комбинацию, я, смотря на доску, составил себе ошибочное представление, что на g8 король пойти не может».

Здесь также важные особенности прошлой позиции (контроль над полем g8) мысленно были перенесены в неизменном виде в новую, изменившуюся ситуацию. Белые, например, могли сохранить все выгоды своего положения, сыграв хотя бы Ф g4 на втором ходу, но уверенность в надежности контроля над полем g8 затормозила переключаемость внимания и

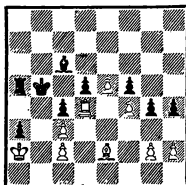
затруднила объективный учет новой обстановки.

Часто в неизменном виде сохраняются суждения о реальности угроз противника и собственных.

Тэйлор

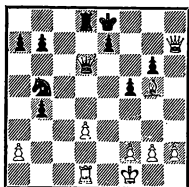
Флор

Ноттингем, 1936

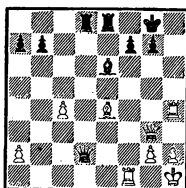

Стремясь активизировать свои фигуры (в частности, освободить ладью от защиты пешки a3), С. Флор сыграл 77. . . Кра4? Но после прозаического ответа 78. Cd3 выяснилось, что черные теряют важную пешку f5. Флор вскоре проиграл эту партию. По-видимому, он не принял в расчет угрозу Се2—d3, так как долгое время этот ход был невозможным из-за взятия слона пешкой. Это обстоятельство учитывалось черными неоднократно при обдумывании различных вариантов, и в результате у них создалось твердое убеждение в абсолютной нереальности хода слона на d3. Поэтому, когда ситуация изменилась (король черных оказался под связкой), данная угроза выпала из поля зрения Флора.

Москва, 1931

Ленинград, 1933

Здесь последовало 26. С : e7? Лd7! Как нетрудно убедиться, легко выигрывало 26. Le1. По поводу допущенной ошибки В. Созин писал: «Просмотр, до некоторой степени понятный с психологической точки зрения: в своих расчетах белые не считались с возможностью ответного хода Лd7, невозможного ранее из-за мата (Фg8)».

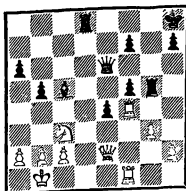
Угрозы, вызывающие возникновение остаточных образов, могут быть выражены в более сложной форме. Отметим, что остаточные образы возникают не только в связи с отдельными фигурами или отдельными полями доски, но и в связи с группами фигур и полей, то есть на основании отражения сложных функциональных связей шахматных сил. Не только отдельные фигуры, поля и ходы, но и стратегические и тактические идеи, бывшие объектом углубленного обдумывания, в ходе партии могут оставаться в сознании в относительно неизменном виде.

В. Чеховер писал: «В этой позиции ничего не дает 29. Ch7+ Kpf8 30. Фа3+ хотя бы из-за 30. .Fd6 31. c5 Фе7. Исходя из этого, я обдумывал главным образом продолжение 29. Лh7 Фd4 30. Фh4 g6 31. Фh6 с последующим Лf4 и Лh4 и во избежание в дальнейшем мата по 1-й горизонтали сыграл 29. h3. На это Модель ответил очень слабо — 29. . . Фе2?, и вот здесь уже продолжение 30. Ch7+ Kpf8 31. Фа3+ Le7 32. Cd3 сразу выигрывало партию. Я же, отказавшись на прошлом ходу от Ch7+, не стал его рассматривать в данной позиции и сыграл иначе. Партия в конце концов окончилась ничью».

Как мы видим, вывод о недостаточности угрозы Ch7+ и Фа3+ оказался настолько устойчивым, что особенности взаимодействия трех атакующих фигур белых (ферзя, ладьи, слона) не стали предметом обдумывания на следующем ходу, уже при благоприятно изменившейся ситуации.

Приведем еще пример, в котором отрицательный остаточный образ возник в связи с ошибочным представлением о непоколебимости защиты.

Даугавпилс, 1978

Последовало 33...e3! 34. Фf3 Лd2 35. Ke2 b4 36. Лc1 Cd6 37. Лh4. «Пойдя на весь этот вариант,— пишет А. Суэтин,— я намечал здесь 37. Лg4, что и было правильным путем... Но неожиданно... я быстро сделал ход 37...Фd5?? И тут же, к своему ужасу, заметил, что белые просто забирают пешку e3... Причина зевка только одна. Пешка e3 была основным стержнем позиции черных, и до последнего хода защита ее была более чем достаточной. Но вот в пылу тактической борьбы я сначала лишил ее защиты своего слона... А затем уже, под влиянием иллюзии о защищенности проходной пешки, был сделан «кошмарный» ход ферзем».

После 38. Ф : e3 Лg4 39. Лh5 Лd1 40. Фh6 Лg7 возникла позиция со взаимными шансами.

Приведенные примеры позволяют говорить об отрицательных проявлениях остаточных образов как о распространенном недостатке мышления шахматистов. Особенно заметно негативное влияние остаточных образов в обстановке цейтнота. Создается парадоксальная ситуация, в которой, казалось бы, сильные стороны мышления: глубина, устойчивость —

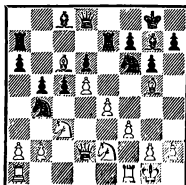
оборачиваются слабостью. Впрочем, еще раз подтверждается старая истина: «Хорошо то, что в меру». А в рассмотренных случаях как раз и наблюдалось нарушение необходимой меры в соотношении между устойчивостью и динамичностью мышления.

Однако не всегда остаточные образы выступают в роли тормоза творческого процесса. Можно отметить их положительное значение при сознательном регулировании внимания и действенном самоконтроле. При этих условиях идеи, возникшие ранее в ходе игры, не превращаются в аксиомы, а используются в измененном виде применительно к новым особенностям позиции.

Такое проявление остаточных образов очень полезно, так как обеспечивается последовательность в обдумывании. Благодаря этому создаются предпосылки для лучшей преемственности этапов развития партии, игра становится более цельной и планомерной. Познакомимся с примерами положительного проявления остаточных образов.

Новотельнов Нежметдинов

Саратов, 1953

В этой позиции Р. Нежметдинов задумал идею перевода

ладьи по маршруту Ле7—e5 с последующей жертвой качества на g5. Например: 16. Kg3 Ле5 17. f4 Л : g5 18. fg Kg4 с богатой игрой по черным полям. В партии было 16. Фf4 Ле5 17. Kg3 Kd3 18. Фh4 К : b2 19. f4 Л : g5! 20. fg Kg4 с перспективной позицией у черных.

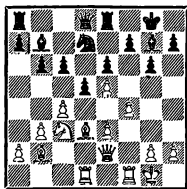
В данном случае идея жертвы качества была как бы заготовлена впрок и использована в подходящей обстановке.

Наличие положительного остаточного образа позволяет последовательно бороться за осуществление какого-либо плана, приравливая его соответственно к меняющейся ситуации в партии.

Ботвинник

Левенфиш

Москва, 1937

В данной ситуации у Г. Левенфиша возникла идея разрушить центр белых посредством f7—f6. Но сразу эта идея не проходила. Левенфиш писал: «Я опасался после 14. ..f6 продолжения 15. cd ed 16. e6 Л e6 17. f5 gf 18. С : f5 Ле8 19. Фh5 Kf8 20. Са3 Фс7 21. e4 де 22. К : e4 с сильной атакой».

Временно отложив немедленную реализацию идеи, черные предпринимают подготовительные меры: 14. ..Фe7 15. cd ed 16. e4! Белые снова

препятствуют f7—f6. 16. ..d4 17. Kb1 c5 18. Kd2. И опять задуманный маневр невозможен ввиду 19. e6 и 20. f5, но мысль о нем не оставляет Левенфиша.

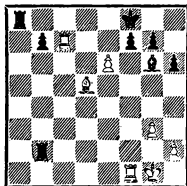
18. ..g5! 19. g3 gf 20. gf Kph8 21. Kc4 Lg8 22. Kph1 f6! Наконец-то давно намеченная идея претворяется в реальность, причем в наиболее подходящий момент! После 23. Kd6 fe! 24. К : b7 черные получили за коня две пешки и богатые тактические возможности.

Нередко возникающий в партии замысел содержит завуалированную тонкость, которая может быть весьма неприятной для противника. Однако немедленное проведение этой идеи встречает опровержение. В таких ситуациях, «завязав узелок» на память, шахматист какое-то время занимается выжидательными маневрами, чтобы лучше замаскировать ловушку, создать у противника ощущение безопасности его позиции. В этом плане характерен опыт Бронштейна, Ларсена и Таля, неоднократно и с успехом применявших указанный психологический прием.

Бронштейн

Полугаевский

25-е первенство СССР,
Рига, 1958

Белые атакуют пункт f7. Их замысел связан с жертвой

качества и последующим продвижением пешки «е». Но пока эта идея не проходит — черные удерживают позицию.

Последовало **30. . . Ле2**
31. Л : b7 Лd8. Первая неточность. По-видимому, **31. . . Ле8** сразу форсировало ничью.
32. Сс4 Ле5 33. Сb3 Ле3? Маневры слона белых ослабили бдительность Л. Полугаевского, и он допускает решающую ошибку. Нехорошо здесь было и **33. . . f6** из-за **34. Лс1** с угрозой **Лс1—с7** или **33. . . Ле4** ввиду **34. Лf4 Л f4 35. e7+.** Следовало играть **33. . . Ле8.** После **34. Лf : f7+ С f7 35. Л f7+ Кpg8 36. e7 Кph7** или **34. ef Лd8** у белых нет выигрыша.

Теперь же, после ошибки черных, давно запланированная операция немедленно реализуется: **34. Лf : f7+ С : f7 35. Л : f7+ Кpg8 (35. . . Кре8 36. Са4+)** **36. e7 Лd1+ 37. Кpf2 Л : b3 38. e8Ф+**, и вскоре черные сдались.

Итак, при сознательном переклещении внимания на изменившиеся элементы ситуации остаточный образ оказывает положительное влияние на эффективность мыслительной деятельности, способствуя ее последовательности и цельности.

Учитывая противоречивый характер проявления остаточных образов в мышлении шахматистов, актуальным представляется вопрос: какие меры можно предложить для ограничения отрицательного влияния остаточных образов? Прежде чем перейти к обоснованию конкретных рекомендаций, подчеркнем еще раз, что возникновение отрицательных остаточ-

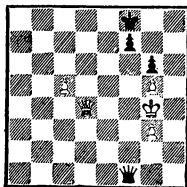
ных образов связано с недостаточным учетом шахматистом того нового, что отличает настоящую позицию от предшествовавшей. При этом, как правило, не уделяется должного внимания действиям противника, наблюдается чрезмерная увлеченность собственными планами. Такая направленность мышления особенно опасна в сложных комбинационных позициях и в цейтноте.

Шахматист, у которого возникают отрицательные остаточные образы, обязан приложить усилия, чтобы проделать специальный анализ изменений позиции, произошедших после очередного хода противника. На тренировочных занятиях, при анализе партий, мы предлагали шахматистам перворядникам и кандидатам в мастера последовательно ответить на следующие вопросы: 1. Какова цель последнего хода, сделанного в рассматриваемой позиции? 2. Чем угрожает этот ход? 3. Какие новые возможности открываются перед стороной, чья очередь хода? По такому плану были, например, проанализированы фрагменты из следующих партий.

Борисенко

Симагин

Москва, 1955

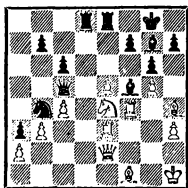

Последний ход белых — 59. Kph3—g4. Правильные ответы: 1. Избежать вечного шаха и перевести короля в центр. 2. Вынудить ферзя черных покинуть активную позицию в связи с идеей 60. Фh8+ и 61. Фf6+ с разменом ферзей. 3. У черных появляется возможность 59. . . f5+; что приводит к мату (60. gf Фf5+ 61. Kph4 Фh5× или 60. Kph4 Фh1×).

Решевский

Бронштейн

Турнир претендентов,
Цюрих, 1953

Последний ход белых — 32. Kc3—e4. Правильные ответы: 1. Защита пешки e5. 2. Угрожает вторжение коня на d6 и f6 (в ряде случаев после предварительного 33. Л : f5). 3. У черных две новые возможности: а) 32. . . Ф : e5? 33. Л : f5 Ф : f5 (33. . . gf 34. Kf6+ С : f6 35. gf! Фе3 36. Фg2) 34. Kf6+ С : f6 35. Л e8+ Л : e8 36. Ф e8+ Kpg7 37. gf+, что неудовлетворительно, и б) 32. . . С : e4! 33. Лf : e4 Ка6 34. e6 fe 35. Л : e6 Лf8 с преимуществом (так и было в партии).

Этот метод принес положительные результаты: количество отрицательных остаточных образов у занимавшихся по такой программе шахматистов сократилось. Успешно прак-

тиковался и другой способ борьбы с указанным недостатком: для сравнительного анализа предлагались почти идентичные по расположению фигур позиции, отличавшиеся каким-либо нюансом (например, положением пешки, не находящейся в главном районе столкновения сил). Требовалось выявить стратегическое и тактическое различие двух позиций.

Инертный образ характерен тем, что оценки конкретных позиций или отдельных элементов позиций мыслятся как окончательные и неизменные. Часто возникновение инертных образов сопровождается убежденностью в фактическом завершении борьбы, хотя партия еще продолжается. У шахматиста в таких ситуациях создается мнение, что последующее развитие игры носит чисто формальный характер и не требует большого умственного напряжения. Тем самым настоящее (зачастую неправильно оцениваемое) механически перепонится на предстоящее, блокируя процесс прогнозирования.

При возникновении инертных образов, как правило, наблюдается негибкость, косность мышления. Самооценка шахматиста отличается крайностями: она либо явно завышена, либо сильно занижена.

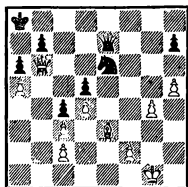
Отметим также, что при появлении инертных образов эмоциональное напряжение падает. Возникает состояние разрядки, возбужденность сменяется апатией. В результате снижения эмоциональной и волевой активности утрачивается должная ответственность за

принимаемые решения. Этот спад психической деятельности, как правило, сопровождается ошибками. Поэтому-то и нередки случаи, когда не выигрываются «абсолютно выигрышные» позиции и проигрываются «совершенно ничейные».

Нужно заметить, что инертные образы, характерные тенденцией к вынесению окончательной оценки позиции, отличаются высокой степенью обобщенности. Это создает особые благоприятные условия для тактических просчетов. При возникновении инертных образов появляется также стремление опираться на шаблонные приемы.

Банник

Риска, 1963

Черные сыграли 34...h6. Позиция белых, конечно, легко выиграна. Считая, что очко в кармане, благодушно настроенный А. Банник последний ход соперника воспринял как жест отчаяния. Последовало 35. С: h6 Кf4! 36. С: f4? Необходимо было 36. Фb1. Например: 36...Ke2+ 37. Kpf1 Фe4 38. Фе1 Фf3 39. Фd1 Kg3+ 40. Kpe1 Фh1+ 41. Kpd2 Ke4+ 42. Kрс1, и белый король скрывается от шахов. Теперь же пос-

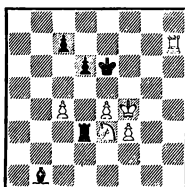
ле 36...Фe1+ 37. Kpg2 Фh1+! 38. Kpg3 Фh3+ ничья стала неизбежной.

Внезапное появление «бешеного ферзя» застало белых врасплох, поскольку ими владел устойчивый инертный образ позиции, где до пата было далеко.

Ласкер

Яновский

Париж, 1909

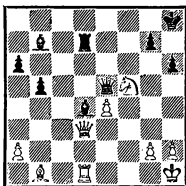

В этом положении Д. Яновский сдался. З. Тарраш резонно заметил: «Яновский, морально удрученный, слишком рано сложил оружие, вместо того чтобы использовать свой последний и отнюдь не плохой шанс. Продолжая 63...c5 64. Kd5 (напращивающийся ход с непредотвратимой на вид угрозой мата) 64. .Л: f3+ 65. Кр f3 С: e4+ 66. Кр: e4, он добивался красивого патового положения. Конечно, противник мог избежать этого, играя 64. Лb7. Но ведь возможно, что в пылу сражения он и не заметил бы этого пата».

Приведем еще два сходных примера.

Попиль**Марко**

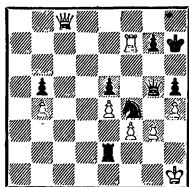
Монте-Карло, 1902

Черные решили, что их слон гибнет, и сдались, в то время как могли выиграть ферзя эффектным и неожиданным ходом 38... Cg1!

Эванс**Решевский**

Нью-Йорк, 1965

Дела белых плохи. Эта оценка (в сущности, верная), по-видимому, казалась С. Решевскому столь бесспорной, что о каких-либо неожиданностях он и не помышлял. А ведь если бы не потеря бдительности, его внимание наверняка привлекли бы некоторые особенности позиции: «патовое» положение короля и неподвижная масса пешек у белых.

Однако черные сделали напрашивающийся ход 48... Ф: g3, после которого игра «по инерции» была наказана: 49. Фg8+! Кр: g8 50. Л: g7+. Пришлось согласиться на ничью, ибо спасения от пата

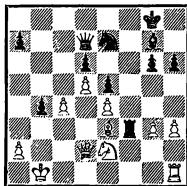
нет. А прояви Решевский минимальную осмотрительность, он, без сомнения, предусмотрел бы комбинацию противника и сыграл бы по-иному. Например: 48... Фg6 49. Лf8 Фе6 50. gf Le1+ и 51. Фа2 с выигрышем.

Замечено, что инертные образы особенно часто возникают у шахматиста, добивающегося лучшей или даже выигрышной позиции. Решив, что «дело сделано», такой шахматист не учитывает в расчете возможных изменений позиции, пусть даже изменений самых парадоксальных, а слепо верит в неизбежную predeterminedность благоприятного развития дальнейшей игры.

Инертные образы возникают и в связи с более частными моментами — оценкой отдельных элементов позиции. Широко распространены случаи неоправданной убежденности в неизбежности положения какой-либо фигуры (или нескольких фигур).

Бастриков**Крогиус**

Ленинград, 1952

Как рассказал после партии Г. Бастриков, он весьма оптимистично оценивал свою позицию, поскольку казалось, что главный «враг» слон g7 надежно блокирован пешечными цепями

в центре. Ранее он мог форсировать размен ладей, но отказался от этого, полагая, что каких-либо серьезных атакующих возможностей у противника нет.

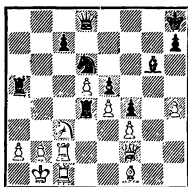
Но черные провели давно подготовленный удар, идея которого состояла в разрушении пешечного центра и оживлении слона.

27. . . Kf5! 28. e4 Ф : f5+ 29. Kpa1 Фе4 30. С : a7 Лd3 31. Фе1 Ф : c4 32. Kc1 e4+ 33. Kpb1 b3 34. Фе2 ba+ 35. Ф : a2 Фb4+. Белые сдались.

Петросян

Глигорич

Турнир претендентов,
Цюрих, 1953

Белые сыграли 37. Ke2. Д. Бронштейн так комментировал этот ход: «В течение последних пятнадцати ходов черные всячески старались усложнить игру, но крепкие профилактические ходы Петросяна возымели своё действие. Глигорич потерял веру в спасение, и как раз в тот момент, когда слепой случай предоставил ему неожиданную, я бы сказал невероятную, возможность усложнить и запутать игру... Петросян мог быть «сурово наказан» за допущенную небрежность (а ход белых 37. Kc3—e2, конечно, небрежность)».

Ошибка Т. Петросяна была не случайной — на протяжении

многих ходов его игра основывалась на неприступности пешечной цепи f3—e4—d5, повидимому, он уверовал в абсолютную невозможность разрушения этой «твердыни». Однако именно сейчас черные могли поколебать эту уверенность, сыграв 37. . . Л : e4. После 38. fe К : e4 39. Фе1 (угрожало 39. . . Kd2+ 40. Kpa1 Л : a2+ 41. Kp a2 Фа8×) 39. . . Ф d5 возникла позиция с богатыми тактическими шансами у черных. Например: 40. b3? Kd2+ 41. Kpb2 Л : a2+! и т. д.

Но и С. Глигорич оказался под влиянием соответствующего инертного образа и не нашел в себе силы пожертвовать ладью.

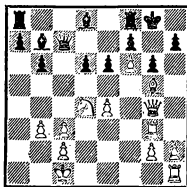
В партии было 37. . . Лda4 38. Kc3 Лd4 39. b3. Возможно, в этот момент оба соперника уже освободились от инерционных влияний. Бронштейн добавляет: «Интуитивно или сознательно, но второй раз Петросян такой приятной возможности, как Л e4, уже не предоставляет».

После 39. . . Фb8 40. h5 С : h5 41. Фh4 черные сдались.

Ивков

Васюков

Львов, 1962

Фундамент игры белых — пешка f6, в непоколебимость положения которой твердо уверовал югославский гроссмейстер.

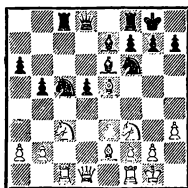
Этим обстоятельством объясняется последующая прямолинейная и неудачная стратегия белых. Было сыграно 19. Лh3 h5 20. Л : h5? Ужасная ошибка. Сильную атаку все еще сохраняло 20. Фh4 и далее g2—d4. Просчет Б. Ивкова стал ясным после 20...Ф : c3 21. Лh8+ Кр : h8 22. Фh4+ Кpg8 23. Фh6 Фa1+ 24. Кpd2 Ф : d4+ 25. Крc1 С : f6 — атака отбита, уничтожен и оплот белых — пешка f6.

Возникновение инертных образов в ряде случаев связано с ошибочным выводом о наличии полного контроля за каким-либо полем (или несколькими полями, а также диагоналями и открытыми линиями).

Петросян

Спасский

Матч на первенство мира,
Москва, 1969

В партии последовало 14. Cd3? d4 15. С : d4 К : d3 16. Ф : d3 Сc4 17. Фb1 С : f1. Черные выиграли качество и на 44-м ходу одержали победу.

По поводу ошибки белых, позволившей сопернику осуществить выгодное продвижение центральной пешки, И. Бондаревский справедливо заметил: «Просмотр, который легко понять с психологической точки зрения. Пункт d4, самый сильный в позиции белых; защищен

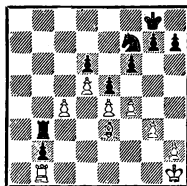
три раза! Он, казалось бы, навечно принадлежит им. Именно в таких случаях внимание часто ослабляется».

По полученным нами данным, успешная борьба с возникновением инертных образов сравнительно чаще удается при наличии объективно трудных позиций: По-видимому, в подобных позициях у большинства высококвалифицированных шахматистов возрастает сила сопротивления инерционным тенденциям мышления. Для примера приведем следующее окончание.

Ботвинник

Керес

Москва, 1951

Здесь в случае отступления слона белых черные без особых хлопот выигрывали посредством перевода коня на ферзевый фланг. Надо отдать должное самообладанию Ботвинника, который в очень трудный момент находит лучший шанс обострить борьбу.

48. c5! Л : e3 49. Л : b2 g6. Этот напрашивающийся ответ, по-видимому, упускает выигрыш. Следовало играть 49. h5!, не обнажая 7-ю горизонталь. После 50. c6 Лc3 51. Лb7 Кh6 черные были бы близки к победе. В партии же было 50. c6 Лc3 51. Ла7 Кpg7 52. c7. Черные не могут изба-

виться от связки. Поэтому ничья!

Итак, как мы могли убедиться, даже очень сильные шахматисты при появлении устойчивых инертных образов механически переносили имеющиеся признаки ситуации на будущее, подходили к оценке будущей обстановки с готовым штампом. Следовательно, инертные образы затрудняют поиск нового и сводят к минимуму творческое воображение.

В отличие от остаточных образов, проявляющихся в двояком значении — положительном и отрицательном, — инертные образы однозначны, они обусловлены нарушениями динамики мышления и всегда выступают в роли отрицательных факторов.

Поскольку инертные образы блокируют способности шахматиста к предвидению новых особенностей позиции, искоренение этого недостатка мышления связано в первую очередь с развитием фантазии, стимулированием творческих поисков. Надо стремиться смелее искать парадоксальные решения, исключения из общих правил.

На тренировках мы предлагали занимающимся позиции с определенной оценкой (одна из сторон имеет решающее стратегическое преимущество или партия должна закончиться вничью). Требовалось для каждой из сторон найти тактические и стратегические возможности, порой почти невероятные, которые могли бы помешать достижению предполагаемого (на основании имевшейся оценки) результата. Затем обнаруженные идеи надо было

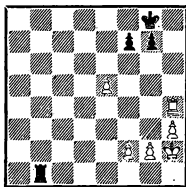
«привязать» к исходной позиции, то есть попытаться наметить пути их практической реализации. По такому плану мы проводили занятия с юными шахматистами сборных команд РСФСР и Саратовской области. Были даже организованы конкурсы на лучшую идею, противоречащую общепринятым оценкам.

Примеры из практики выдающихся мастеров шахмат показывают, что они систематически борются с инерционностью мышления, ведут постоянный поиск даже в самых тривиальных позициях. Приведем фрагмент из рассказа Е. Геллера о доигрывании одной из его партий.

Решевский

Геллер

Турнир претендентов,
Цюрих, 1953

Оценка позиции, конечно, ясна. Белые должны выиграть. Можно было бы «по инерции» сдать партию, не тратя сил на анализ. Но... предоставим слово Геллеру: «... при домашнем анализе мы с Ю. Авербахом наметили целых три идеи, позволяющие черным надеяться на спасение. Первая — попытаться получить эндшпиль с пешками «f» и «h» у белых. Вторая — поискать позицию, где две лишние пешки оказались

бы блокированными. Третья — фантастическая — сыграть на пат! Доигрывание показало, что если с двумя первыми возможными черными Решевский как-то считался, то о третьей он даже и не задумывался.

Посмотрим, как проходило доигрывание: 41. . . Лe1 42. f4 Лe3 43. Лg4 Кph7 44. Лg3 Лe2 45. h4? Лe4 46. Лf3 f6! 47. e4 gf 48. Кpg3 (48. g4 f5! 49. g5 Кpg6) 48. . . Кpg6 49. Ла3 f5 50. Ла6+ (еще выигрывало 50. Ла8!) 50. . . Кph5 51. Лf6 Лe3+! 52. Кpf2 Ла3 53. g3 Лf3+! 54. Кре2 Л : g3 55. Л : f5+ Кр : h4. Вскоре партия закончилась вничью!

В развитии навыков к поиску скрытых возможностей помощь может принести и внимательное изучение партий Ласкера, Чигорина, Рагозина, Сиماجина, Ларсена.

Г. Левенфиш писал: «Отмечу... одну бесспорную черту Ласкера — его скептицизм и веру в защиту. Разбираем какой-либо дебютный вариант, на мой взгляд плохой для черных. И вот Ласкер начинает изобретательно выискивать незаметные контршансы, и оказывается, что вариант приемлем и попытки опровержения не удаются».

Инертные образы также связаны с преимущественной обращенностью мышления «на себя», на обдумывание собственных планов. При этом замыслы противника принимаются в расчет без должного внимания. Поэтому, резюмируя советы по борьбе с инертностью мышления, наряду с призывом «искать и сомневаться» хочется высказать еще один — «не за-

бывать о существовании противника».

Опережающий образ возникает при обдумывании возможных в будущем изменений ситуации. При этом в ряде случаев значение возможных событий в партии настолько переоценивается, что они воспринимаются шахматистом как реально существующие.

Б. Блюменфельд писал: «Насколько я могу судить по собственному опыту, бывают моменты, когда представление, созданное зрительным воображением, вытесняет действительность».

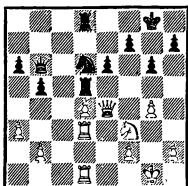
Отрицательная роль опережающих образов проявляется двояко. В одних случаях возможные угрозы противника принимаются за реально существующие. Отдаленная перспектива фетишируется сознанием и становится фактором оценки уже существующей позиции.

В других случаях излишнее значение приписывается возможным в будущем маневрам собственных фигур. То, что их осуществление еще не подготовлено, учитывается недостаточно отчетливо. Из процесса предвидения выпадают промежуточные звенья, которые должны были бы связать образ желаемых изменений ситуации с воспринимаемой в настоящий момент позицией на доске. Подобный ход обдумывания приводит к нереальности планирования, прожектерству.

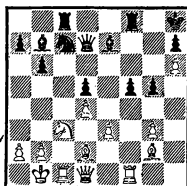
Познакомимся сначала с практическими примерами, в которых преимущественное внимание уделяется возможным действиям противника.

Шлехтер

Монте-Карло, 1902

Пильсбери**Капабланка****Александр**

Ноттингем, 1936

Положение белых хуже: из атаки ничего не получилось, а изолированная пешка в центре надежно блокирована и требует защиты. По-видимому, К. Шлехтер был особенно обеспокоен возможным в будущем вторжением коня черных на с4. Эта будущая угроза настолько привлекла его внимание, что вытеснила из сознания уже реально существующую опасность (Kd6 : e4). Последовало 32. b3?? Р. Шпильман так описывает этот эпизод: «Пильсбери не поверил своим глазам; не делая хода, он только вопросительно смотрел на Шлехтера, когда тот... подошел. Ничего не понимая, Шлехтер посмотрел на доску и лишь тогда заметил, что подставил ферзя. Конечно, он немедленно сдался».

В данном случае причиной просмотра является переоценка возможного вторжения фигуры противника на определенное поле доски. Конечно, последствия подобных ошибок не всегда столь суровы. Игнорирование одноходовой угрозы взятия — исключение в практике мастеров.

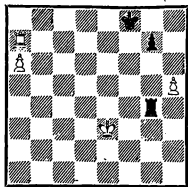
Черные ответили 26. .Фе8. По поводу этого хода А. Алехин писал: «Не только теряя драгоценное время, но и допуская ответный ход белых, являющийся первым шагом к освобождению их ферзевого слона. Между тем, поскольку у противника не было никаких прямых угроз, черные сами могли начать атаку на ферзевом фланге посредством 26. .Сa6 с последующим наступлением пешки «b».

Ход черных в партии объясняется переоценкой призрачной угрозы вторжения ферзя на поле h5. Последовало 27. g4! Фg6 28. gf Л : f5 29. Л : f5 Ф : f5+ 30. Кра1 Лf8 31. Фh1, и белые овладели инициативой.

Часто возникновение отрицательных опережающих образов связано с возможными маневрами отдельных фигур противника. Причем несколько ходов, необходимых для осуществления такого маневра, в сознании отражаются в качестве слитного, неразрывного акта. Возникает иллюзия, что время течет по-разному: быстрее для действий противника, медленнее для собственных действий.

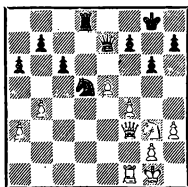
Полугаевский**Парма**

Врнячка-Баня, 1965

В этом положении черные (за ними очередь хода) сдались. Б. Парме показалось, что в варианте 60. . .Ла4 61. Ла8+ Крf7 62. а7 Ла1 у него нет защиты от маневра h5—h6—h7 (на 63: .gh выигрывает 64. Лh8). Но, по-видимому, в мысленном расчете черные делали только ходы за противника, «забыв», что игра ведется по очереди. Иначе они легко нашли бы простое спасение: 63. . Крг6 и на 64. Крд4 возможно 64. . .Крh7.

Отрицательные опережающие образы возникают не только в связи с оценкой возможностей отдельных фигур противника, но и на основе более обобщенных факторов.

Бондаревский**Флор**Межсезональный турнир,
Сальтшобаден, 1948

У белых определенные атакующие возможности. Однако, пожалуй, самая неприятная

из них — вскрытие линии «f» — пока не угрожает черным. Об этом свидетельствует хотя бы вариант 28. . .Le8 29. f5 Ф е5 30. fg fg 31. Фf7+ Крh8. Такова реальная оценка ситуации.

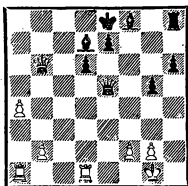
Но на С. Флора угроза атаки противника произвела столь сильное впечатление, что, не считаясь с другими особенностями позиции, он делает ход, продиктованный лишь одной целью — не допустить атаки белых, начинающейся ходом f4—f5.

Было сыграно 28. . .f5 29. ef К : f6 30. f5. Черные неожиданно попали из огня да в полымя. Опережающий образ сработал таким образом, что профилактические меры, принятые против возможной в отдаленном будущем атаки, сделали эту атаку вполне реальной уже сейчас. После 30. . .g5 31. Kh5 К : h5 32. Ф : h5 белые добились явно преимущества.

В следующей партии произошла явная переоценка защитительных ресурсов противника. Причем возникший отрицательный опережающий образ настолько доминировал в сознании, что вне внимания прошло... нарушение правил игры. Было забыто то, что черные не могут рокировать, так как ранее их король уже путешествовал по доске.

Таль**Ларсен**

Амстердам, 1969

Обдумывая эту позицию, белые отказались от 29. a5 ввиду 29. .Сg7 30. a6 0—0 31. a7 Фe4, и черные не только успевают задержать проходную пешку, но в связи с угрозой 32. Сс6 получают опасную атаку. Последовало 29. Le1 Ff4 30. a5? Сg7 31. Фb8+ Kpf7 32. Фb3+ e6 33. Фb7 Kpe7 34. Le4 Фd2 35. Lae1 Ce5 36. a6 Ф : b2 37. Лb4 Фа2 38. a7 Сс3 39. Лbb1 С : e1 40. Л : e1 Лf8, и вскоре белые сдались.

С рассуждениями белых при обдумывании ими своего 29-го хода можно было бы согласиться, если только удалось бы исключить из партии 17-й и 26-й ходы Б. Ларсена (17. .Kpd8 и 26. Kpe8). Оказалось, что белые сражались с призраком.

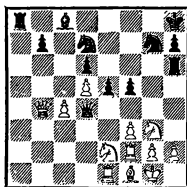
В рассмотренных примерах наблюдалась тенденция к переоценке будущих угроз противника и недооценке собственной позиции. При этом совершался добровольный и большей частью немотивированный переход к пассивному образу действий, что приводило к значительному снижению качества игры. Указанные свойства опережающего образа тонко подметил А. Нимцович в своем известном афоризме «Угроза выглядит сильнее, чем ее исполнение».

Нередко проявляется и другая сторона отрицательного опережающего образа: преувеличиваются свои шансы и внимание направляется лишь на рассмотрение возможностей собственных фигур. Реальные же ответы партнера недооцениваются или игнорируются.

Сначала познакомимся с несколькими рекордными случаями увлеченности собственными замыслами.

Капабланка**Рюмин**

Москва, 1936

Н. Рюмин рассказывал: «Задумавшись, я вдруг нашел «комбинацию» — 26. .Kc5, 27. Ф : f2+ и 28. .Kd3 + с отыгрышем белого ферзя! Взаясь за коня, сделал ход и остановил часы, не дожидаясь хода Капабланки».

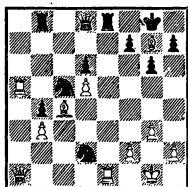
То, что Капабланка своим предыдущим ходом напал на ферзя, Рюмин не заметил: его мысли были всецело прикованы к заманчивой будущей комбинации. Укажем на проявившуюся в данном случае характерную особенность опережающего образа — на иллюзию в оценке времени, необходимого для действий, своих и противника. При неоправданной увлеченности своими замыслами кажется, что они могут быть реализованы

сразу, мгновенно, и, во всяком случае, гораздо быстрее, нежели замыслы противника (хотя в действительности часто для реализации тех и других требуется одинаковое количество ходов).

Петросян

Глигорич

Белград, 1956

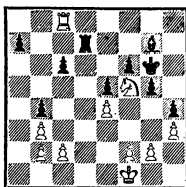
Преимущество белых бесспорно. После 26. Л : e8+ Ф : e8 27. Ch6 Kf3+ 28. Kpg2 Ke5 29. f4 не видно, что делать черным. Но Т. Петросян сыграл 26. Ch6? и после 26. . .Л : e1+ сдался. Просмотр связан с доминированием в сознании образа выигрыша (Фa1 и Ch6). Белые под влиянием «видения» конечной позиции варианта опустили промежуточное звено (вероятно полагая, что размен ладей уже совершен).

Конечно, отрицательная роль опережающих образов проявляется не только в одноходовых «зевках». Чаше она связана с менее очевидными упущениями.

Аронин

Смыслов

19-е первенство СССР,
Москва, 1951

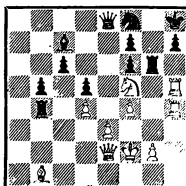
Не может быть двух мнений — положение белых выигрышное. Заслуживало внимания 42. Л с6 или 42. Кре2. При этом черные совершенно беспомощны. Но Л. Аронина прельстил другой вариант, в котором он, казалось бы, сразу выигрывает в пешечном эндшпиле. Последовало 42 Лg8? Kph7 43. Л : g7+? Л : g7 44. К : g7 Кр : g7 45. g4 hg 46. fg.

Образ этой позиции обусловил выбор Аронина. На первый взгляд от марша короля белых на с4 нет защиты. Но... 46. . .g4! 47. h4 c5! 48. Кре2 Kph7 49. Kpd3 Kph6 50. c3 a5 51. cb ab, и выяснилось, что на 52. Крс4 следует 52. .f5! 53. ef e4, после чего выигрывают уже черные. Поэтому противники согласились на ничью.

Котов

Смыслов

Турнир претендентов,
Будапешт, 1950

У белых выигрышное положение. Надо лишь обезопаситься от ладьи b4 — единственной активной фигуры черных и точно рассчитать варианты решающего наступления на пункт h7. Но белым показалось, что все получается без подготовки. В результате они просмотрели неожиданную контратаку противника.

В партии последовало 39. Л : h7+? К : h7 40. Фh5 Фg8 41. Ке7 Л : g2+ 42. Крf3. На образ этой позиции опирался расчет А. Котова. Кажется, что черным впору сдаваться. Но непредусмотренный удар 42. . . Лf2+! резко изменил картину сражения. В связи с 43. Кр f2 Лb2+ сдаваться пришлось уже белым. Котов справедливо отметил, что в моменты увлеченности своими замыслами притупляется чувство опасности.

Опережающий образ часто проявляется в связи с возникновением у шахматиста уверенности в обязательности ответного взятия противником размениваемой или пожертвованной фигуры.

Приведем для примера дебютную часть партии Робач — Портиш (XV Олимпиада, Варна, 1962):

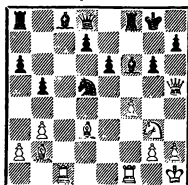
1. e4 c5 2. Кf3 e6 3. d4 cd 4. К : d4 a6 5. Cd3 Кc6 6. К : c6 bc 7. 0—0 d5 8. Kd2 Кf6 9. b3 Сb4 10. ed. План белых связан с атакой королевского фланга. Один из слонов уже занял активную позицию, а второй, как полагал К. Робач, на следующем ходу займет другую важную диагональ (11. Сb2), поскольку ответ черных кажется вынужденным — надо брать пешку. Однако черные сыграли 10. . .Сс3! После 11. Лb1 cd 12. Сb2 Фс7

13. С : с3 Ф : с3 14. Фе2 Сb7 надежды Робача на атаку не оправдались, а перевес черных в центре определил их лучшие перспективы в миттельшпиле.

Олафссон

Таль

Турнир претендентов,
Белград, 1959

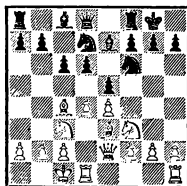
Белые сыграли 22. С : g6. Они издали шли на эту позицию, полагая, что после 22. . .hg 23. Ф : g6+ Кph8 24. Кf5! С b2 (или 24. . .ef) 25. Лf3 спасения у черных нет. Но ответ М. Талья 22. . .Фе7! повернул ход борьбы в другое русло: 23. С : f6 К : f6 24. Фf3 Лb8 25. Cd3 Сb7 26. Фе2 Кph8, и инициатива перешла к черным.

Психологически сходны с приведенными примерами случаи возникновения опережающих образов, основанных на уверенности шахматиста в том, что атакованная фигура должна либо сразу отойти, либо быть немедленно защищена.

Греков

Ильин-Женевский

Москва, 1920

А. Ильин-Женевский писал: «...я не задумываясь сыграл здесь 8. .b5... Ответ же противника мне казался ясным — 9. Сd3. Если на фигуру нападают, она должна уходить. Но не тут-то было. На 8. .b5 последовало 9. de! de (Приходится! Если 9. .bc, то 10. ef К : f6 11. Ф с4 с выигрышным положением) 10. К : e5! bc 11. К : с6 Фе8 12. e5». У белых явное преимущество, так как фигура отыгрывается.

А. Котов справедливо заметил: «Атакованная фигура должна уходить — сколько партий было проиграно именно потому, что играющий слепо следовал этому условному рефлексу, годами утверждающемуся в сознании шахматиста!»

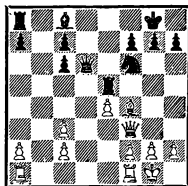
Рассмотренные примеры показывают, что при опережающих образах часто недооцениваются промежуточные ответы противника. Отметим, что предвидеть так называемые промежуточные и тихие ходы психологически трудно, так как эти ходы связаны с отрицанием в данный момент привычных шахматных ценностей, например значения материала, владения центром и т. п.

Поэтому позиции, насыщенные нестандартными возможностями, вызывали ошибки в игре даже у самых крупных шахматистов. Приведем два примера из творчества Капабланки.

Капабланка

Тарраш

Петербург, 1914

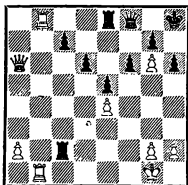

В этом положении белые ошибочно сыграли 13. Lfd1 (вместо 13. Лад1). После 13. . .Сg4 14. Фg3 С : d1 15. С : e5 Фd2! выяснилось, что ввиду угрозы мата на e1 белые остаются без фигуры.

Капабланка

Томас

Гастингс, 1930/31

Белые сыграли 38. Фа8? (выигрывало 38. Л e8 Ф e8 39. Фа4!). Образ неизбежного, по представлению Капабланки, развития событий (38. .Л b8 39. Л : b8) вытеснил из процесса обдумывания черную ладью на c2, которая как раз в этот момент могла нанести удар страшной силы — 38. .Л : a2!, после чего черные оставались с двумя лишними пешками. Но Д. Томас тоже не обратил внимания на эту возможность и сдался.

Отрицательные опережающие образы выступают, следовательно, в двух плоскостях. В одних случаях они приводят к излиш-

ней осторожности, когда «у страха глаза велики», а в других — к чрезмерной самонадеянности.

Однако необходимо отметить и положительную роль опережающих мыслительных образов в развитии фантазии шахматиста. В творчестве М. Чигорина, А. Алехина, М. Таля, А. Карпова, Л. Полугаевского и других шахматистов объекты предвидения, как правило, соотносились критическим анализом с реальной действительностью. Это сочетание благодаря сознательному контролю способствовало дальности и точности расчета, нахождению оригинальных идей. Вспомним такие примеры из современной практики, как партии Карпов — Велимирович (Скопье, 1976), Любоевич — Карпов (Манила, 1976), Полугаевский — Смыслов (Рига, 1975).

Итак, опережающие образы могут быть важными факторами в развитии способности предвидеть события. Но какие меры следует предложить для устранения отрицательных опережающих образов?

Как было показано выше, при возникновении отрицательного опережающего образа шахматист, ясно представляя завершающий момент осуществления какой-либо идеи, ослабляет контроль за промежуточными звеньями. Отсюда следует, что важно научиться точно фиксировать в уме не только конечную позицию, но и все промежуточные, обращая особое внимание на те продолжения, которые могли бы привести игру с намеченного пути.

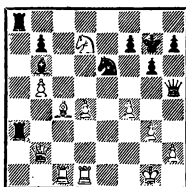
В течение ряда лет мы тренировали перворазрядников и кандидатов в мастера по методу «промежуточных финишей». Суть ме-

тода в том, что шахматисту предлагается решить сложную, многоходовую комбинацию не передвигая фигур на доске. Когда шахматист сообщает, что решение найдено, доска убирается, и он должен указать точное расположение фигур после каждого хода приводимого решения.

Значение этого метода хорошо иллюстрирует пример, описанный А. Быховским.

Щербаков Быховский

Москва, 1954

А. Быховский рассказывал: «...я увидел серию ходов: 1. . . К : f4 2. К : b6 Kh3+ 3. Kph1 Фf3+ 4. Фg2 Kf2+ 5. Kpg1 Kh3+ 6. Ф : h3 Ла2 7. С : a2 Л a2. Весь вариант промелькнул мгновенно, и сознание зафиксировало лишь конечную позицию. Проанализировав ее, я с радостью обнаружил, что у белых не находится спасения от вечного шаха».

Однако, проверяя расчет, Быховский обнаружил сильный ответ 3. Kpg2, после чего ничего не сулит 3. .Фf3+ из-за 4. Кр h3. В партии последовало 1. . . К : f4 2. К : b6 Kh3+ 3. Kph1? Теперь, увлеченный заранее обнаруженной конечной позицией, Быховский, не просчитав последовательно варианты 3. .Фf3+ и 3. .Ла2, но «в общем» решив, что оба пути

ведут к одному и тому же, сыграл 3. .Фf3+. После 4. Фg2 Kf2+ 5. Kpg1 Kh3+ 6. Ф : h3 La2 7. Cd5! черные сдались.

«Если бы черные не подменяли расчет «видением» и фиксировали в уме позиции после каждого мысленного хода, то им бы удалось без особого труда путем 3. . La2! сделать ничью» — такой поучительный вывод сделал Быховский.

Среди других способов борьбы с отрицательными опережающими образами большого внимания заслуживает игра вслепую. Остановимся на этой рекомендации подробнее.

Распространено мнение, что игра вслепую вредна для здоровья и ничего не дает для развития способностей шахматиста. Не будем оспаривать правильное утверждение, что увлечение сеансами вслепую преследует рекламные цели и пользы не приносит. Однако наша рекомендация имеет в виду небольшое количество тренировочных партий и решение учебных позиций.

О пользе игры вслепую говорили многие шахматные специалисты. Ф. Дуз-Хотимирский отмечал: «Игра не глядя на доску является ценным фактором тренировки и помогает развивать комбинационное зрение... Шахматы — это и есть главным образом игра вслепую. Шахматист в своем воображении оперирует фигурами, проводит комбинации и маневры, которые еще не состоялись». На достоинства игры вслепую как средства тренировки указывали Тарраш, Марко, Алехин, Бондаревский.

В игре вслепую, на наш взгляд, может быть, лучше, чем в других видах шахматной под-

готовки, совершенствуются динамические свойства мышления. Характер игры предполагает необходимость постоянного и точного сравнения опережающих образов с исходной позицией. Это требует систематической фиксации данной позиции и ее намеченных видоизменений.

Для подготовки шахматиста к практической игре в обычных условиях можно посоветовать несколько форм игры без полной опоры на восприятие позиций:

1. Анализ шахматных позиций в уме. Очень полезно, например, чтение шахматной литературы без доски, решение задач и этюдов подобным образом. Т. Петросян писал: «Первым серьезным шахматным трудом, с которым я познакомился, была книга А. Нимцовича «Моя система на практике». Бесчисленное множество раз я анализировал партии и позиции из этой книги, причем очень любил читать ее без шахмат... Особенно жаловаться на плохой расчет вариантов мне в зрелые годы не приходилось, и полагаю, что выработать умение далеко и верно считать варианты мне помогла привычка читать шахматные книги без доски, причем, естественно, я стремился проследить ход борьбы с позиции, изображенной на диаграмме, до следующей диаграммы».

Полезно также анализировать, не передвигая фигур, позиции из партий, стремясь при этом найти собственное решение, а затем сравнить его со случившимся в партии.

2. Игра вслепую при наличии доски без фигур. Пустая доска значительно облегчает ориентировку шахматиста, обладающего

небольшим опытом игры вслепую. Благодаря наличию доски точная фиксация расположения фигур в имеющейся и прогнозируемых позициях становится сильной для шахматистов начиная с II разряда.

3. Игра вслепую без доски, но с ведением записи партии. Это более сложный и трудный вид игры вслепую, требующий известной подготовки. Игра без доски вызывает необходимость более точной фиксации промежуточных этапов рассматриваемого варианта.

4. Игра вслепую без доски и без записи ходов. На первых порах ведение игры может быть облегчено употреблением полной шахматной нотации при передаче ходов. Мы заметили, что объявление, например, хода Кс2—е3, а не просто Ке3 содействует лучшей фиксации в сознании расположения данной фигуры и всей позиции. По-видимому, определенное значение имеет то обстоятельство, что при полной нотации в сознании фиксируется не только конечный пункт движения фигуры, но и исходный, благодаря чему возникает более целостный образ сделанного на доске хода.

5. Игра вслепую на нескольких досках. Такой вид игры вслепую требует значительной подготовки. Для перворазрядника оптимальным мы считаем ведение одновременно двух партий, для кандидата в мастера — трех, для мастера — не более шести. Причем участники сеанса должны не менее чем на два разряда уступать сеансеру. Как показывает опыт нашей тренерской работы, при соблюдении этих условий проведение неболь-

ших сеансов одновременной игры вслепую не вызывает чрезмерного утомления у взрослого шахматиста.

В целом же игра вслепую и другие формы анализа без полной опоры на зрительное восприятие позиции являются полезными способами тренировки; они особенно важны для развития способностей к точному и верному предвидению предстоящего развития игры.

Итак, мы рассмотрели динамические свойства мыслительных образов в деятельности шахматистов. Было нетрудно убедиться в том, что продуктивность мышления зависит от наличия органической взаимосвязи между учетом прошлых особенностей позиции, ее настоящего состояния и планируемых изменений. Противопоставление этих компонентов друг другу, неоправданное выделение одного из них и, следовательно, неизбежное вытеснение из сознания других приводят к нарушению целостности и последовательности мыслительного процесса.

Развернутость мышления шахматистов

Психологические исследования показали, что мышление человека носит направленный, избирательный характер. Всегда существует мысленное разделение на главное и второстепенное, основное и дополнительное. В качестве главного человек выделяет то, что, по его соображениям, в наибольшей степени помогает решению задач деятельности, а также соответствует его индивидуальным особенностям и состоянию в настоящий момент.

А. Алехин, М. Ботвинник, Б. Блюменфельд и другие шахматные авторитеты справедливо указывали, что играющий не может одновременно охватить все сложные взаимосвязи фигур на доске. Шахматист мысленно выделяет какую-то часть доски, группу фигур, отдельный вариант или план в качестве главного объекта обдумывания. «На некоторые фигуры шахматист не обращает внимания. Из общего числа 25—30 фигур в расчете участвуют 3—6 фигур...» — подчеркивал Ботвинник.

При высокой переключаемости внимания, сознательном контроле эта особенность мышления не является недостатком, так как шахматист соразмеряет стремление углубиться в обдумывание какого-либо варианта с пониманием необходимости обозрения и других элементов позиции.

Однако нередко шахматист, увлеченный определенной идеей, буквально не может от нее оторваться. При недостаточном самоконтроле возникает устойчивая узкая направленность мыслительного процесса, приводящая к необъективной оценке позиции. Известна и другая, противоположная, крайность, когда мышление носит чересчур развернутый, разбросанный характер. При этом не удается сосредоточиться с достаточной глубиной и интенсивностью на какой-либо идее.

Развернутость — свойство мышления, связанное с рассмотренными в предыдущем разделе динамическими характеристиками шахматных образов. Но зависимость между этими свойствами не линейная. Излишне узкая или чрезмерно широкая направ-

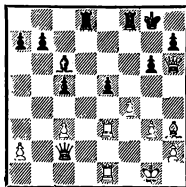
ленность мышления может проявляться при возникновении как остаточных, так и инертных и опережающих образов. Различие состоит в том, что, анализируя понятие развернутости мышления, мы делаем акцент на пространственных характеристиках (объем зоны обдумывания), а ранее преимущественное внимание уделяли совместимости временных факторов (образов прошлой, настоящей и будущей позиций).

Рассмотрим подробнее особенности проявления недостаточно широкой развернутости шахматного мышления.

Ботвинник

Смыслов

Матч-реванш на первенство мира,
Москва, 1958

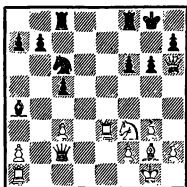

Эта позиция возникла в 18-й партии матч-реванша на первенство мира. М. Ботвинник сыграл здесь **26. Фg5**. Он пишет: «...ход **26. Фg5** — грубый просчет... теперь белые могли получить мат после **26. . .Ld2 (27. Се6+ Лf7! 28. С : f7+ Кр f7)**. Я заметил ход **27. . .Лf7** сразу же, как перевел часы, и читатель может не сомневаться в моих переживаниях... К моему удивлению, В. Смыслов не сразу сделал ответный ход... вот проходит минута, другая... после 8 минут обдумывания мой партнер берет ладью d8, я нервно хватаю ка-

рандаш, чтобы записать ход и расписаться в своем поражении, но когда поднимаю глаза, то не верю им — черные поставили ладью на поле е8!»

Борьба в этой партии разгорелась с новой силой, и белые в конце концов одержали победу на 74-м ходу. Однако нас прежде всего интересует вопрос: чем объясняются взаимные ошибки соперников? По-видимому, тем, что внимание и Ботвинника и Смыслова было приковано к линии «е», к группе полей вокруг пешки е5, поскольку именно на этом участке доски должен был, по их убеждению, решиться исход партии (в связи с угрозой Ch3—e6+ или проникновением ладьи белых на 7-ю горизонталь). Создалась своеобразная обоюдная иллюзия в том, что важно лишь связанное с линией «е», остальное мало значимо!

О том, что эти соображения имели основания, свидетельствует предшествующий ход борьбы. Вернемся к позиции, возникшей после 21-го хода черных.

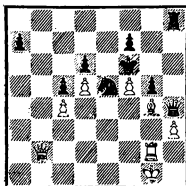
В партии было 22. **Лае1** **Лсd8** 23. **Ch3** (здесь белые не нашли комбинации 23. **Kd4!** **cd** 24. **Cd5+** **Л: d5** 25. **Ле8**) 23. . . **Ке5** 24. **К: e5** **fe** 25. **f4** **Сс6**. Как нетрудно убедиться, ходы обоих соперников были связаны одной идеей — угрозой вторжения по линии «е» и отражением этой

угрозы. Это обстоятельство обусловило направленность обдумывания именно на данный участок доски.

Романовский

Каспарян

Ленинград, 1938

Дела белых были плохи. Не хватает пешки, к тому же у противника сильная атака. Выиграть партию черные могут по-разному. Однако внимание Г. Каспаряна привлекла идея создать матовую сеть с помощью ферзя и коня. Эта идея захватила его настолько, что другие фигуры, в частности положение собственного короля, выпали из поля его зрения. Объектом обдумывания стал узкий участок доски, ограниченный линией **h4—f3—e1**.

Черные сыграли 52. . . **Фe1+**. Здесь Каспарян вслух объявил, что дает мат в 3 хода. После 53. **Кph2** **Л: h3+**? 54. **С: h3** **Кf3×?!** П. Романовский со смущением стал объяснять партнеру, что последний ход, который фактически был уже сделан, невозможен из-за связки коня. «Сначала он даже не понял меня и лишь после моего жеста рукой вдоль диагонали **a1—h8** увидел свою ошибку...» — вспоминал Романовский.

В данном случае направленность мыслей шахматиста носила настолько пространственно свер-

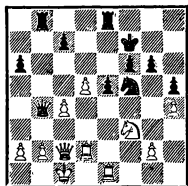
нутый характер, была связана со столь узким участком доски, что все остальные поля и фигуры буквально перестали существовать для него. Это привело даже к курьезному случаю нарушения шахматных правил.

Указанный недостаток мышления особенно опасен при оживленной борьбе по всей доске. Справедливо отмечается, что одновременная игра на двух флангах психологически очень трудна для шахматиста.

А. Зайцев

Шабанов

Красноярск, 1959

Дальше события развивались так: 24. g4 hg 25. h5. Как теперь играть черным? По свидетельству Г. Фридштейна, присутствовавшего при анализе после окончания партии, А. Зайцев рассматривал следующие варианты: 25. . . gf 26. hg+ Kp : g6 27. Lg1+ Kpf7 28. Ф f5 с сильной атакой или 25. . . e4 26. hg+ Kp : g6 27. Л : e4 Л e4 28. Ф : e4 gf 29. Фg4+ также с весьма активной позицией. Обратим внимание читателя, что все расчеты белых были связаны с передвижениями фигур на королевском фланге.

Но Ю. Шабанов ответил 25. . . Ф : b2+! Неожиданная и сильная реплика на другом фланге! Белые, поглощенные мыслями об операциях вблизи

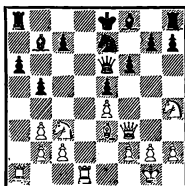
расположения короля черных, совершенно игнорировали существование другой половины доски. Еще последовало 26. Ф : b2 Л : b2 27. Kg5+ fg 28. hg+ Kp : g6 29. Kp : b2 g3 30. c5 e4 31. d6 e3 32. d7? Лb8+ 33. Kpc2 ed 34. Le8 g2, и белые сдались.

Сходный случай произошел в следующей партии.

Спасский

Тайманов

Москва, 1954

Мысли черных прикованы к королевскому флангу, в частности к угрожающему положению ферзя и коня противника. Учтя последствия шаха на h5 и немедленного вторжения коня на f5, М. Тайманов сделал ход 14. . . g5? Если бы сейчас можно было разрезать шахматную доску по вертикали пополам и, следовательно, устранить из игры весь ферзевый фланг, то выбор черных не заслуживал осуждения.

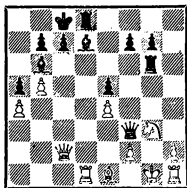
Но реальность такова, что наличие ферзевого фланга нельзя исключить. Белые сразу же использовали одностороннюю направленность мышления соперника. В партии было сыграно 15. К : b5! ab 16. Фh5+ Фf7 (или 16. . . Kg6 17. Л : a8+ С : a8 18. К : g6 Фf7 19. Фh3) 17. Л : a8+ С : a8 18. Лd8+ (вот в чем состо-

ял просчет черных: в случае 15. $\Phi h5 + \Phi f7$ этой возможности у белых не было) 18. . . $Kp : d8$ 19. $\Phi : f7$ gh 20. $\Phi : f6$ с выигрышной позицией у белых.

Наряду с приведенными выше примерами, когда объектом углубленного обдумывания становился какой-то план или комбинационная идея, нередко встречаются и случаи чрезмерной сосредоточенности сознания на отдельном ходе, положении отдельной фигуры. При этом пространственные границы зоны мысленного сосредоточения очень тесны — они чаще всего захватывают лишь несколько полей.

Троицкий

Петербург, 1896

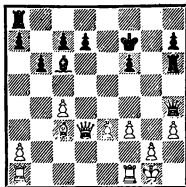
Положение черных выигрышное. Их вниманием, однако, всецело завладел ход 1. . . $Ch3$, создающий угрозу, казалось бы, неотвратимого мата. После того как этот ход был сделан на доске, знаменитому составителю этюдов А. Троицкому удалось создать оригинальную композицию в практической партии.

Последовало 2. $L : d8 + Kp : d8$ 3. $\Phi d1 +!$, и выяснилось, что черные напрасно сосредоточили все внимание лишь на поле $g2$. Теперь в связи с вынужденным 3. . . $\Phi : d1$ на доске редкий для позиций с таким количеством фигур пат.

Глигорич

Ларсен

Гавана, 1967

В данной позиции витают в воздухе идеи, связанные с жертвами черных фигур на $g2$ и $f3$. С. Глигорич обуславливает свой план защиты контролем над пешкой $d7$. Ему кажется, что в этом случае будет невозможен обязательный для любых комбинаций черных ход $Sс6 f3$. Последовало 24. $Lf2$ $Lg8$ 25. $Kpf1$ $L : g2!$ (все-таки!) 26. $L : g2$ $\Phi : h3$.

Б. Ларсен комментирует: «У черных три угрозы: $\Phi : f3$, $S f3$ и $Lg6$. Белые могут защититься от двух из них, но не от всех трех сразу... Глигорич рассматривал жертву ладьи, по крайней мере в момент, когда играл 24. $Lf2$. Как он объяснял позже, он просмотрел, что ферзь с $h3$ защищает пешку $d7!$ Это важно в варианте 27. $Kpg1$ $S f3$. Те, кто занимался изучением психологии ошибок, утверждают, что «длинный» ход назад по диагонали относится к разряду тех, которые легче всего просмотреть. Итак, мы видим пример подобного просмотра».

Еще было 27. $e4$ $Lg6$, и белые сдались, так как на 28. $\Phi e2$ следует 28. . . $\Phi h1 +$.

К сказанному Ларсеном добавим, что «длинные» ходы действительно просматриваются сравнительно чаще. Ботвинник

указывал, что этот недостаток присущ Эйве. Так, например, в партии Ботвинник — Эйве (Гаага — Москва, 1948) голландский гроссмейстер, игравший черными, не предусмотрел «длинный» маневр ферзя белых по маршруту b3—g3—g7. Невнимание к подобным ходам связано с узкой направленностью процесса обдумывания, при котором шахматист фактически игнорирует существование остальных полей доски и, следовательно, не может предвидеть перемещения фигур на эти поля.

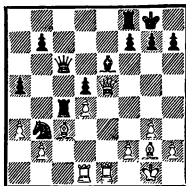
По нашим данным, недостаточная развернутость мыслительного процесса наблюдается у шахматистов, отличающихся сравнительной неуверенностью и излишней добросовестностью. Они зачастую стремятся как можно лучше, дальше, глубже разобраться в намеченной идее, забывая при этом о других возможностях. Недостаточная развернутость мышления сопровождается, как правило, длительностью обдумывания и часто приводит к цейтнотам.

Вместе с тем отметим, что к отрицательным последствиям ведет и другая крайность — чрезмерно широкая развернутость, разбросанность мышления, когда шахматист, пытаясь «объять необъятное», действует поверхностно и непоследовательно.

Поучительный пример на эту тему привел А. Ильин-Женевский.

Ильин-Женевский Григорьев

Москва, 1919

А. Ильин-Женевский рассказал: «Здесь у меня было два плана игры. Один — использовать плохое положение черной ладьи и сыграть 1. Cf1 Ла4 2. Фе2 с угрозой Фе2—b5, а также 2. Cd3 с угрозой Cd3—c2 или Фе5—e2. В этом случае черные фигуры ферзевого фланга оказываются в незавидном положении. Другой план — играть на слабость пешки d5 путем 1. f4 g6 2. g4 и затем f4—f5... Я сыграл 1. h3? Этот ход вообще никуда не годится, так как слон все равно не может идти на g4 из-за Сg2 : d5. (Обратим внимание на неожиданно возникший третий «план». — Н. К.) 1. . . b5 2. f4. Потеряв важнейший темп, я избрал второй план, но теперь он уже запаздывает. 2. . . b4 3. ab ab 4. Cf1. А вот и первый план, вернее, жалкая пародия на него: 4. . . bc 5. С : c4 Ф : c4 6. bc С : h3, и через несколько ходов я должен был сдаться».

Чрезмерно широкая развернутость мыслительных процессов характерна отказом от поисков скрытых и существенных признаков позиции, оригинальных идей. При этом шахматист излишне доверяет поверхностным оценкам и расчетам. Такой шахматист больше опирается на быстрое интуитивное

«видение» в ущерб обстоятельному логическому анализу. Подобная манера игры, правда, обычно избавляет от цейтнотов, но зато существенно сужает творческий диапазон шахматиста, нарушает цельность и планомерность игры.

Случай разбросанности мышления отчасти напоминают шахматную игру электронно-вычислительных машин, работающих по принципу перебора ходов. Такая машина много «видит», но не может отделить главное от второстепенного.

По нашим наблюдениям, устойчивое проявление чрезмерно широкой направленности мыслительных процессов сочетается с такими чертами характера, как излишняя самоуверенность и легковесность.

Таким образом, развернутость мыслительных процессов может выражаться в двух противоположных друг другу отрицательных формах: неоправданного сужения или, наоборот, чрезмерного расширения направленности процесса обдумывания. Какие меры следует предложить для преодоления этих крайностей?

Основная задача в борьбе с узкой направленностью состоит в развитии способности к быстрому переключению внимания с одних элементов позиции на другие. Достижению этой цели могут содействовать следующие виды тренировки:

1. Игра блиц. Конечно, мы не выступаем сторонниками чрезмерного увлечения «пятиминутками», но считаем, что в данном случае 6—10 блицпартий в конце занятия могут принести пользу. Здесь положительная роль

блиц обусловлена тем, что быстрая смена ситуаций на доске не только не создает предпосылок к излишне углубленному анализу какого-то отдельного плана или хода, а, наоборот, требует от играющего постоянной перестройки, переключения внимания на решение вновь возникающих проблем по всей доске.

2. Выявление роли фигур, непосредственно не участвующих в центре столкновения. Суть метода в следующем: занимающимся предлагается для оценки сложная позиция с ярко выраженным главным участком борьбы. После 10—15-минутного обдумывания доска убирается, и требуется вслед за ответом на первый вопрос об оценке позиции и месте главного столкновения сил последовательно дать разъяснение по поводу того, что происходит на других участках доски, какие действия там вероятны и каким образом расположенные там фигуры могут помочь в борьбе на основном направлении.

3. Решение задач. Многие шахматисты-практики скептически относятся к задачной композиции, поскольку расположение фигур в задачах (особенно в многоходовых) резко отличается от построений, встречающихся в обычной игре. Действительно, в задачах трудно обнаружить привычные для глаза практика конфигурации. Но зато решение задач требует тщательного учета возможностей всех фигур (ведь «лишнего» материала в композициях быть не должно). На занятиях с перворядниками и кандидатами в мастера мы обычно давали для решения задачи-трехходовки. Этот

способ борьбы с узостью мышления был рекомендован еще в 50-х годах мастером Н. Аратовским.

4. Проведение сеансов одновременной игры. Метод приемлем для подготовленных шахматистов (сильных перворазрядников, кандидатов в мастера). Мы практиковали сеансы с часами и количеством досок не более восьми. Применялся сокращенный контроль времени (45 минут на 36 ходов для каждой стороны).

5. Внимательное самостоятельное изучение партий Чигорина, Алехина, Таля, Фишера, Штейна, Ларсена, Симагина — шахматистов, отличавшихся умением вести длительную игру по всей доске.

Основная задача в борьбе с чрезмерно широкой развернутой мышления состоит в развитии способности к выделению главных, наиболее существенных признаков позиции. Ведь разбросанность мыслей, постоянное шараханье из стороны в сторону — свидетельство недостаточного уяснения того, что важно и что нет.

Таким образом, преодоление указанного недостатка связано в первую очередь с развитием оценочной способности шахматиста. Решению этой задачи могут содействовать следующие способы подготовки:

1. Изучение литературных источников. Особенно полезно работать с книгами по стратегии шахмат. Наибольшего внимания в этом плане, на наш взгляд, заслуживают труды Нимцовича, Липницкого и Суэтина.

Проверенным способом является анализ типичных позиций. Познакомившись с опубликованными материалами по

избранной теме, следует продолжить изучение самостоятельно, периодически пополняя анализ новыми партиями. О таком опыте изучения позиций, возникающих в чигоринском варианте испанской партии, рассказывал Штейн.

Большую пользу также может принести вдумчивое самостоятельное изучение партий Капабланки, Рубинштейна, Карпова, Портиша, в творчестве которых преобладают четкая логика, искусство стратегического маневрирования.

2. Хорошим упражнением является анализ партии с заданием найти план за белых или черных. К сожалению, этот вид тренировки распространен недостаточно. Многие тренеры общаются занимающимся общие сведения о стратегических планах, но специальных упражнений, как правило, не проводят.

3. Комментирование собственных партий. Причем особое внимание должно быть уделено переломным моментам борьбы, оценке позиций при переходе партии из дебюта в миттельшпиль и из середины игры в эндшпиль. Комментатор должен дать ясный ответ на вопрос: «чем обусловлен результат партии?».

4. Игра по переписке. Этот вид шахматной деятельности хорош тем, что, не испытывая сильных внешних воздействий (как это часто бывает в игре за доской), обладая большим запасом времени и возможностью «взять ход назад», шахматист при условии серьезного отношения может доказательнее обосновать логическую оценку позиции.

Конечно, приведенные рекомендации, содержащие принципиальные положения, не претендуют на то, чтобы дать обязательный рецепт для избавления от всех крайностей. Конкретизация этих рекомендаций, выбор тех или иных упражнений зависят от индивидуальных особенностей шахматиста, его подготовленности, стиля игры, возраста. Это следует учитывать как при планировании тренерской работы, так и при самостоятельном изучении шахмат.

Последствия ошибок

До сих пор мы подробно говорили о различных видах шахматных ошибок, связанных с определенными недостатками динамичности и направленности мышления. Обратимся теперь к другой существенной характеристике мыслительной деятельности шахматистов — к критичности или, может быть, правильнее сказать, к самокритичности их ума. Эта сторона мышления выражает, в частности, отношение шахматистов к допущенным ошибкам.

Сначала уточним понятие ошибки. Следует различать заблуждение и ошибку. Заблуждение связано с неведением и обусловлено недостаточной квалификацией, малым опытом шахматиста, ограниченным объемом его знаний.

Как от первоклассника нельзя требовать знания законов алгебры, так от начинающего шахматиста невозможно ожидать понимания сложных дебютных систем или типичных позиций миттельшпиля и эндшпиля. Поэтому те упущения, которые допус-

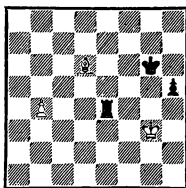
каются шахматистами по неведению, мы относим к заблуждениям.

Впрочем, и заблуждения неодинаковы. Иногда маститые шахматисты грешат пробелами в знаниях, хотя по опыту и «чину» обязаны быть осведомленными. Показательный пример тому — окончание следующей партии.

Новотельнов

Терпугов

19-е первенство СССР,
Москва, 1951

Нетрудно заметить, что у черных достаточный для выигрыша материальный перевес. Надо только иметь в виду одну тонкость: для выигрыша необходимо держать пешку на h5, так как именно через поле h4 должен продвигаться вперед черный король, после того как ладья с g4 отбросит его белого оппонента на линию «f».

Эта позиция подробно рассмотрена во многих пособиях по эндшпилю. Тем более удивительно, что Е. Терпугов без колебаний сыграл 67. . .h4+, после чего ничья стала неизбежной. Подобное неведение неприемлемо для шахматиста мастерского класса.

Мы не стали бы подробно останавливаться на этом случае, если бы еще не бытовали

среди некоторой части шахматистов суждения о том, что знания — не очень-то важны — главное иметь талант. Талантливый шахматист, полагают они, и без достаточных знаний разберется в любой позиции.

Приверженцы такого мнения считают, что систематическое изучение теории — удел начетчиков. Конечно, не следует смешивать знания с зубрежкой, подменять ею самостоятельное творческое освоение знаний. Интуиция шахматиста не может развиваться на пустом месте, без опоры на знания. Справедливо высказывание «Информация — мать интуиции». Для подлинного развития способностей шахматист обязан освоить то, что накоплено шахматной культурой, и систематически расширять свои познания.

Но вернемся к ошибкам. К ним мы относим упущения, которые нельзя объяснить недостаточным опытом или изъятиями теоретической подготовки какого-либо шахматиста. Те упущения, которых, казалось бы, нельзя ожидать от данного шахматиста, мы относим к ошибкам. Ошибки бывают разного масштаба — от одноходовых «зевков» (как было, например, в заключительной, 23-й, партии матча на мировое первенство Стейнниц — Чигорин в 1892 году) до мелких неточностей, смысл которых раскрывается через много ходов.

Сделаем попытку классифицировать ошибки шахматистов. Так, В. Алаторцев разделяет понятия ошибки и проматра. Он считает, что ошибки главным образом делаются при защите, а проматры — в лучших по-

зициях. Трудно, однако, уловить целесообразность такого разделения. Анализ показывает, что характерные особенности ошибок, допущенных в благоприятных и трудных позициях, часто бывают сходными. Поэтому мы употребляем термины «ошибка» и «проматр» в одном значении.

Б. Воронков и Б. Персиц в книге «Типичные ошибки» систематизировали ошибки по аналогии с известной в теории шахмат систематизацией тактических и стратегических приемов. Они выделили, например, ошибки, связанные с матом по последней горизонтали, поимкой ферзя, наличием сильного коня против слона и т. д. Такая систематизация возможна, но ее слабыми местами, на наш взгляд, являются во-первых, недостаточная определенность критериев разделения (например, не ясно, с какими характерными признаками связана потеря ферзя), а во-вторых, выделение следствий, а не причин в качестве упомянутых критериев.

Считаем, что теоретически оправданна и практически целесообразна классификация, выделяющая в качестве критериев типичные причины, то есть типичные психологические механизмы совершения ошибочных действий (например, разделение ошибок по принадлежности к определенным отрицательным мыслительным образам и крайним проявлениям развернутости мышления). Такой подход, как нам представляется, позволяет вести практическую работу по устранению ошибок не путем «перебора вариантов», а на основе типовых методов.

Отношение шахматистов к допущенным ошибкам далеко не однозначно. Правда, нет недостатка в высказываниях такого рода: «В шахматах учатся только на ошибках» (С. Тартаковер), «...мало есть выигранных мною партий, которые научили бы меня столько, сколько мои проигрыши» (Х. Р. Капабланка), «Мы больше учимся на собственных ошибках, хотя ошибки других и кажутся более поучительными» (А. Алехин).

Но на деле эти полезные рекомендации часто забываются. Многие шахматисты из партии в партию допускают однотипные промахи. В чем причина этого явления? Тем более что с соображением о том, что на ошибках надо учиться, чтобы не повторять их, кажется, согласны все.

При ответе на этот вопрос следует учесть, что человеку свойственна потребность в положительном отношении к самому себе — потребность в положительном образе «я», как говорят ученые. Эта потребность, при недостаточной самóкритичности приводит к далеко не равнозначному отношению к успехам и неудачам, к хорошему и плохому ходу, лучшей или худшей позиции.

На практике это проявляется следующим образом. Во-первых, шахматисты часто указывают на несправедливость исхода партии, если в последующем анализе им удалось установить, что в целом их замысел был правилен, стратегический план обоснован. Вспоминаю, как мастер Г. Борисенко, проиграв мне партию в командном первенстве СССР 1954 года, в течение нескольких последующих дней демонстрировал окру-

жающим благоприятные для себя варианты в позиции, где допустил ошибку. При этом он не говорил, что находился в жесточком цейтноте — оставшиеся 15 ходов ему предстояло сделать за минуту.

В подобных случаях научная, логическая сторона шахмат неоправданно противопоставляется их психологическому содержанию. Не учитывается собственное состояние во время игры.

Во-вторых, наблюдается тенденция перекаладывать «вину» за допущенную ошибку на противника. «Противник «усыпил» меня своей слабой игрой, поэтому я зевнул фигуру», — рассказывал один мастер.

В-третьих, встречаются попытки объяснить промахи влиянием внешних причин. «Я ошибся в тот момент, когда в зрительном зале начался шум» — это уже слова гроссмейстера. Заметим, что тот же гроссмейстер выиграл несколько партий отнюдь не при более спокойном поведении зрителей.

И, наконец, в-четвертых, допущенные ошибки часто расцениваются как обидная случайность. В. Панов рассказывал, что он однажды зевнул И. Кану ладью на поле а6. «При последующем анализе, разбирая самые разные варианты, я несколько раз повторял тот же зевок, упорно ставя ладью на то же самое место, под удар. Это доказывает, что зевок был не случайностью, а следствием какого-то в корне ошибочного плана, прочно свившего себе гнездо в моем мозгу, причем в состав плана входил захват поля а6». Мы согласны с Пановым, что фатальным невезением объяснить

его просчет нельзя. Судя по приведенному описанию, его ошибка была связана с воздействием устойчивого отрицательного остаточного образа.

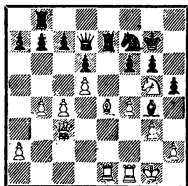
Шахматная партия, как правило, не проигрывается из-за одной не очень серьезной ошибки. Лишь два-три таких промаха приводят к поражению. Но очень часто допущенная в игре ошибка становится причиной появления последующих. Ложное самолюбие, нежелание признать свой просчет ведут к тому, что неверная оценка упорно отстаивается играющим. В результате партия уверенно катится «под откос».

Таким образом, часто возникает своеобразная, и психологически объяснимая, цепная реакция, когда один шахматный промах вызывает появление других.

Кан

Юдович

Тбилиси, 1937

Преимущество белых несомненно. Остается подготовить завершающий удар по скованной защитой многочисленных слабых пунктов силам противника. Проще всего решало прозаическое 25. h3. Например: 25. .Cf5 26. C : f5 gf 27. Ke6+ или 25. .C : h3 26. K h3 Ф h3 27. Cf5. Однако, увлеченный неверной идеей, Кан сыграл 25. c5?

После очевидного ответа чер-

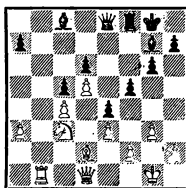
ных 25. .Lbе8 белые снова допустили ошибку — 26. с6? (правильно 26. Фd4). После 26. .bc 27. dc Фс8 положение на доске изменилось — у черных появились шансы на опасную контратаку. Вероятно, столь крутой поворот событий обескураживающе подействовал на Кана, и он допустил третью ошибку подряд, которая оказалась решающей: 28. Фd4? (лучше 28. K f7) 28. . d5! 29. K : f7 Л : e4 30. Л : e4 Л : e4 31. Ф : d5 Ле8!, и белым впору сдаваться, так как гибнет их конь.

Спустя много лет после того, как была сыграна эта партия, Кан рассказывал автору этих строк, что после первой ошибки он почувствовал, что делает «что-то не то», но честно признаться самому себе в ошибочности всего плана не сумел. Заглушив голос разума, он продвинул пешку на с6.

Бенко

Таль

. Блед, 1959

Позиция сложная и обоюдоострая. У белых шансы на ферзевом фланге, черные же готовят пешечный прорыв на королевском. Заслуживало внимания 24. Lb8, и если 24. .Фd8, то 25. Фb1, сдерживая активные устремления черных.

Вместо этого последовало 24. Фа4? Этот ход не только ничего

не дает для развития игры на ферзевом фланге, но и удаляет главную фигуру от защиты короля. Однако П. Бенко не замечает угроз противника, и первая ошибка тянет за собой вторую. После ответа Таля 24... **Фе7** он продолжал 25. **Фс6?**, допуская решающий прорыв черной пешки. Еще не поздно было вернуться ферзем — 25. **Фс2**, но мало кто способен так открыто расписаться в допущенном промахе.

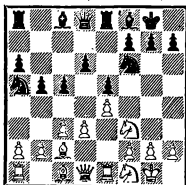
Далее было 25. . **f4!** 26. **Ль8** (если 26. **gf**, то 26. **Ch3**, а на 26. **ef** решает 26. **e3** 27. **fe** **C : c3** 28. **C c3** **Ф : e3+**) 26. . . **Ch3** 27. **Л : f8+** **Ф : f8** 28. **ef** **Фb8** 29. **Ke2** **Фb1+**, и белые проиграли.

И в этом примере одна ошибка вызвала появление следующего, как оказалось решающего, промаха. Следует отметить, что цепная реакция ошибок чаще наблюдается тогда, когда неверным оказывается какой-либо план или маневр в целом. В таких случаях признать ошибочность нескольких взаимосвязанных между собой ходов психологически труднее, поскольку последовательное ведение борьбы (даже неправильное) создает иллюзию обоснованности, добротности собственных действий.

Когда хочется привести пример объективного и самокритичного отношения шахматиста к допущенным ошибкам, в первую очередь на память приходят партии Ботвинника.

Поучительный эпизод произошел в партии Ильин-Женевский — Ботвинник (Ленинград, 1938). Дебютная часть партии сложилась неудачно для будущего чемпиона мира. После хо-

дов 1. **e4 e5** 2. **Kf3 Kc6** 3. **Cb5 a6** 4. **Ca4 Kf6** 5. **0—0 Ce7** 6. **Le1 b5** 7. **Cb3 d6** 8. **c3 0—0** 9. **d3 Ka5** 10. **Cc2 c5** 11. **Kbd2 Le8** 12. **Kf1** черные допустили серьезную неточность, сыграв 12. . **Cf8**.

Теперь крайне неприятной становится (после 13. **Cg5**) связка по диагонали **h4—d8**. С. Флор, комментировавший эту партию, с большой проницательностью раскрывает психологический подтекст последующей игры черных: «13. **Cg5 h6** 14. **Ch4 Kc6** 15. **Ke3 Ce7**. Этот весьма характерный для Ботвинника ход чрезвычайно много говорит о нем! Всегда относящийся к себе критически, Ботвинник понял, что на 12-м ходу сделал ошибку, и он решил ее исправить. Это говорит тоже о его решимости.

Не многие мастера поступили бы так. Например, Эйве в одной партии с Алехиным сделал ошибку (**Лf1—e1**). Двумя ходами позже он должен был защитить свою пешку **f2** ходом **Le1—f1**, и тогда, несмотря на потерю темпов, его партия была бы вполне хороша. Однако у него не хватило мужества признать свою ошибку, и он защитил пешку **f2** ходом **Kd1** (что оказалось значительно слабее. — *Н. К.*). Ход Ботвинника красноречив!»

Надо отметить, что психологически гораздо труднее при-

знать свою ошибку в процессе игры, чем прийти к самой резкой оценке своего творчества, анализируя партию в домашних условиях. Объясняется это тем, что в процессе игры признание своего промаха выражается в реальных действиях, совершенных на доске. Дома же шахматист лишь намечает действия, которые он предполагает осуществить в будущем.

В игровой обстановке признание ошибки делается в присутствии других людей (противника, участников соревнования, зрителей), а это переживается болезненнее, чем самокритика наедине. Кроме того, в процессе игры признать свою неправоту нужно за короткий срок, что связано с высокой оперативностью критической мысли шахматиста. Поэтому реакция на ошибки, допущенные в процессе игры, является, пожалуй, наиболее информативным показателем развития критичности мышления шахматиста.

Каким образом можно активизировать реакцию шахматиста на ошибки, допущенные в процессе игры? К сожалению, попытки обнаружить конкретные рекомендации в работах шахматных специалистов к успеху не привели. Несмотря на бесспорную практическую значимость, этот вопрос либо вообще не обсуждался, либо обсуждение ограничивалось советом «надо контролировать свои действия во время игры».

По-видимому, прежде чем наметить более конкретные меры, следует разделить ошибки на два класса: те, которые трудно исправить, и те, отрицательные последствия которых можно ус-

ранить. К первому классу отнесем сравнительно редко встречающиеся антипозиционные промахи и тактические ошибки. Последние являются самыми наказуемыми. Часто тактическая ошибка сводит на нет плоды длительной предыдущей работы и является причиной проигрыша партии.

Ошибки, последствия которых устранить, как правило, значительно легче, — неточности позиционного характера, возникающие в процессе маневрирования. Это, к примеру, неудачное расположение фигуры, уступка противнику какого-либо пункта и т. п. Упущения подобного рода обычно наказываются не столь строго, как тактические ошибки и антипозиционные промахи.

По отношению к ошибкам первого класса полезно придерживаться двух правил: создавать противнику максимальные затруднения в реализации полученных выгод и постараться улучшить себе, что последствия допущенного промаха преодолит.

Конечно, создание противнику максимальных трудностей — общее правило шахматной борьбы. Но здесь на него должно быть обращено особое внимание. Надо осознать, что отступать дальше некуда и что сила сопротивления должна резко возрасти. Другой альтернативы нет.

На практике непревзойденным образцом игры в подобных позициях остаются партии Ласкера. Сколько, казалось бы, безнадёжных позиций он спас истинной героической защитой, постоянно изыскивая скрытые шансы! Р. Файн подчеркивал, что для Ласкера было характерно «не сдаваться, прежде чем реши-

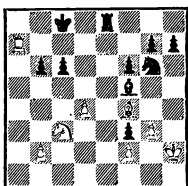
тельно и бесповоротно не установлено, что положение безнадежно. Продолжать борьбу, не принимая во внимание, что возможный расчет вариантов показывает неблагоприятную оценку положения. Не цепляться ни за какие стереотипные догмы».

Познакомимся с примером защиты Ласкером трудной позиции.

Ласкер

Шифферс

Нюрнберг, 1896

Допустив на 13-м ходу серьезный просчет, Ласкер оказался в очень тяжелом положении. Но, не теряя присутствия духа, он с большой изобретательностью продолжал борьбу. При этом он стремился не давать противнику передышки и каждым ходом ставить перед ним новые сложные задачи. Он внимательно следил за тем, чтобы напряжение борьбы не ослабевало и противник не получил бы возможности перевести игру в чисто техническую стадию.

24. **d5!** (но не 24. Л : g7 из-за 24. .К f4 25. gf Лd8 с ясной игрой для черных) 24. . . **cd** 25. К : d5 К : f4. Э. Шифферс под воздействием изобретательного сопротивления белых допускает ошибку. Лучше было 25. .Le2 26. Kpg1 Л : b2.

26. gf Le2 27. Kpg3! (проигрывало 27. К b6+ из-за 27. . .

Kpb8 28. Л : g7 Л : f2+ 29. Kph1 Lf1+ 30. Kph2 f2) 27. . . Л : b2 28. Л : g7 Kpb8 29. К : f6 b5? 30. Lg5 Cd3 31. Kd7+ Kpc7 32. Ke5 Ce4 33. f5 La2. Несмотря на неточности, допущенных черными, привели к изменению позиции — теперь шансы примерно равны. Но, обескураженный исчезновением преимущества, Шифферс не может перестроиться, и цепная реакция ошибок с его стороны продолжается.

Партия завершилась так: 34. f6 La8 35. f7 Kpd6 36. Lg8 Kpe7 37. Kpf4 Cd5 38. Lg7 Lh8? (38. . Kpf6! 39. Л : h7 La4+ 40. Kpg3 С : f7! 41. К f7 Kpg6 с ничьей) 39. Kpg5 h6+ 40. Kpf5 Ce6+ 41. Kpg6 Lc8? (41. . Lf8!) 42. Lh7 b4? 43. f8Ф+! Кр : f8 44. Kpf6 Cg8 45. Le7 Ch7 46. Л : h7 Kpg8 47. Lg7+ Kpf8 48. Lb7 La8 49. Lf7+ Кре8. Черные сдались.

Эта партия — поучительный пример, демонстрирующий результаты разного отношения к допущенным ошибкам: сохранения боевого духа и растерянности.

Как было указано, вторым правилом успешного сопротивления является внушение себе мыслей о том, что последствия допущенного промаха преодолимы. Это важно как для поддержания собственной боеспособности, так и для придания игре неожиданного и психологически трудного для противника характера.

Нередко, зафиксировав ошибку другой стороны, шахматист настраивается на благодушный лад, считая, что промахи будут продолжаться. Эм. Ласкер справедливо указывал, что в таких

случаях «перевес в силах притупляет способность экономного их использования. Неизбежное следствие отсюда — бедность мысли, слабость, посредственность и регресс. Лишь борьба, которая ведется с полным напряжением сил, сохраняет и увеличивает их». Поэтому, когда шахматист, допустивший серьезный промах, ведет себя так, как будто ничего не произошло, у противника часто возникает неуверенность, он начинает сомневаться даже в очевидном.

Хорошим средством преодоления отрицательных психологических последствий допущенной ошибки является, по совету И. Бондаревского, внушение себе мыслей о том, что «все хорошо. Могло быть гораздо хуже. А теперь впереди борьба, в которой противник обязательно ошибется, он не может не допустить промаха». Интересно отметить, что этот совет выдающегося советского шахматного тренера принес реальные результаты на соревнованиях высшего уровня (розыгрыш первенства мира 1966 и 1969 годов).

Конечно, можно использовать и другие способы самовнушения. Следует только учитывать, что слова, предназначенные для самовнушения, лучше произносить от своего имени в утвердительной форме. Самовнушение должно быть кратким

и категоричным. Употребление многословного и противоречивого самовнушения подрывает веру в истинность внушаемого.

Ошибки, отнесенные нами ко второму классу, то есть неточности позиционного характера, как правило, также устраняются не без значительных психологических трудностей. Часто для исправления подобных ошибок надо вернуть фигуру на прежнее место, прервать претворение намеченного плана и т. п. Это связано с возникновением определенного психологического барьера, поскольку требуется разрушить то, что создано «своими руками», и вернуться к исходным рубежам.

Исправление таких ошибок — это прежде всего преодоление самого себя, борьба с собой. Здесь важно уметь во время партии отвлечься от собственных планов и посмотреть на позицию как бы со стороны. Чем лучше это удастся, тем с меньшим внутренним сопротивлением шахматист соглашается на возвращение своих фигур с пагубного пути. Тем самым обеспечивается непредвзятость в оценке положения, умение остановиться вовремя, не упорствуя в ошибочном. Хорошей иллюстрацией правильного отношения к собственным промахам служит приведенная выше партия Ильин-Женевский — Ботвинник.

Цейтнот

Причины возникновения цейтнота

В анализе шахматной деятельности важно не только выявить типичные свойства мышле-

ния и других психических функций, но и рассмотреть психологические особенности наиболее значимых ситуаций, встречающихся в игре.

Под ситуацией ученые по-

нимают: «сочетание условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение». Из этого определения видно, что к ситуациям могут быть отнесены самые разнохарактерные по содержанию и значимости явления. По-видимому, полезно как-то упорядочить это многообразие для того, чтобы выявить наиболее важные ситуации.

Не считая в настоящее время реальной задачу создания законченной классификации шахматных ситуаций, мы все же полагаем, что можно, например, разделить ситуации: 1) по времени на обдумывание — на ситуации с дефицитом времени и без дефицита; 2) по объективной сложности позиции — на позиции сложные и относительно простые; 3) по необходимости достижения определенного результата — на ситуации, допускающие или не допускающие компромиссные решения. Кроме того, возможно разделение ситуаций по уже достигнутому результату, по стадиям соревнования и т. д.

Среди ситуаций, связанных с показателями времени на обдумывание, особенно значимое место занимает ситуация цейтнота. При цейтноте личность шахматиста проявляется не в обычной, а в чрезвычайной обстановке, требующей принятия решения при остром дефиците времени. Знание особенностей игры в цейтноте важно для практики шахмат и имеет определенное научное значение, поскольку заметна психологическая общность цейтнота в шахматах с другими жизненными ситуациями, вызываемыми дефицитом времени, которые возникают, например, в

деятельности летчика, шофера, диспетчера.

При анализе данного вопроса важно уточнить, какой лимит времени следует расценивать как цейтнот. Дать однозначный ответ здесь трудно, если исходить только из субъективных впечатлений шахматистов. Оценка оставшегося до контроля времени как недостаточного очень индивидуальна. Так, например, Д. Бронштейн обычно считает вполне допустимой ситуацию, когда за 5 минут предстоит сделать 10—12 ходов, а для М. Тайманова или Р. Холмова это уже серьезный цейтнот.

Мы будем придерживаться признанного шахматными судьями мнения — считать цейтнотом такую ситуацию, в которой на обдумывание каждого из оставшихся до контроля ходов имеется не больше минуты, причем общий резерв времени не превышает 10 минут. Это соотношение представляется резонным, если учесть обычную среднюю норму времени на обдумывание одного хода — 3 минуты 45 секунд (при контроле 2 часа 30 минут на 40 ходов).

Существует несколько мнений относительно причин возникновения цейтнотов. Первое связано с критикой имеющихся норм в расходовании времени на обдумывание. Приверженцы этой позиции считают имеющиеся нормы чересчур ограниченными и полагают, что для удовлетворительного ведения игры шахматисту объективно требуется больше времени, чем ему дается. При этом ссылаются на значительное количество цейтнотов в большинстве соревнований.

Однако практическая проверка не подтвердила это соображение. На турнире в Нюрнберге 1906 года был применен контроль 15 ходов в час. Но количество цейтнотов не снизилось, а творческие показатели игры оказались отнюдь не идеальными. Отметим еще турнир в Бледе (1931), где также был установлен весьма либеральный контроль — 2 часа 30 минут на 35 ходов. Избавления от цейтнотов также не последовало.

Вяснилось, что независимо от изменения контроля времени шахматисты, подверженные цейтнотам, все равно продолжали играть «на флажке». Попытки же вообще играть без часов качества игры не повысили, а привели лишь к томительному затягиванию партий. Из сказанного следует, во-первых, что исторически сложившийся норматив времени на обдумывание, по-видимому, соответствует объективной потребности шахматиста и, во-вторых, что причины цейтнота имеют скорее психологический характер.

Представители второй позиции связывают причины возникновения цейтнота с недостаточной тренированностью шахматиста в распределении времени. М. Ботвинник писал: «Я давно уже советовал нашим мастерам, систематически попадающим в ужасный цейтнот, один путь борьбы с этим недостатком... Надо играть тренировочные партии и при этом обращать внимание в первую очередь на часы, а не на качество игры или ее результат и продолжать эти упражнения до тех пор, пока не выработается навык целесообразно распоряжаться временем,

успевая рассчитывать все необходимые варианты».

Однако многие шахматисты, тренировавшиеся по способу, предложенному Ботвинником, так и не «излечились» от цейтнотов. Ю. Авербах указывал: «Хотя метод Ботвинника и чрезвычайно прост — нужно играть тренировочные партии, обращая главное внимание на часы, — но мне он кажется недостаточно эффективным и слишком поверхностным». Действительно, вряд ли правильно видеть в цейтноте лишь результат недостаточного развития навыка в обращении с временем. Принятие решения — сложный процесс, всегда обусловленный отношением к содержательной стороне деятельности. В этот процесс вовлечена личность человека в целом.

Третью позицию в этом вопросе выразил Авербах. Подчеркнув, что «цейтнот отнюдь не неумение распоряжаться временем», он объяснил возникновение цейтнота наличием в характере шахматиста таких свойств, как нерешительность и неуверенность. Это мнение, которое мы разделяем, дает более целостное понимание сущности цейтнотных явлений.

Психологи давно утверждали, что для принятия верного и своевременного решения нужно своеобразное единство ума и воли. Нарушение баланса между содержанием мышления и строгой целенаправленностью его в рамках напряженной шахматной борьбы является главной причиной возникновения цейтнота. На практике это нарушение проявляется в систематическом отказе от принятия решения, не-

уверенности в собственных оценках и стремлении отдалить неизбежный выбор хода.

У ряда шахматистов неумение своевременно принимать решение становится привычкой, системой поведения. Так, Бронштейн неоднократно размышлял по 20—40 минут даже над первым ходом. И хотя он добивался в миттельшпиле перспективных позиций, затем во многих случаях его труды были обесценены цейтнотом. Затяжные паузы в начале игры у Бронштейна, по видимому, следует объяснить индивидуальными особенностями его мыслительной деятельности, неумением заранее настроиться на борьбу.

По аналогии здесь вспоминается высказывание Наполеона о маршале Массена, который не мог и не умел наметить план предстоящего сражения заблаговременно, а проявлял свои способности военачальника лишь тогда, когда, по словам Наполеона, «начинали стрелять пушки».

Поскольку причины возникновения цейтнота глубоко связаны с особенностями характера и психического устройства шахматистов, представляется бесспорным, что борьба с этим недостатком не может ограничиваться упомянутыми выше тренировочными партиями, а требует от человека определенного изменения своего шахматного «мировоззрения», перестройки сложившихся отношений к себе и соперникам.

Мы проанализировали почти 800 партий с цейтнотами из крупных соревнований за период с 1936 по 1979 год. На основании проведенного исследования были выявлены определенные пред-

посылки для появления цейтнотов. Рассмотрим результаты анализа подробнее.

1. Было установлено, что *цейтнот часто возникает в связи с объективной сложностью позиции*. Ясно, что сложные, еще не в полной мере определившиеся положения требуют более углубленного обдумывания. Обстоятельные размышления также необходимы в позициях, претерпевших значительные и неожиданные изменения. По нашим данным, именно подобные позиции чаще всего вызывали цейтноты у шахматистов, которые в целом не отличались пристрастием к игре «на флажке».

Мы рассмотрели данные хронометража отдельных ходов в миттельшпиле (по партиям саратовских соревнований). Оказалось, что на обдумывание хода в позициях, где были разменены 1—2 фигуры, требовалось в $3\frac{1}{2}$ раза больше времени, чем в позициях с 3—4 разменными фигурами. Этот хотя и формальный результат также в известной степени указывает на то, что сложный характер борьбы способствует возникновению цейтнотов.

2. Часто *цейтнот порождается волнениями, связанными с особым значением результата партии*. Некоторые партии имеют особое спортивное значение: необходимо выиграть, чтобы стать победителем турнира; сделать ничью, чтобы выполнить норму мастера; выйти в следующий этап отборочных соревнований и т. д.

Эти спортивные соображения нередко вызывают у шахматиста чувство излишней ответствен-

ности, граничащей с нерешительностью.

Желание добиться нужного результата наверняка, боязнь потерять шансы из-за отдельной ошибки вызывают особенно длительное обдумывание при обсуждении решений, связанных с риском. С подобными обстоятельствами, например, связаны цейтноты Кереса в партиях со смысловым (Цюрих, 1953) и Фишером (Кюрасао, 1962). Сходные примеры нетрудно найти в любом шахматном соревновании.

3. *Появление цейтнотов связано с недостаточной теоретической подготовкой шахматиста.* Поверхностное знание типичных позиций миттельшпиля и эндшпиля и особенно схем развития и вариантов в дебюте приводит к повышенной затрате времени на обдумывание. Например, Л. Полугаевский говорил, что в финале 25-го первенства СССР (Рига, 1958) он часто попадал в цейтнот из-за слабой дебютной подготовки. В международном турнире памяти Чигорина (Сочи, 1965) автор этих строк, обычно редко допускавший цейтноты, неоднократно испытывал острую нехватку времени по той же причине.

Психологи считают, что возникновение у человека отрицательных эмоций связано с недостатком информации. Например, человек, не знакомый с правилами движения транспорта, испытывает страх при переходе оживленной улицы.

Недостаток теоретической информации вызывает у шахматиста неуверенность, повышает субъективные трудности в оцен-

ке позиции и расчете (особенно в дебюте и эндшпиле).

4. *Цейтнот возникает и как следствие недостаточной практической подготовки.* Многие шахматисты замечали, что после длительного перерыва в игре они утрачивали «легкость» мысли и чаще оказывались в цейтноте.

Следует отметить, что при растренированности в первую очередь снижаются не столько способности к стратегической оценке положения, сколько игровые навыки, выражающиеся в точности конкретного расчета, автоматическом решении многих технических задач. Именно на эти моменты приходится тратить значительно больше времени, чем обычно.

При длительном отрыве от практической игры помощь в предотвращении цейтнотов могут оказать тренировочные партии, проведенные непосредственно перед началом соревнования. Известную положительную роль могут сыграть и тренировочные блицпартии. Бондаревский считал, что сначала нужно играть блиц с контролем 15 минут на партию, постепенно сокращая лимит до 5 минут.

5. Во многих случаях *цейтнот возникает в связи с влиянием авторитета соперника.* Эта предпосылка появления цейтнотов обусловлена спецификой шахматной борьбы. Шахматы не решение абстрактной теоретической проблемы, а непосредственное соперничество личностей, в котором каждый из противников вольно или невольно оказывает на другого определенное психологическое воздействие.

Часто высокая оценка общественным мнением силы игры противника или отдельной сторон его стиля деморализующе действует на шахматиста, вызывая повышенные затраты времени на обдумывание.

Так, многие партнеры Таля (например, Смыслов в турнире претендентов 1959 года, Портиш — в матче 1965 года) попадали в цейтнот из-за той излишней кропотливости, чрезмерной осторожности, с которой они проверяли реальные, а порой и ими самими надуманные тактические угрозы противника. Создавалось впечатление, что партнеры Таля находили опасность там, где она объективно не существовала. Их неуверенность, многократные повторения в расчете вызывались субъективной боязнью комбинационных способностей Таля.

6. *Цейтнот связан с индивидуальным стилем игры шахматиста.* Каждый шахматист обладает присущими ему достоинствами и недостатками, что-то делает лучше, а что-то хуже. Естественно, что те позиции, игра в которых не соответствует сильным сторонам стиля шахматиста, вызывают у него большие субъективные трудности и необходимость сравнительно более длительного обдумывания.

В. Панов, рассказывая о матче Ботвинник — Бронштейн (1951), отмечал, что цейтноты Ботвинника, как правило, возникали в сложных позициях с неопределеннейшей оценкой, в меньшей степени позволявших опираться на строгую логику. Эти ситуации были субъективно неприятны Ботвиннику, так как не совсем соответствовали главным требованиям его индиви-

дуального стиля игры: логической стройности планов, стратегической цельности партии.

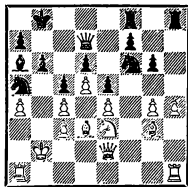
Напротив, цейтноты Бронштейна вызывались преимущественно позициями с небольшим количеством фигур, в которых противник владел инициативой и требовалось четкое решение технических проблем для ее нейтрализации. Обладавшему богатой фантазией Бронштейну были неприятны, скучны положения, связанные с необходимостью вести тривиальную защиту и не создававшие возможностей для нахождения оригинальных комбинационных идей.

Знание индивидуальных свойств стиля противника, предполагающих его к более длительному обдумыванию в определенных позициях, часто используют на практике как прием психологической борьбы.

Корраль

Ларсен

Пальма-де-Майорка, 1969

Учитывая приверженность противника к активной игре, Б. Ларсен предпринимает чрезвычайные меры для завладения инициативой. При этом он рассчитывает на то, что возникающая позиция потребует от Д. Коррала повышенной затраты времени на обдумывание.

Последовало 27. . . К : e4! 28. С : e4 f5. Ларсен пишет: «Шо-

кированный мой противник здесь очень долго размышлял и решил принять жертву качества». На наш взгляд, сильнее было 29. Cd3, но партия продолжалась следующим образом: 29. gf gf 30. С : f5 Л : f5 31. К : f5 Ф : f5. У черных, несмотря на отсутствие качества, грозная инициатива. Вскоре белые оказались в цейтноте. Ларсен в хорошем стиле выиграл эту партию.

7. *Цейтнот возникает в связи с обязательным стремлением шахматиста найти в каждой проблемной позиции единственный, наилучший ход.* Поэтому вполне приемлемые варианты отвергаются и продолжают поиски чего-то еще более действенного. Чаще всего при этом идет призрачная погоня за абсолютной истиной.

Р. Шпильман подчеркивал: «Такой шахматист с самого начала обречен на гибельный метод преувеличенной добросовестности! Он будет в каждом положении отыскивать объективно наилучший ход, но скоро в хаосе всевозможных «за» и «против» потеряет всякую возможность ориентировки. Безвозвратно пройдет ценное время, и в конце концов он в большинстве случаев должен будет решиться на ход, скорее подсказанный чувством, нежели математическим расчетом».

Р. Шпильман справедливо подчеркнул несостоятельность указанного подхода. Многообразие возможностей создает практическую неисчерпаемость шахмат. Поэтому попытка объявить необъятное принципиально неосуществима во множестве позиций.

М. Ботвинник отметил, что

между диапазоном поисков и имеющимся лимитом времени нужно стремиться найти разумные пропорции. Однако на практике многие шахматисты не совсем уверенно контролируют развернутость своих мыслительных поисков. В результате недостаточно высокой дисциплинированности мышления часто возникают острые цейтноты. По нашим наблюдениям, эти замечания могут быть отнесены ко многим партиям Решевского, Геллера, Бенко, Савона и др.

8. *Часто цейтнот порождается переживаниями по поводу собственных упущений и ошибок.* В. Панов указывал: «Большим недостатком многих шахматистов является привычка жалеть во время игры о слишком поздно замеченных возможностях, упущенных несколько ходов назад. Это бесплодное обдумывание вариантов, которые могли бы быть, не только отнимает драгоценное время, но и рассеивает внимание и снижает волю к борьбе».

Приведу пример из собственного опыта. В партии Ивашин — Крогиус (Ярославль, 1949) черные имели преимущество. В один момент красивой жертвой фигуры они могли добиться выигрыша. Обнаружив ошибку ходом спустя, черные во время обдумывания дальнейших ходов занимались бесполезными сожалениями о допущенном промахе. Несмотря на то что партия перешла в простое окончание ничейного характера, незаметно подкрался цейтнот, и последний перед контролем ход сделать мне не удалось — упал флажок на часах.

О сходных переживаниях после допущенной ошибки и свя-

заинтересованных с ними повышенных затратах времени на обдумывание рассказывали Е. Геллер, Л. Штейн, Г. Вересов, Р. Нежметдинов и другие известные шахматисты. Они подчеркивали, что на решение самых простых задач теперь приходилось затрачивать больше времени, чем до осознания сделанного промаха.

Это явление переключается с распротраненной и неправильной житейской реакцией на неудачи. В тот момент, когда сожаления о прошлых упущениях не имеют смысла, а следует максимально сосредоточиться на разрешении насущных проблем, сетуют: «Ах, раньше надо было...» Конечно, и в этих, не шахматных, ситуациях подобные сожаления бесплодны и могут привести к жизненному цейтноту.

9. *Иногда собственный цейтнот вызывается сознательно.* Намеренное попадание в цейтнот происходит в двух случаях. Иногда профилактика цейтнота не проводится, поскольку шахматист твердо убежден в необходимости затратить больше времени на обдумывание какого-либо критического момента и уверен, что оставшуюся до конца часть партии он проведет на достаточно качественном уровне.

М. Ботвинник писал: «Во время партии бывают моменты, когда следует тщательно изучить позицию; приходится расходовать лишние 20—30 минут на обдумывание и следующие ходы до контроля времени делать уже быстрее. Это «нормальный» цейтнот, от него я и не собираюсь отказываться». К сказанному экс-чемпионом мира добавим, что подобное доброволь-

ное согласие на цейтнот требует от шахматиста особого самообладания и объективности в оценке позиции.

Другие случаи сознательно-го попадания в цейтнот связаны с тем, что шахматист, не удовлетворенный развитием игры, стремится использовать собственный цейтнот как прием психологического воздействия на противника. Любопытно, что, «вызывая огонь на себя», один из играющих ставит перед противником достаточно трудные в психологическом плане проблемы. Надеясь в чужом цейтноте быстро добиться успеха, партнер может утратить необходимую критичность. Нередко в таких ситуациях начинают импульсивно играть на цейтнот, что приводит к ошибкам.

Следует отметить наличие определенной тенденции к появлению собственных ошибок в цейтноте противника. Она объясняется невольной недооценкой замыслов партнера, его возможностей глубоко вникнуть в позицию и найти верное решение.

Приемом сознательного попадания в цейтнот часто и с успехом пользовался Решевский. Правда, на эти акции он старался идти преимущественно в игре с более слабыми соперниками. В борьбе с шахматистами равного класса столь рискованные меры гораздо реже приносят успех.

Использование цейтнота в качестве приема психологической борьбы предполагает глубокое понимание индивидуальности партнера, проницательную оценку его эмоционального состояния.

Особенности игры в цейтноте

Цейтнот — тяжелое испытание для психики шахматиста. Ситуация цейтнота требует высокой скорости мышления, вызывая при этом состояние исключительной напряженности волевых и эмоциональных процессов. Эти обстоятельства влияют на особенности игры в цейтноте. Ниже мы подробнее остановимся на типичных игровых решениях, принимаемых шахматистами при наличии дефицита времени на обдумывание.

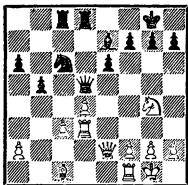
Анализ показал (мы рассмотрели почти 800 партий крупных соревнований за период с 1936 по 1979 год), что игру в цейтноте характеризуют три главных признака: *прямолинейность избираемых решений, стремление к уменьшению неопределенности позиции и стремление к безопасности.*

Прямолинейность избираемых в цейтноте решений выражается в разнообразных формах. Часто она связана с негибким проведением намеченного плана, без учета скрытых особенностей позиции.

Толуш

Сокольский

Москва, 1950

22. Лg3 b4? Необходимо было
22. .g6, но черные, испытывая недостаток времени на обдумы-

вание, решаются на немедленное проведение напрашивающегося плана наступления на ферзевом фланге. При этом они не заметили оригинальной жертвы белой ладьи: 23. Kh6+ Kpf8 24. Л : g7!

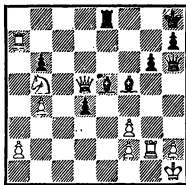
В этом все дело! Теперь после 24. . .Kp : g7 25. Фg4+ Cg5 26. c4! Ф : d4 27. Ф : g5+ Kpf8 28. -Ce3 Фh8 29. Cc5+ Kpe8 30. Kg4 Kpd7 белые могли ходом 31. Фf4!, содержащим двойную угрозу (32.Kf6+ и 32. Ф : f7+), форсировать выигрыш.

Прямолинейность игры проявляется также в переоценке значения непосредственного нападения. Шахматисту кажется, что прямое нападение на какую-либо фигуру противника должно вызвать у того обязательную реакцию: либо увести фигуру из-под боя, либо защитить ее. Так же, считает он, необходимо поступать в случае нападения на собственные фигуры. В результате игра ведется по принципу «напал — защитил». При этом часто ускользают из поля зрения промежуточные ходы.

Милейка

Розенфельд

Рига, 1964

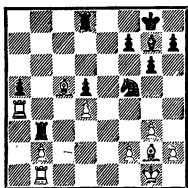
Черные сыграли 34. . .С : h2?, и белые сдались ввиду варианта 35. Л : h2 Le1+ 36. Kpg2 Фg5×. Однако белые могли выиграть, если бы нашли промежуточный ход 35. Л h7+!

После 35. .Ф : h7 36. Л : h2 Ch3
37. Ф : d4+ Kpg8 38. Фс4+
Kph8 39. Фс3+ Kpg8 40. f4
Фb7+ 41. Kpg1 Лс8 42. Фе3
Сf5 43. Kd6 дела черных плохи.

Прямолинейность игры в цейтноте выражается и в преимущественном выборе форсированных вариантов. Причем это часто делается за счет объективного ухудшения собственной позиции.

Найдорф Болеславский

Турнир претендентов,
Цюрих, 1953

У белых сильнейшая инициатива. Следовало не спешить с выигрышем пешки, а наращивать давление. Например: 27. g4 Kh4? 28. Ce7 или 27. .Kh6 28. h3, и потеря черными пешек d5 и a5 — вопрос близкого будущего. Вместо этого М. Найдорф форсирует события и утрачивает значительную часть своего преимущества. После 27. Л : a5 С : d4 28. С : d4 К : d4 29. С : d5 Лb4 30. Kpg2 у белых возникли большие технические трудности с реализацией перевеса. На 57-м ходу партия закончилась вничью.

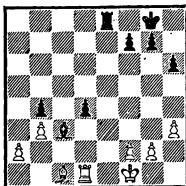
Прямолинейность избираемых решений связана с переоценкой материального фактора. Шахматист, находящийся в цейтноте, крайне неохотно идет на жертвы материала, но с удовольствием его приобретает. «В цейт-

ноте все берут пешки», — писал Д. Бронштейн.

Бенко

Глигорич

Турнир претендентов,
Белград, 1959

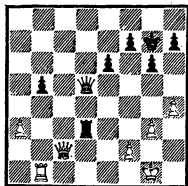

Увидев, что черные ходом 34. .Ла8 угрожают выиграть пешку, Бенко принимает быстрое и пока правильное решение: сохранить материальное равенство. Последовало 34. a3 ba 35. С : a3 Ле5 36. Cd6? А это уже ошибка, которую, однако, легко понять, если учесть стремление белых ни в коем случае не допускать материальных потерь. Лучше было пойти на временную жертву пешки: 36. Сс1 Лb5 37. Cd2 Л b3 38. С : c3 dc 39. Лс1, и белые, приближая короля, добиваются ничьей. В партии же Глигорич получил хорошие шансы на выигрыш.

С прямолинейностью мышления шахматистов в цейтноте связаны также случаи ответных ошибок сразу же вслед за промахами противника.

Вейд

Лондон, 1954

Здесь было сыграно 34. a4? b4? Об этих ходах И. Бондаревский писал: «В шахматной борьбе бывает так, что на ошибку следует ответная ошибка противника. Это можно объяснить тем, что опытный шахматист, ожидая хода противника, рассматривает, как правило, только хорошие продолжения с его стороны, но если следует плохой ход, то не всегда удается в условиях цейтнота найти сильнейшее продолжение, и поэтому ответ также оказывается неудовлетворительным».

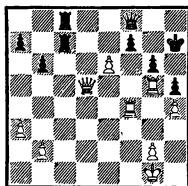
Играя 34. . .Фd4 (с угрозой Лd3—d2), Керес мог сразу добиться выигрыша. После же 34. . .b4? 35. Фb2+ Лd4 36. a5 благодаря сильной проходной пешке у белых все шансы на спасение.

Стремление к уменьшению доли неопределенных, не поддающихся точному учету элементов в оценке позиции также проявляется не однозначно.

Чаще всего эта тенденция выражается в тактике упрощений. Упрощение позиции достигается благодаря разменам или ограничению подвижности фигур и пешек. Упрощение форсируется не только в лучших или равных положениях, но и в трудных. Стремление к упроще-

Керес

нию позиции часто не является объективно обоснованным, а диктуется потребностью в какой-то степени разрядить эмоциональное напряжение, вызванное цейтнотом.

Керес**Штальберг**Турнир претендентов,
Цюрих, 1953

Черные, находившиеся в остром цейтноте, здесь сыграли 31. . .Фс5+? После 32. Ф : с5 bc 33. ef Kpg7 34. f8Ф+ Л : f8 35. Л : f8 Кр : f8 36. Л : g6 у белых выигранный эндшпиль. О 31-м ходе черных Д. Бронштейн пишет: «Психологически понятно, что черные немедленно пользуются возможностью разменять ферзей и избавиться от матовых угроз, но получающийся эндшпиль для них безнадежен. Вместо этого 31. . .f7—f5 давало хорошие шансы на ничью».

О стремлении форсировать в цейтноте даже объективно невыгодные упрощения говорили многие видные шахматисты. Так, например, А. Карпов, объясняя решение Я. Смейкала в партии Смейкал—Карпов (межзональный турнир, Ленинград, 1973), писал: «Естественное и легко понятное стремление к упрощению позиции в сильном цейтноте». В. Симагин отмечал, что, находясь в цейтноте, он в нескольких партиях упустил выигрыш из-за

поспешного перехода в эндшпиль.

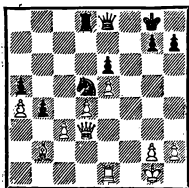
Однако наблюдаются и случаи, когда объективные требования позиции и особенности цейтнота не противоречат друг другу при стремлении шахматиста упростить борьбу. Обычно эти случаи характерны для позиций с материальным перевесом или наличием ясного стратегического преимущества.

С игрой на упрощения тесно связана тенденция отказываться от принятия сложных, ответственных решений в пользу более определенных, ясных продолжений.

Решевский

Петросян

Турнир претендентов,
Цюрих, 1953

Здесь белые, отказавшись от сложной, обоюдоострой позиции, возникающей в связи с 32. c4 Kb6, сыграли 32. cb. После 32. . . ab 33. a5 La8 34. La1 Fc6 35. Sc1 пришла очередь черных решать аналогичную проблему. Они могли пойти на вариант 35. . . Л : a5 36. Л : a5 Ф : c1+ 37. Фf1 Fe3+ 38. Kph1 h6, но Петросян резонно уклонился от этого продолжения в пользу более ясного (и сильного) 35. . . Fc7. Партия вскоре закончилась вничью.

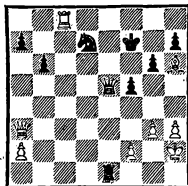
В следующей партии черные в цейтноте, переоценив значение

материального перевеса, напрасно решили продолжать сложную борьбу.

Рагозин

Лисицын

• Тбилиси, 1937

Черные сыграли 48. . . a5. Следовало форсировать ничью в связи с 48. . . Fe4 49. Fb3+ Kpe7 50. Cg5+ Kpd6 51. Cf4+ Kpe7 52. Cg5+. Теперь же атака белых становится очень опасной: 49. Fb3+ Fe6 50. Fc3! Ke5. На этот ход черные возлагали надежды. При случае угрожает Le1-h1+. Но. . . 51. Lc7+! Kpe8 52. Cg5!, и пришлось отдать ферзя после 52. . . Le2 53. Le7+ Ф : e7. Белые выиграли эту партию.

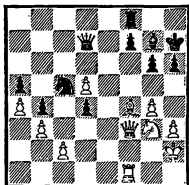
Приведенные примеры показывают, что в цейтноте психологически трудно (и во многих случаях нецелесообразно) допускать сложные позиции, насыщенные обоюдными тактическими возможностями. Бронштейн, анализируя сложное и рискованное продолжение, от которого отказался Болеславский (черными) в партии с Штальбергом (Цюрих, 1953), справедливо заметил: «Пойти на такой вариант в цейтноте нельзя».

Если сложные, динамичные позиции в цейтноте все же возникают, то заметно стремление шахматистов ограничиться нахождением шаблонных, наиболее ес-

тественных путей продолжения игры. При этом конкретный расчет вариантов используется недостаточно.

Тукмаков

Межзональный турнир,
Ленинград, 1973

В сильном цейтноте белые делают напрашивающийся ход 39. **Le1** с целью занять открытую линию. Это оказалось решающей ошибкой. Надо было играть 39. **Ke4!** **K : e4** 40. **F : e4**, не опасаясь 40. . . **Le8**. Но белые отказались от указанного варианта по тем же «естественным» соображениям, поскольку тогда черные занимали открытую линию.

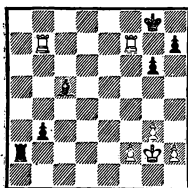
В партии последовало 39. . . **d3!** (сильный и не предусмотренный белыми прорыв) 40. **cd** **K : b3** 41. **d6** **Kd4**, и белые сдались.

Стремление к уменьшению доли неопределенных факторов проявляется в выборе решений, основывающихся преимущественно на остаточных образах. При этом в достаточной степени не учитываются новые особенности позиции.

Решевский

Болеславский

Турнир претендентов,
Цюрих, 1953

Для понимания дальнейшей борьбы в этой партии важно учесть комментарий Д. Бронштейна: «Опасаясь что-нибудь подставить в цейтноте, Решевский наметил себе заранее сделать ходы **Lf7—f3—d3—d7—f7**, что было возможно при положении черной пешки на **b3**, но давало черным шанс на спасение при пешке на **b2**».

Игра продолжалась так: 34. **Lf3** **b2** 35. **Ld3** **Cf8** 36. **Ldd7** (лучше 36. **Ld8**, так как теперь черные спасались благодаря неожиданному ходу 36. . . **La7**, но Решевский всецело находился под влиянием прежней оценки позиции, когда пешка стояла еще на **b3**). Правда, черные не воспользовались подвернувшейся возможностью и после 36. . . **Cc5?** 37. **Ld8+** **Cf8** 38. **Ldb8** были вынуждены сдать.

Из анализа этой партии следует, что игра белых в цейтноте во многом опиралась на устойчивый остаточный образ, выразившийся в твердой оценке движения ладьи по маршруту **f7—f3—d3—d7** как выгодного при всех обстоятельствах.

Стремление к выбору в цейтноте относительно безопасных продолжений реализуется на практике по-разному. Рассмотр-

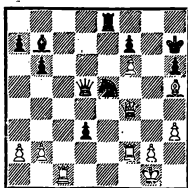
рим наиболее часто встречающиеся тенденции.

В первую очередь следует указать на тенденции выбирать те позиции, в которых собственные фигуры занимали бы прочное положение, то есть взаимно защищали друг друга. Опасение «зевнуть» какую-либо фигуру обуславливает решение шахматиста располагать свои силы по возможности более компактной группой.

Флор

Капабланка

Москва, 1936

У белых лишнее качество. Здесь решало активное 30. Лс7! Однако этот ход на первый взгляд еще более расплывает силы белых. Поэтому Флор, испытывая в цейтноте потребность держать свои фигуры поближе друг к другу, ошибочно сыграл 30. Сg4? После 30. . . К : g4 31. hg Кpg6 32. Лd1? (опять сильно было 32. Лс7) 32. . . Са6 33. Фf5+ партия закончилась вничью.

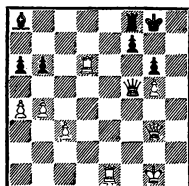
Наряду со стремлением держать «под рукой» собственные фигуры в цейтноте наблюдается тенденция преувеличивать силу активных возможностей противника. Думая прежде всего о безопасности собственной позиции, шахматист, находящийся в цейтноте, как правило, не стремится найти опровержение замысла противника, а ог-

раничивается поиском непосредственной защиты от реальной или воображаемой угрозы.

Чирич

Полугаевский

Врячка-Баня, 1965

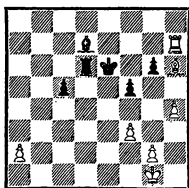

Здесь Д. Чирич ошибочно продолжал 40. Лd1. По этому поводу он писал: «В цейтноте угрозы черных по диагонали а8—h1 казались мне страшными, и я сделал «солидный» ход вместо 40. Л b6, после чего исход партии был бы ясен».

Ларсен

Хюбнер

Межзональный турнир,
Ленинград, 1973

Испытывая недостаток времени на обдумывание, черные отказались от правильного 33. с4, переоценив угрозы соперника на королевском фланге. Однако на 34. Лg7 достаточную защиту давало 34. . . Сс8, а на 34. Сf8—34. . . Лd1-|. В партии последовало 33. . . Сb5? 34. Ла7 Ла6 35. Л : а6-| С : а6 36. Крf2

Сб5? 37. Кре3 с выигрышным окончанием у белых.

В таких случаях, когда шахматист оценивает свое положение как сравнительно благоприятное, стремление к безопасности часто выражается в выжидательной тактике, повторении ходов и других способах откладывания ответственных решений.

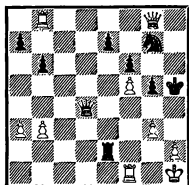
П. Керес по поводу одной из партий матч-турнира на первенство мира (1948) писал: «Последние ходы были сделаны в остром цейтноте. Оба противника избирают по возможности нейтральные ходы, чтобы каким-нибудь случайным неудачным ходом не испортить своей позиции».

Учитывая, что возможность выжидательного характера борьбы зависит не только от одной стороны, на практике в цейтноте часто прибегают к шахам. Использование шахов обусловлено стремлением строже ограничить свободу действий противника. Однако, если такие шахи не ведут к повторению позиции, они нередко оказываются ошибочными.

Винтер

Капабланка

Ноттингем, 1936

После 37. Фс4 материальное преимущество белых должно было сказаться. Однако в цейтноте, желая хотя бы на ход от-

срочить момент принятия ответственного решения и полагая, что позиция не изменится, У. Винтер решил дать шах. И лишь после того, как ход 37. Фh7+ был сделан, он убедился в его роковых последствиях. Король черных неожиданно нашел надежное убежище, а контратака черных решает. Любопытен вариант 37. . . Kpg4 38. h3+ Kp : g3 39. Lg1+ Ф : g1+ 40. Kp : g1 Le1 ×.

Аналогичным образом выпустил победу Таль в партии с Геллером (турнир претендентов, Кюрасао, 1962). Следует отметить, что необоснованное стремление к выжидательной тактике нарушает последовательный ход игры, сбивает мышление шахматиста, уводит его от решения логически взаимосвязанных проблем.

Итак, мы рассмотрели типичные особенности игры в цейтноте. Добавим, что характер ошибок, допускаемых шахматистом в цейтноте, не случаен и вполне объясним. Находясь в цейтноте, шахматист обычно действует опираясь на целесообразные правила: играть последовательно, стремиться к ясности оценок и расчетов, заботиться о безопасности собственных сил.

Однако, будучи в состоянии эмоционального стресса, вызванного дефицитом времени на обдумывание, шахматист часто применяет указанные правила изолированно друг от друга и трактует их буквально, не считаясь с динамическими особенностями позиции. В результате последовательность нередко обрачивается прямолинейностью, стремление к ясности выводов —

поверхностью и недальновидностью оценки и расчета и т. д.

Надеемся, что проведенный анализ поможет шахматисту установить более точный диагноз собственных недостатков игры в цейтноте и будет способствовать их преодолению.

Поряду с обсуждением особенностей игры в собственном цейтноте необходимо рассмотреть также влияние цейтнота противника на деятельность шахматиста.

Общий баланс израсходованного времени, как правило, систематически учитывается партнерами и служит своеобразным регулятором игры. От сравнения остающегося до контроля времени нередко зависит настроение противников, оценка перспектив борьбы. Положительный или отрицательный баланс времени влияет на степень рискованности принимаемого решения.

Так, например, Фишер в матче на первенство мира (1972) заметно воодушевлялся и чаще рисковал, когда видел, что соперник значительно обогнал его по затратам времени на обдумывание.

Особенно сильное психологическое воздействие на шахматиста оказывает цейтнот противника.

Распространенной ошибкой здесь является стремление максимально ускорить темп своей игры, чтобы не дать партнеру возможности подумать за «чужой счет». В этом случае происходит фактическое уравнение времени, но не учитывается, что противник эмоционально более настроен на быструю игру.

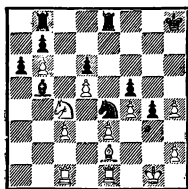
Шахматист, имеющий резерв времени, но начавший торопить-

ся, оказывается в невыгодном положении, поскольку у него не возникло, как у партнера, состояние собранности, понимания особой ответственности за каждое действие. В итоге поддавшийся азарту игрок часто принимает менее последовательные и обоснованные решения, чем действительно находящийся в цейтноте противник.

Ботвинник

Таль

Матч на первенство мира,
Москва, 1960

Эта позиция возникла в 8-й партии матча. Белые в трудном положении. К тому же у них цейтнот — 3 минуты на 6 ходов. У Талья оставалось 13 минут до контроля. И здесь он сыграл 34. .Лbс8? По поводу этого хода М. Таль пишет: «Последние ходы я делал моментально, будучи захвачен цейтнотным ритмом партнера. Я заранее видел, что выигрываю качество, но стоило немного подумать, и совершенно правильная идея была бы четко оформлена: для этого следовало пойти на с8 другой ладьей... после чего положение белых сразу стало бы безнадежным».

После 35. Ka5 C : e2 36. Л : e2 K : c3 37. Л : c3! Л : c3 38. K : b7 выяснилось, что у белых хорошие контршансы, так как из-за ошибки соперника они

инновали пешку b7. Таль допустил еще один промах — 38. . Л1 : e3? (38. . Лb8 вело к ничьей) и после 39. Л1 : e3 Л1 : e3 40. К : d6 Лd3 41. Кf7+ проиграл, так как одна из белых пешек проходит в ферзи.

Число примеров, когда шахматист под влиянием цейтнота противника начинает играть чересчур торопливо и азартно, нетрудно увеличить. Так, о партии Флор — Новотельнов (18-е первенство СССР, Москва, 1950) В. Панов писал: «Новотельнов уже к 20-му ходу попал в цейтнот... Флор, имевший лучшую позицию и большой запас времени, стремясь использовать цейтнот противника, сам стал играть с лихорадочной быстротой. Думая поставить противнику ловушку, Флор ошибочно пожертвовал слона, но обратно отыграть его не смог».

Использовать цейтнот противника можно более разумно. Учитывая типичные особенности мышления шахматиста в цейтноте (прямолинейность, стремление к ясности, безопасности решения и т. д.), следует наметить и тщательно рассчитать сложный пяти-шестиходовый вариант, приводящий, если возможно, к существенному изменению позиции, и задуманную серию ходов делать уже быстрее. В этом случае можно ожидать ошибки противника, если вариант застал его врасплох.

В ситуациях, когда у противника цейтнот, но к тому же и большое преимущество, также не стоит делать собственные ходы с предельной скоростью. В этом отношении мы не согласны с мнением, высказанным Пановым в книге «Атака». Правильно его

утверждение, что надо попытаться запутать противника в этот момент. Но обострение позиции должно быть не результатом импульсивного желания, а продуктом объективного анализа ситуации. Мы полагаем, что и здесь наиболее целесообразным остается вышеуказанный прием борьбы: тщательно наметить план, длинный вариант и серию ходов делать уже быстро.

В партии Ботвинник — Решевский (матч-турнир на первенство мира, Гаага — Москва, 1948) черные играли по аналогии с рецептом Панова: имея худшее положение, делали ходы в цейтноте противника почти без обдумывания. Это лишь облегчило Ботвиннику реализацию преимущества: На подобные последствия импульсивных действий в цейтноте противника указывают многочисленные примеры из практики мастеров.

Профилактика цейтнота

Понимая, что цейтнот в целом оказывает отрицательное влияние на эффективность деятельности, шахматисты применяют различные способы профилактики цейтнота.

Многие шахматисты считают полезным иметь определенный резерв времени, рассчитанный на какой-либо непредвиденный случай. Р. Шпильман советовал оставлять на последний ход не менее 5 минут. Он писал: «Шлехтер, который никогда не попадал в цейтнот, руководствовался правилом оставлять про запас для последнего хода 5 минут... Я позаимствовал у него это правило и могу констатировать хорошие результаты. До-

водить дело до последней минуты или даже последних секунд во всяком случае очень рискованно».

Это возможный способ профилактики, но ему нельзя всегда следовать буквально. Часто бывает, что резерв времени целесообразнее израсходовать раньше.

Р. Фишер в соревнованиях 1968—1970 годов регулярно оставлял резерв не менее 15—20 минут. Однако в матче на первенство мира в 1972 году он не придерживался этого правила.

Иногда борются с цейтнотами путем установления своеобразных промежуточных контролей времени. При этом шахматист заранее планирует затраты времени на определенные серии ходов: например, 15 минут на первые 10 ходов и по 45 минут на каждый последующий десяток. Этот способ хотя и повышает ответственность шахматиста за расходование времени, но отличается чрезмерным педантизмом. Часто не представляется возможным определить заранее, когда в партии возникнут наибольшие трудности:

Можно попытаться сэкономить время, обдумывая возможное развитие игры при ходе противника. Приверженцем этого способа был Ботвинник. Но всегда напряженно работать при ходе противника очень утомительно, и, как показали наблюдения, большинство шахматистов не в состоянии долго выдержать подобную нагрузку. Чаще всего к этому приему прибегают частично, лишь в наиболее важные моменты борьбы.

Отметим также, что в массе случаев обдумывание при ходе

противника не очень производительно, поскольку неизбежно рассматривается много вариантов, на которые партнер не обращает внимания.

Иногда с целью предотвратить возникновение цейтнотов форсируется быстрая игра в дебюте. Этот способ применяют Полугаевский, Суэтин, Свешников. Но возникает опасность перенесения по инерции излишней быстроты обдумывания на позиции миттельшпиля. Кроме того, этот способ требует от шахматиста огромной дебютной эрудиции.

Наконец, применяется метод «свертывания». Суть его состоит в том, что под угрозой приближающегося цейтнота шахматист сознательно снижает напряженность положения на доске. При этом он часто жертвует своими преимуществами, упрощая позицию. Этот способ применялся Петросяном, Смысловым, Портишем.

Каждый из рассмотренных приемов имеет свои достоинства и недостатки. Универсального способа нет, и выбор тех или иных приемов зависит от индивидуальных склонностей шахматиста и конкретных особенностей развития партии.

Многие шахматисты считают, что полезным средством предотвращения цейтнотов является развитие умения играть блиц, так как блицпартии заставляют мыслить быстро. Достоинства игры блиц в этом плане несомненны. Но следует учитывать, что между искусством игры блиц и игры в цейтноте далеко не всегда обнаруживается прямая связь.

Дело в том, что по психоло-

гическому содержанию цейтнот и блиц сходные, но не тождественные явления. Главное различие состоит в том, что игра в цейтноте в значительно большей степени опирается на «историю» развития данной партии, на остаточные образы. К возникновению цейтнота уже создана конструкция позиции, проводились определенные планы, которые оказывают и в дальнейшем известное влияние на ход мыслей шахматиста.

В блице же преобладает гораздо более случайная смена ситуаций на доске. Остаточные образы учитываются в меньшей степени. Поэтому решения, принимаемые в блице, носят, как правило, более легковесный характер. И излишнее увлечение блицем может стимулировать шахматиста на импульсивные действия в цейтноте.

Кроме того, блиц и цейтнот различаются по напряженности мыслительной деятельности и глубине переживаний. Результаты игры блиц, как правило, не имеют столь большого значения для шахматиста, как результаты турнирных и матчевых партий.

Вот почему блиц не может рассматриваться в качестве оптимального средства профилактики цейтнота. Положительная роль блица проявляется главным образом в подготовке давно не вы-

ступавшего в соревнованиях, растренированного шахматиста. Здесь блиц помогает восстановлению навыков расчета и закреплению технических приемов.

Шахматист может и должен бороться с возникновением цейтнотов. Однако при этом необходимо учитывать, что появление цейтнота обусловлено свойствами мышления и характера шахматиста и поэтому успешная борьба с ним связана не только с применением рассмотренных выше приемов, но главным образом с воспитанием характера, воли. Мы считаем, что важнейшим условием рационального расходования времени является развитие экономичности мышления. Шахматист должен при анализе любой позиции стремиться к нахождению по возможности самого экономичного (по количеству участвующих фигур и времени их передвижения) пути.

Цейтнот — серьезная, но преодолимая трудность на пути развития шахматиста. «Неспособность опытного мастера справиться с часами надо считать такой же тяжелой виной, как и просчет», — писал А. Алехин. Практика шахмат показывает, что при наличии критического отношения к себе можно преодолеть цейтнот, воспрепятствовать его появлению.

Тактика борьбы

Давно стало аксиомой, что шахматы сочетают в себе элементы спорта, науки и искусства. Но следует учитывать, что в разных видах шахматной деятельности сравнительная значимость

этих элементов неодинакова. Например, при составлении этюдов на первый план часто выступают эстетические моменты, при изучении теории — познавательные и т. д. В главном виде шахмат-

ной деятельности — турнирах и матчах — шахматист, как правило, отдает предпочтение спортивной стороне. <

В большинстве случаев результаты партии или соревнования приобретают ведущее значение в деятельности, становятся жизненно важными целями. Поэтому шахматисты планируют достижение определенных результатов как в отдельных партиях, так и в соревновании в целом. Подобное планирование и является тактикой борьбы. Тактика борьбы выражается в определении конкретных средств для достижения желаемого результата (например, в выборе какого-либо дебютного варианта) и создании соответствующего психологического настроя для игры «на выигрыш», «на ничью», «на 3 очка из 5» и т. п.

В. Панов предлагал единообразную тактику борьбы: «...каждую партию — от первой до последней — играть на полную мощность». Конечно, требовать ответственного отношения шахматиста к любой партии справедливо. Но возможно ли в каждой встрече стремиться к максимуму? На этот вопрос практика шахмат не дает однозначного положительного ответа.

Опыт показывает, что рациональнее придерживаться гибкой тактики, поскольку выдержать максимальное напряжение на протяжении всего соревнования шахматист не в состоянии. Надо учитывать реальные условия, понимать, что собственные возможности небеспредельны. М. Ботвинник писал: «Шахматный кодекс гласит: шахматист обязан провести турнир в полную силу. Для этого надо экономить свои

силы во всех случаях, когда это возможно».

Изучение этого вопроса показало, что выбор тактики борьбы как в отдельной партии, так и в целом соревновании обусловлен рядом факторов. Главные из них следующие: 1) объективная ситуация. Так, например, если до выполнения мастерской нормы осталось набрать одно очко, то данные объективные условия требуют от шахматиста игры только на выигрыш в последнем туре; 2) индивидуальные особенности шахматиста. Здесь имеется в виду склонность к тем или иным позициям, эмоциональное состояние в данный период, степень усталости и другие моменты, относящиеся к психологическому своеобразию шахматиста; 3) индивидуальные особенности противника. Обычно принимаются во внимание практическая сила его игры, стиль, особенности поведения.

Планируя достижение определенного результата, шахматист учитывает указанные факторы. Следует отметить, что к решению о выборе тактики борьбы каждый приходит индивидуальным путем, и нередко удельный вес тех или иных обстоятельств определяется вопреки очевидной логике.

Однако при всем многообразии и кажущейся неповторимости индивидуальных проявлений можно заметить типичные психологические свойства, присущие каждой отдельной тактике. Мы рассмотрим поэтому особенно распространенные на практике игру «на выигрыш» и «на ничью», а также познакомимся с проблемами выбора линии поведения

в ситуациях неуспеха, успеха и на финише соревнований.

Игра на выигрыш

Выбор этой тактики борьбы может быть строго обусловлен игровой ситуацией. В этом смысле говорят о ситуации «все или ничего», то есть о ситуации, в которой отсутствует возможность компромисса.

Приведем примеры: матч на первенство мира 1951 года между Ботвинником и Бронштейном. Перед заключительной, 24-й партией матча счет был $11\frac{1}{2}$ — $11\frac{1}{2}$. Для завоевания звания чемпиона мира Бронштейну необходимо было выиграть эту партию. Ничья или даже проигрыш существенно не изменяли его положения — в любом случае Ботвинник сохранял чемпионское звание. Таким образом, рассматривая ситуацию со стороны Бронштейна, можно констатировать, что он оказался перед выбором — «все или ничего».

Другой пример взят из 7-го первенства СССР (1931). Перед последним туром впереди были М. Ботвинник — 13 очков и Н. Рюмин — $11\frac{1}{2}$. А на 11-м месте с результатом $7\frac{1}{2}$ очков находился В. Кириллов. Предстояла партия Рюмин — Кириллов. При этом для Кириллова возникла ситуация, требующая обязательного выигрыша. Она была обусловлена тем, что на турнире была установлена мастерская норма ($8\frac{1}{2}$ очков). Только победа приводила Кириллова к цели.

Наверное, любой шахматист сможет вспомнить немало случаев из собственной практики,

где он оказывался в аналогичных условиях.

Но, как хорошо известно, сознательно играют на выигрыш не только тогда, когда с математической точностью можно доказать, что любой другой результат, кроме победы, неприемлем. На выигрыш играют и тогда, когда, казалось бы, обстоятельства к этому не вынуждают. В таких случаях выбор подобной тактики борьбы обусловлен индивидуальными склонностями шахматиста, уверенностью в себе, уровнем его притязаний.

Рассмотрим ситуацию, сложившуюся на финише 24-го первенства СССР (1957). Перед последним, 21-м туром положение лидеров было следующим: Д. Бронштейн, М. Таль и А. Толуш набрали по 13 очков, П. Керес — $12\frac{1}{2}$. В заключительном туре должны были состояться партии Таль — Толуш, Бронштейн — Холмов и Антошин — Керес.

Для Таля последняя партия имела, пожалуй, большее значение, чем для других участников. В случае ничьей Таль (тогда еще мастер) почти наверняка добивался звания гроссмейстера. Правда, выигрыш прибавлял к этому еще и звание чемпиона СССР, но зато увеличивался риск поражения, которое, кстати, не оставляло надежд на 3-е место и продвижение в «чинах».

Вероятно, многие на месте Таля избрали бы мирную линию поведения, не возражая против ничьей (это облегчалось еще тем, что Таль играл белыми), но рижанин предпочел игру на выигрыш. Эта тактика оправдалась в данной партии.

Подобные непростые задачи выбора постоянно возникают перед шахматистами в ходе соревнования. Решение во многом зависит от прошлого опыта шахматиста, его успехов или неудач, связанных с выбором определенной тактики борьбы, его состояния в данный момент и, конечно, от оценки силы игры, спортивной формы, стиля и состояния противника.

Однако, несмотря на то, что решение играть на выигрыш во многих случаях обуславливается разной свободой выбора, возникающая борьба имеет сходное психологическое содержание. Отметим заметное повышение активности игры. Даже сравнительно миролюбивые шахматисты (Шлехтер, Флор, Трифунович), если уж принимали решение играть на выигрыш, действовали весьма агрессивно.

Конечно, эффективность игры на выигрыш у отдельных шахматистов оказалась далеко не одинаковой. Особенно успешно действовали в этой ситуации Ласкер, Ботвинник, Таль, Керес. Успешно, но с отдельными срывами — Алехин, Боголюбов, Ларсен. И относительно неудачно — Бронштейн, Болеславский, Флор, Глигорич, Ивков.

От чего же зависит успех? Какие особенности характера и поведения шахматистов содействуют достижению цели в данной ситуации?

Рассмотрим несколько примеров. Для начала вспомним знаменитую партию Ласкер — Капабланка (Петербург, 1914). Ласкер не стал сразу «сжигать мосты», а, умело подготовив наступление, заставил противника считаться не с мнимой, а с ре-

альной и грозной опасностью. В следующей партии игравший на выигрыш Керес также продемонстрировал незаурядную выдержку.

Дебют четырех коней

Авербах

Керес

18-е первенство СССР,
Москва, 1950

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Kc3 Kf6
4. Cb5 Cb4 5. 0—0 0—0 6. d3 d6
7. Ke2 Ke7.

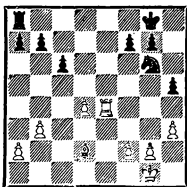
Черные, очевидно, считая это сильнейшим, пока хладнокровно поддерживают симметрию. Подлинную смелость как раз и характеризует сохранение выдержки, а не стремление поскорее броситься очертя голову в омут. Для перехода к активным действиям у черных еще нет оснований.

8. c3 Ca5 9. Kg3 c6 10. Ca4 Kg6 11. d4 Ce6 12. Cc2 Le8 13. Le1 Cg4 14. Kf5? d5! 15. h3 C : f3 16. Ф : f3 K : e4 17. C : e4 ed 18. K : d4 Cb6!

В связи с ошибкой белых на 14-м ходу у черных появились надежды на получение перевеса, но Керес справедливо довольствуется пока малым. Он комментировал: «Черные удовлетворяются небольшим, но ясным преимуществом в эндшпиле, создавая противнику изолированную пешку на d4 при наличии у него чернополюсного слона. Попытки использовать связанное положение белого слона не дали бы успеха. Например: 18. Фh4 19. Фf5 Л : e4 20. Cg5 Л e1+ 21. Л e1 Фh5 22. g4, и белые выигрывают».

19. Cd2 de 20. Л : e4 Л : e4 21. Ф : e4 C : d4 22. cd Фе7 23. Фg4

Фd6 24. Le1? Фd5! 25. b3 h5
26. Фе4 Ф : e4 27. Л : e4.

Возникла типичная позиция с «плохим» слоном у белых, дающая Кересу определенные шансы на победу. После нескольких обоюдных неточностей в цейтноте черные реализовали свое преимущество.

27. . . f6 28. Kpf1 Kpf7 29. Ca5 b6 30. Cc3 Ld8 31. Cb2 Ld6 32. g4 hg 33. hg Le6 34. f3 Ke7 35. Cc1 Kd5 36. Cd2 Ld6 37. Kpe2 Ld8 38. Kpf2 Kc7 39. a4 Ke6 40. Ce3 Ld5 41. Kpg3 Kpe7 42. g5? f5 43. Le5 Kpd6 44. Л : d5+ Кр : d5 45. g6 a5 46. Kph4 К : d4 47. Ch6 Ke6 48. Ce3 c5 49. Kph5 Kpe5 50. Cc1 Kd4 51. Ch6 Kpf6 52. Cg5+ Kpe6 53. Ch6? gh 54. Кр : h6 Kc6, и черные выиграли.

Нас не интересует сейчас подробный анализ этого эндшпиля. Важно другое: каковы основные причины победы Кереса? Они заключены в последовательности, объективности его игры. Керес показал, что позиций с равными шансами бояться не стоит, ибо равное положение выиграть легче, чем худшее. Главное — бороться до конца, ставить перед противником все новые и новые задачи. Конечно, не допустить Авербаху пару промахов, он не проиграл бы партии. Но, по-видимому, его основная ошибка была связана с расчетом на то, что партнер не выдержит, где-то

напрасно рискнет. В данном случае осмотрительность и объективность оказались главными слагаемыми успеха черных.

Острее развивалась следующая партия, сыгранная на финише важного матча.

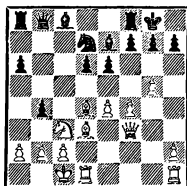
Сицилианская защита

Таль

Ларсен

Матч претендентов,
Блед, 1965

1. e4 c5 2. Kf3 Kc6 3. d4 cd
4. К : d4 e6 5. Kc3 d6 6. Ce3 Kf6
7. f4 Ce7 8. Фf3 0—0 9. 0—0—0
Фс7 10. Kdb5 Фb8 11. g4 a6 12.
Kd4 К : d4 13. С : d4 b5 14. g5
Kd7 15. Cd3 b4.

16. Kd5! ed 17. ed f5 18. Ldcl
Lf7 19. h4 Cb7 20. С : f5 Л : f5
21. Л : e7 Ke5 22. Фе4 Фf8 23. fe
Lf4 24. Фе3 Lf3 25. Фе2 Ф : e7
26. Ф : f3 de 27. Le1 Ld8 28.
Л : e5 Фd6 29. Фf4, и белые
вскоре выиграли.

Отметим, что, хотя в этой партии и было несколько напряженнейших моментов, агрессивная игра белых основывалась на достаточных стратегических предпосылках. Интересен 20-й ход белых, продиктованный стремлением действовать осмотрительно, «навверняка». При этом было принесено в жертву романтическое продолжение 20. gb.

Конечно, выбор конкретных средств в игре на выигрыш во многом зависит от индивидуальности шахматиста. Полугаевский, например, планирует игру на выигрыш несколько иначе, чем Ларсен, а Геллер — иначе, чем Романишин. Но главная составляющая успеха должна оставаться неизменной — не безрассудная, а отвечающая духу позиции и собственному стилю игры активность.

Приведем и пример неудачной игры на выигрыш. В следующей партии Р. Маричу было необходимо победить. Но вот что получилось.

Сицилианская защита

Марич

Радулов

Нови-Сад, 1975

1. e4 c5 2. c3 Kf6 3. e5 Kd5 4. d4 cd 5. cd d6 6. Cc4 Kb6 7. Cb3 de 8. Фh5 e6 9. de Kc6 10. Kf3 Фd3 11. Kc3 Cb4 12. Cd2 C : c3 13. C : c3 Kd5 14. Jd1 Фе4+ 15. Kpf1 0—0 16. Kg5 Фf5 17. C : d5 ed 18. g4 Фg6 19. Л : d5 h6 20. Ф : g6 fg 21. Ke4 C : g4 22. Kd2 Ce6 23. Jd6 Ch3+ 24. Kpe2 Lae8 25. Л : g6 K : e5 26. Jg3 Kg4+ 27. Kpd1 K : f2+ 28. Kpc1 g5 29. Лhg1 Cf5 30. Лf3 Cg6 31. Л : f8+ Л : f8 32. Cd4 Лс8+, и черные вскоре выиграли.

В этой партии игра белых в дебюте производила впечатление отдельных наскоков, но не продуманной системы действий.

В целом же на основании проведенного анализа мы могли констатировать, что решение играть на выигрыш стимулирует активность шахматиста, повышает его уверенность.

Вместе с тем эта ситуация

таит в себе опасность увлечения внешне активными акциями и недооценки защитительных ресурсов противника. Неудачная игра на выигрыш обычно связана с неподготовленностью активных действий, стремлением атаковать невзирая на обстоятельство.

Анализ показал, что при неудачных попытках играть на выигрыш наблюдались эмоциональное перевозбуждение, импульсивность в действиях, необоснованное усложнение борьбы, отказ от разменов. Потребность скорее снять напряжение вызывала стремление немедленно создать кризис, решить исход борьбы в первом столкновении. Чаще всего это не удавалось. После отражения первого натиска у шахматистов, действовавших подобным образом, был замечен резкий спад в игре. В общем, «отчаянная» игра на выигрыш в большинстве случаев оборачивалась игрой на проигрыш.

Успех в игре на выигрыш, как правило, сопутствовал тем, кто активность сочетал с известной осмотрительностью. Наряду с другими слагаемыми успеха: подготовленностью, объективностью в оценке позиции, психологической проницательностью — здесь особенно требовались выдержка, умение поддерживать напряжение и в то же время сохранять осторожность до конца.

Сравнивая успехи и неудачи при применении этой тактики борьбы, хотелось бы специально подчеркнуть значение осмотрительности. Дело в том, что активность и смелость здесь как бы заданы ситуацией, а сдержан-

ность и осторожность, напротив, ограничены, и проявление этих качеств требует от шахматиста значительных волевых усилий. Естественно, речь идет об осмотрительности, находящейся в своеобразном соответствии, согласовании с активностью и смелостью.

В этой связи интересно высказывание выдающегося советского психолога Б. Теплова о качествах, необходимых в деятельности военачальника: «Большими полководцами могут быть только те, у которых эти противоположные свойства — осторожность и смелость мысли — образуют единство, создают новое качество, которое наиболее естественно было бы назвать несколько странно звучащим выражением «осторожная смелость»... Неверно было бы думать, что у больших полководцев смелость как бы умеряется, ослабляется, сдерживается осторожностью. Наоборот, осторожность, высокая критичность мысли дают возможность идти на такую смелость решения, которая вне этого невысказана».

Достаточно ничья

Выбор этой тактики борьбы часто связан с объективной необходимостью. Надо, например, как минимум сделать ничью, чтобы занять 1-е место в турнире, победить в матче, обеспечить попадание в следующий этап отборочных соревнований, выполнить квалификационную норму и т. п.

Вспомним ситуацию, которая сложилась на финише межзонального турнира в Бразилии

(1973). Три победителя получают право участия в соревновании претендентов на звание чемпиона мира. Перед последним туром впереди шли Э. Мекинг и Л. Портиш, имевшие по 11½ очков, Е. Геллер — 11 и Л. Полугаевский — 10½. В заключительный день играется партия Полугаевский — Портиш. Нетрудно убедиться, что для попадания в число претендентов Портишу была достаточно ничья. Выигрыш, конечно, был еще более приятен, но он не вносил принципиальных изменений в главную оценку итога его выступления. Таким образом, рассматривая ситуацию со стороны Портиша, можно отметить, что он оказался перед необходимостью не проиграть. Решить эту задачу не удалось.

И другой, более поздний пример из матча претендентов Хюбнер — Адорьян (1980). Перед заключительной, 10-й партией счет матча был 5 4 в пользу Р. Хюбнера. Ничья в последней встрече обеспечивала ему общую победу в матче, и он достиг поставленной цели.

Принцип «лишь бы не проиграть» может преобладать и не в столь определенных ситуациях. Часто подобной тактике следуют по собственному выбору и желанию. Причем идет это не только от неуверенности в своих силах, но и от пассивности характера, неумения шахматиста ставить на доске сложные задачи по собственной инициативе.

Так, например, Г. Мароци на турнире в Гастингсе (1929/30) все 9 партий завершил вничью. Впоследствии его «рекорд» несколько раз повторил П. Трифу-

нович. В мемориале Чигорина (Сочи, 1963) Р. Холмов выиграл лишь в последнем, 11-м туре, а 10 предыдущих партий он свел вничью. Наконец, следует вспомнить матч Шлехтер — Марко (1893), закончившийся с результатом $+0-0=10(!)$.

Вряд ли эти примеры можно объяснить только безошибочной игрой соперников. Правильнее усмотреть причину потока ничьих в индивидуальных особенностях конкретных шахматистов — в их недостаточном умении и желании создавать напряженные и трудные для обеих сторон позиции. Правда, надо отметить искусство защиты этих шахматистов, поскольку сделать ничью с противником, настроенным по-боевому, отнюдь не простая задача. С. Флор писал: «Часто говорят: Капабланка или Флор — специалисты по ничьим. В действительности далеко не так просто сделать ничью, так как ваш противник тоже играет».

Рассмотрим примеры из практики и попытаемся определить причины успешной и неудачной игры в этой ситуации.

Французская защита

Лилиенталь — Бондаревский

12-е первенство СССР,
Москва, 1940

1. e4 e6 2. d4 d5 3. Kc3 de.

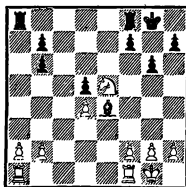
Эта партия состоялась в последнем туре. У Бондаревского было $13\frac{1}{2}$ очков, а у Смыслова и Лилиенталья — $12\frac{1}{2}$. Чтобы стать победителем чемпионата, Бондаревскому достаточно было сыграть вничью. Однако последний ход черных показывает, что

для достижения желанной цели они избрали психологически неверный путь. Дело, конечно, не в оценке хода 3. de как такового, а в оценке соответствия этого варианта стилю игры Бондаревского. В те годы он считался одним из опаснейших шахматных форвардов, а избранный им вариант ведет к довольно крепкой, но пассивной позиции, где об атаке мечтать не приходится.

4. K : e4 Kd7 5. Kf3 Ce7 6. Cd3 Kgf6 7. K : f6+ C : f6 8. 0—0 c5 9. c3 cd 10. cd 0—0.

Точнее 10. .Kb6. Рокировка — мелкая, но психологически вполне понятная ошибка. Бондаревский играет не свою позицию.

11. Фc2 g6 12. Cf4 Kb6 13. Cc7 Фе7 14. Ce4! Kd5 15. C : d5 ed 16. Ce5! Cf5 17. C : f6 Ф : f6 18. Фb3 Ce4 19. Ke5 Фb6 20. Ф : b6 ab.

Определилось небольшое, но устойчивое преимущество белых. Вероятно, в этот момент Бондаревский сожалел об избранном им тусклом методе борьбы.

21. Jf1c1 Jf1c8 22. a3 Cf5 23. g4 Ce6 24. h3 f6 25. Kd3 g5 26. f3 Kpf7 27. Kpf2 Kpe7 28. Kpe3 Kpd6?

Решающий промах. Следовало бы играть 28. .h5. Но опять-таки ошибка черных не выглядит случайной — она ло-

гически связана с предыдущей пассивной игрой.

29. Л : с8 Л : с8 30. h4 h6
31. hg hg 32. Лh1 Ле8 33. Кpd2
Cd7 34. Лh6 Лf8 35. Ке1 Крc7
36. Кс2 Лf7 37. Ке3 Се6 38. Крc3
Кpd6 39. Крb4 Cd7 40. Кf5+
Крc7 41. a4 Се6 42. Кg3 Cd7
43. Kh5 f5 44. Кf6 fg 45. К : d5+
Крb8 46. fg С : g4 47. К : b6 Лf2
48. b3 Cd1 49. d5 Крc7 50. a5
Лd2 51. Лh7+ Крb8 52. d6
Лd4+ 53. Крc5 Лh4 54. d7 Крc7
55. d8Ф+ Кр : d8 56. Лd7+.
Черные сдались.

Поучительная партия! Оказывается, ничья сама собой не делается. За нее надо напряженно бороться. Основная ошибка Бондаревского заключалась в том, что требованию безопасности он следовал чересчур прямолинейно: видел в каждом размене шаг, приближающий к ничьей, и не пытался бороться за инициативу.

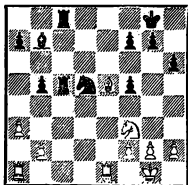
По-иному, гораздо динамичнее и активнее, действовал в аналогичных ситуациях А. Карпов. Укажем для примера на его партии с В. Ульманом (Скопел, 1976) и Ф. Олафссоном (Амстердам, 1976). Познакомимся с фрагментом первой партии.

Английское начало

Ульман

Карпов

1. с4 Кf6 2. Кс3 е6 3. Кf3 b6
4. е4 Сb7 5. Фе2 Сb4 6. е5 Кg8
7. d4 Ке7 8. Фd3 d5 9. ed cd
10. a3 С : с3+ 11. Ф : с3 Кd7
12. Се2 Лс8 13. 0—0 0—0 14.
Сg5 h6 15. Ch4 Фе8! 16. Сg3
Кf5 17. Cf4 b5 18. Cd3 Фе7
19. С : f5 ef 20. Лfе1 Фf6 21. d5
Л : с4 22. Ф : f6 К : f6 23.
С : d6 Лfc8 24. Се5 К : d5.

Позиция определилась. Преимущество черных беспорно. В дальнейшем, несмотря на исключительно изобретательную защиту соперника, Карпов добился победы. Игра Карпова в этой партии весьма поучительна: он избрал надежный, спокойный, но отнюдь не пассивный дебютный вариант. Выиграв дебютное сражение и перехватив инициативу, он с большой энергией продолжал усиливать натиск.

А. Карпов говорил, что за ничью надо настойчиво бороться и что легче ее завоевать в полнокровной борьбе. Нельзя, полностью исключив риск и подавив стремление к инициативе, добиться ничейного результата.

Может показаться, что психологически игра с намерением удовлетвориться ничьей не слишком сложна, ибо имеется известная свобода выбора: нужно сделать ничью, но можно и выиграть. На самом деле эта свобода иллюзорна: на игру накладывается жесткое ограничение — не проиграть. Часто это ограничение становится идеей, завладевающей сознанием и сковывающей деятельность шахматиста.

На основании анализа множества партий, проведенных в подобных условиях, мы заметили в игре наличие ярко выраженной тенденции к осторож-

ности, сдержанности. Эта тенденция, отражающая требования избранной тактики борьбы, содержит в себе потенциально опасность. При недостаточном критичном отношении осторожность превращается в сверхосторожность, сопровождаемую состоянием неуверенности и робости. Порой наблюдается явная переоценка шансов противника и недооценка собственных возможностей.

Успех значительно чаще сопутствовал тем шахматистам, кто осмотрительность сочетал со стремлением бороться за инициативу, с определенной активностью действий. Практический опыт показывает, что, борясь за ничью, нельзя в целом руководствоваться целью «не проиграть». По-видимому, в тех случаях, когда достаточна ничья, нужно ставить перед собой несколько большие задачи, чем простое уравнение позиции. Имея преимущество, значительно легче добиться ничьей, нежели защищая худшее или равное положение.

Итак, мы познакомились с двумя распространенными тактиками борьбы. Надо сказать, что избранную шахматистом установку на достижение определенного результата нельзя рассматривать как неизменное образование. В ходе борьбы в связи с изменившимися обстоятельствами она часто корректируется. Так, в партии Ульман — Карпов, с которой мы познакомились, чемпион мира намеревался сначала удовлетвориться ничьей, но затем, переиграв соперника и добившись преимущества, изменил план. В последнем туре первенства РСФСР

(Казань, 1964) автор считал себя обязанным играть на выигрыш. Но к концу тура выяснилось, что никто из конкурентов не добился успеха. Появилась возможность избежать обязывающего и рискованного продолжения и направить игру в спокойное русло. Партия закончилась вничью.

Выбор тактики борьбы, конечно, далеко не ограничивается столь категорическими установками, как игра только на выигрыш или ничью. Распространена, к примеру, такая установка: играть на выигрыш, но если ничего не выйдет, то к отчаянным мерам не прибегать, а удовлетвориться ничьей.

Наличие разнообразных вариантов тактики не освобождает шахматиста вообще от планирования результата. Нельзя играть по принципу «как получится». Один известный гроссмейстер пытался подкрепить этот принцип следующим аргументом: шахматист несет ответственность за качество своей игры, но не за ее результат. Это ошибочное мнение. Оно дезориентирует шахматиста, тормозит развитие его мастерства. Результат партии или соревнования — неотъемлемая составная часть шахматной деятельности. Отрицание спортивного элемента в шахматах приводит к обеднению творчества.

Как показывает опыт, стремление к достижению определенного результата стимулирует творческую активность шахматиста. Тренировочные партии и партии, проведенные в условиях, когда шахматист не заинтересован в результате, как правило, значительно уступают по

содержательности и оригинальности замыслов партиям, сыгранным в обстановке напряженной борьбы. Блюменфельд справедливо отмечал, что ответственные состязания способствуют максимальной заинтересованности и вовлеченности всей личности в мыслительный процесс.

Рассмотрим для примера партию из 10-го первенства СССР, которую победитель этого турнира Левенфиш провел не ставя перед собой каких-либо спортивных целей.

Сицилианская защита

Левенфиш

Рагозин

1. e4 c5 2. Kf3 d6 3. d4 cd
4. K: d4 Kf6 5. Kc3 e6 6. Ce2 a6
7. 0—0 Фc7 8. a4 b6 9. Cg5 Kbd7
10. Cd3 Ce7 11. Фd2 0—0 12. Лae1
Cb7 13. Kph1 Лac8 14. Фе2?
Kc5 15. Cd2 Лfe8 16. b4 K: d3
17. cd d5! 18. e5 Kd7 19. Kb1 a5
20. ba ba 21. Kc3 Ca6 22. f4 Фb6
23. Kdb5 Cb4 24. Ce3 Cc5 25.
C: c5 Ф: c5 26. Лc1? C: b5
27. ab d4 28. Ka2 Ф: b5, и черные вскоре выиграли.

Игра белых производит бледное впечатление. Вялая постановка дебюта, явные потери времени на 10, 14, 15-м ходах и, наконец, «зевок» пешки, завершивший бесплановое передвижение фигур. Левенфиш провел эту партию гораздо слабее других, сыгранных в том же турнире. Добавим, что в остальных партиях он был заинтересован в достижении высоких спортивных результатов.

После поражения и победы

Эм. Ласкер говорил, что развитие шахматиста нельзя рас-

сматривать лишь как неуклонное продвижение к вершине. Путь шахматного мастера — это путь взлетов и падений. От того, как шахматист отнесется к победам и поражениям, во многом зависят пределы его спортивного и творческого роста.

О влиянии поражений на шахматиста писали немало. Но, в основном, ограничивались отдельными примерами. Пожалуй, лишь Ф. Витязев (еще в 1928 году) попытался в статье «Психологические типы шахматистов» обобщить имеющиеся материалы.

Он выделил три группы шахматистов, различающихся по отношению к проигрышам. Представители первой группы после поражения деморализуются. Их игре присуща неуверенность, подавленность. Уровень мастерства явно снижается. К этой группе Витязев отнес Рубинштейна.

Вторая группа сохраняет спокойствие после проигрыша. Наблюдая за этими шахматистами, создается впечатление, что ничего существенного с ними не произошло. Уровень игры не понижается и остается на обычном уровне. К этой группе были причислены Ласкер, Пильсбери, Стейниц.

И, наконец, третья группа шахматистов отличается тем, что после проигрыша играет активнее, смелее и, главное, более успешно по сравнению со средним уровнем своих результатов. Ярко выраженным представителем этой группы Витязев называл Алехина.

В целом соображения, высказанные Витязевым, особых

возражений не вызывают. Можно поспорить лишь по поводу отдельных персональных характеристик. Так, судя по фактическим данным, вряд ли справедливо говорить о сохранении Стейницем обычного уровня игры после поражений. В таких ситуациях он играл, как правило, слабее.

Но психологию интересует не только сам факт типичных различий в реакции на поражение. Важно установить, какие меры обеспечивают лучшую устойчивость к неудачам, а какие вызывают отрицательные последствия.

Для выяснения этих вопросов мы проанализировали большой фактический материал. Были учтены данные выступлений в крупных турнирах и матчах двадцати видных шахматистов прошлого и современности: Ласкера, Капабланки, Шпильмана, Боголюбова, Алехина, Эйве, Флора, Ботвинника, Кереса, Болеславского, Смыслова, Бронштейна, Геллера, Тайманова, Петросяна, Штейна, Ларсена, Таля, Фишера и Карпова.

Всего было рассмотрено 290 турниров и 102 матча, проведенных в период с 1894 по 1977 год. Двадцать гроссмейстеров проиграло в них 1198 партий (проигрыши в последнем туре не учитывались, поскольку за ними следовал перерыв в игре).

Полагаем, что сделанные выборки представительны для анализа отношения этих шахматистов к поражениям, поскольку отражают выступления гроссмейстеров на протяжении длительного периода. С известной оговоркой это соображение может быть отнесено лишь к ре-

зультатам Карпова, поскольку его выступления в крупных соревнованиях начались сравнительно недавно (с 1970 года).

На первом этапе исследования мы ставили две задачи:

1. Обобщить результаты следующих после поражения партий. Особое внимание уделялось случаям нескольких проигрышей подряд.

2. Выявить путем качественного анализа партий содержательную сторону проигранных партий и партий, следующих за поражениями.

На основании проведенного анализа были получены данные, позволившие разделить указанных шахматистов на три группы по эффективности игры после поражений. К первой группе были отнесены шахматисты, набравшие после проигрышей более 60% очков, ко второй — от 50 до 60%, к третьей — менее 50%. Конечно, такое разделение условно, так же как, например, разделение близких по классу шахматистов по системе коэффициентов Эло, но общее представление об относительной успешности игры после поражения оно дает.

В первую группу вошли (в порядке процентных показателей) Карпов, Ласкер, Таль, Петросян и Ботвинник, во вторую — Алехин, Керес, Капабланка, Болеславский, Смыслов, Тайманов, Флор, Бронштейн, Фишер, в третью — Геллер, Боголюбов, Штейн, Ларсен, Эйве, Шпильман.

Заметим, что большинство гроссмейстеров, в общем, успешно переносили поражения. Это объясняется, в частности, тем, что шахматисты очень вы-

сокого класса, как правило, отличаются большой устойчивостью характера.

В свете распространенных в шахматной литературе штампов наиболее интересны данные о Ласкере, Алехине, Петросяне и Фишере. Выяснилось, что «осторожный» Петросян наделен большим самообладанием, чем, например, «напористый» Фишер. В противовес мнению Витязева, Ласкер превосходил Алехина в умении преодолевать последствия поражений.

У многих, вероятно, вызовет удивление сравнительно низкое место Фишера. Дело в том, что нередко смешивают оценку достигнутых успехов в целом и способность реваншироваться за поражения. Но это разные показатели. Фишер в период 1967—1972 годов демонстрировал превосходство над многими соперниками, но по результатам игры после поражений не выделялся из общего уровня. Эта относительная слабость Фишера компенсировалась умелой профилактикой проигрышей. То же можно сказать и о Капабланке.

На этом этапе исследования мы также подробно проанализировали проигранные партии и партии, следующие за ними. Мы стремились выявить характерные ошибки, случаи их повторения, манеру игры после поражений, выбор после проигрыша определенной тактики борьбы.

Полученные данные не являлись самоцелью. На их основе мы попытались, сравнивая последовательно три выделенные группы шахматистов, выяснить следующие вопросы: 1. Насколько эффективной была работа по

исправлению допущенных ошибок? 2. Насколько содержание партий, проведенных после проигрыша, соответствовало стилю игры шахматиста? 3. Какая тактика борьбы избиралась после поражения?

Изучение отношения шахматистов к допущенным ошибкам показало, что представители всех групп сходным образом, и в целом успешно, работали над устранением ошибок более конкретного, игрового характера. Так, например, Бронштейн, обратив внимание на технику эндшпиля, исправил этот недостаток.

Гораздо более пестрая картина наблюдалась по отношению к недостаткам общего порядка, например по отношению к выбору неоправдавшейся тактики борьбы, недостаточному учету психологических особенностей противника и другим.

По этим показателям представители первой группы явно превосходили шахматистов, отнесенных к третьей группе.

Изучение второго вопроса также принесло резко отличающиеся по группам данные. Представители первой группы после проигрыша гораздо чаще проводили партии в привычной для себя манере игры. Ботвинник и Карпов обычно демонстрировали активную и последовательную позиционную игру, направленную на овладение центром, Петросян — тонкое фигурное лавирование, Таль — стремление к таранной атаке пешечного расположения противника.

Негативное влияние поражений было в основном связано с отказом шахматистов от игры в своем стиле, искусственным

изменением творческих позиций. Укажем на неудачное применение Эйве белыми пассивных вариантов против голландской и новоиндийской защит и защиты Нимцовича в 1924—1927 годах, на упорное стремление Кереса противостоять Ботвиннику в позициях, требующих осторожной позиционной защиты, и т. д.

Конечно, стиль игры шахматиста не является неизменным, статичным образованием. Но трансформация стиля совершается постепенно и, как правило, требует длительной подготовки, тщательного самоанализа. Поэтому крутые повороты творческих установок, совершаемые в промежутках между очередными партиями, необоснованны и неоправданны.

Изучение вопроса о выборе тактики борьбы после поражения показало, что большего успеха добивались те шахматисты, которые чаще применяли привычную для себя тактику. Здесь также было заметно преимущество представителей первой группы. Так, например, Таль добивался успеха, без колебаний играя «на выигрыш». Ласкер и Ботвинник гибко варьировали планы: стремясь к выигрышу, они не забывали о необходимой безопасности позиции.

В то же время обычно активно настроенный Эйве продемонстрировал бросающуюся в глаза пассивность и робость на финише матч-реванша с Алехиным (1937). В другую крайность нередко впадал Керес. Укажем на его азартные попытки «отыграться» в 3-й партии матча с Эйве (1940), в партиях с Вересовым (Москва, 1940) и Решевским (матч-турнир на первен-

ство мира, Гаага — Москва, 1948).

Таким образом, эффективность противостояния поражениям зависит прежде всего от способностей шахматиста так регулировать последующую деятельность, чтобы выбираемые цели и средства наиболее полно соответствовали стилю игры и характеру. Оставаться самим собой — правило поведения в подобных ситуациях.

О влиянии выигрыша на шахматиста говорят редко. Но, бесспорно, что и этот результат оказывает заметное воздействие на психику шахматиста. Нежметдинов рассказывал, что после выигрыша он значительно чаще, чем после поражения, проводил ночи без сна. Возбуждение, вызванное победой, создавало в сознании устойчивый образ, освободиться от которого было нелегко. При этом возникали переживания, носящие нереальный, фантастический характер. Казалось, что выигрывающий ход не сделан и партия продолжается.

Все это говорит о том, что выигрыш и, главное, его последствия также заслуживают психологического анализа. Для изучения этого вопроса мы проанализировали результаты следующих после выигрыша партий и содержание этих партий из практики тех же двадцати гроссмейстеров.

Анализ показал, что выигрыш выигрышу рознь. Существенно отличаются, к примеру, выигрыши, достигнутые на старте соревнования, и выигрыши в критические моменты борьбы. Попробуем последовательно рассмотреть эти различия.

Было установлено, что выигрыш на старте соревнования оказывает, как правило, положительное психологическое воздействие. Победа на старте обычно воодушевляет, способствует повышению уверенности шахматиста в своих силах. Статистические данные указывают на то, что шахматисты, добившиеся на старте турнира в первой результативной партии победы, успешно заканчивали соревнование в 55% случаев (при первом поражении — в 45%). Еще более заметно различие в матчах. Здесь одержавшие победу первыми выиграли почти 75% матчей.

Правда, успех на старте держит и потенциальную опасность. У ряда шахматистов, отличавшихся несколько завышенной самооценкой, первый успех часто укреплял необъективную оценку возможностей противников. В частности, Боголюбов, Штейн, Ларсен нередко жестоко расплачивались за самоуспокоение после первых успехов в середине и на финише соревнования. Вспомним выступления Ларсена в межзональных турнирах в Ленинграде (1973) и Риге (1979).

Выигрыш в середине соревнования вызывает, как правило, более противоречивые переживания. Если победа еще не означает достижения желаемого итога и осталось преодолеть определенные трудности, то она часто ведет к появлению двойственного чувства. С одной стороны, кажется, что все благополучно, с другой — возникает остро переживаемое беспокойство, боязнь потерять достигнутое.

Применительно к данной си-

туации мы рассмотрели два вопроса: 1. Насколько содержательны партии, проведенные после выигрыша, соответствовало ли стилю игры шахматиста? 2. Какая тактика борьбы избиралась после выигрыша?

В процессе анализа выяснилось, что успех после выигрыша чаще сопутствовал тем, кто не обольщался достигнутым, а придерживался привычной манеры игры. В этой связи большое впечатление оставила игра Петросяна в 26-м первенстве СССР (Тбилиси, 1959) и в турнире претендентов (Кюрасао, 1962).

Шахматисты, полагавшие, что надо немедленно использовать «счастливый час», и проявлявшие в этот момент агрессивность, несвойственную стилю их игры, обычно терпели фиаско. Укажем на пример Рети (Нью-Йорк, 1924) и Смейкала (межзональный турнир, Ленинград, 1973).

Изучение вопроса о выборе тактики борьбы после выигрыша дало результаты, сходные с выводами, полученными при анализе влияния поражений. Было установлено, что лучше развивали успех те шахматисты, кто чаще применял привычную для себя тактику. Как и после поражений, высоких результатов добивались, например, Таль, без опасений продолжавший смело играть на выигрыш, и Ботвинник, применявший осмотрительный прессинг.

Таким образом, развитие успеха после выигрыша зависит в первую очередь от самообладания шахматиста, способности не поддаваться азарту и придерживаться выработанных творческих и спортивных установок.

Игра на финише

Любое шахматное соревнование можно условно разделить на три периода: старт, середину и финиш. Сравнение очков, набранных шахматистом на старте, в середине и на финише по совокупности турниров и матчей, позволяет получить интересные и практически значимые данные об индивидуальных особенностях распределения сил на протяжении соревновательной дистанции.

Эти вопросы были предметом нашего исследования, проведенного несколько лет назад. На основании анализа собранных данных мы выделили группы шахматистов, наиболее успешно выступавших на старте соревнования, в его середине или на финише. Полученные результаты позволили обосновать некоторые практические рекомендации. Так, например, шахматистам, сравнительно неудачно игравшим на старте, а затем повышавшим результаты, было предложено искусственно продлить период вратываемости, то есть накануне соревнования проводить тренировочные партии, максимально приближенные по условиям игры к турнирным. Данная рекомендация прошла проверку и взята на вооружение шахматистами-практиками и тренерами.

В настоящей работе мы предлагаем подробнее рассмотреть особенности игры в заключительном периоде соревновательного цикла — на финише. Этот период соревнований, пожалуй, наиболее важный и трудный в деятельности шахматистов. Здесь борьба, как правило, осо-

бенно обостряется, резко возрастает напряжение и наиболее отчетливо проявляется тот комплекс личных качеств шахматиста, который можно назвать «искусством завершения».

Исходным пунктом исследования была фиксация положения шахматиста перед финишным отрезком состязания. Здесь учитывались прежде всего место, которое занимал шахматист в турнире, или величина отклонения от пятидесятипроцентного рубежа в матче. Такой подход позволяет более обоснованно судить о достижениях шахматистов на финише, чем способ, основанный на подсчете очков. Количество набранных очков ценно не само по себе, а лишь в сравнении с количеством очков, имеющихся у других участников. Выигрыш у конкурента и у аутсайдера формально дает одинаковый прирост — одно очко, но выигрыш у конкурента фактически имеет двойную цену, поскольку позволяет опередить соперника.

В дальнейшем мы сравнивали положение шахматистов к началу и завершению финишного периода и тем самым судили о степени прогресса или спада результатов на финише.

После обобщения имевшихся материалов (по результатам выступлений двенадцати гроссмейстеров: Ботвинника, Кереса, Болеславского, Смыслова, Бронштейна, Геллера, Тайманова, Петросяна, Штейна, Полугаевского, Талья и Портиша — на финише крупных турниров и матчей) были получены данные, позволявшие разделить перечисленных шахматистов на три группы.

К первой группе относятся шахматисты, которые, как правило, улучшали свое положение на протяжении финишного отрезка соревновательной дистанции. В нее вошли Ботвинник, Керес, Петросян, Полугаевский и Таль.

Вторая группа в целом сохраняла на финише достигнутый ранее уровень. К этой группе мы отнесли Смислова, Bronштейна, Геллера, Тайманова и Штейна. И, наконец, в третью группу вошли шахматисты, которые в большинстве случаев утрачивали на финише завоеванные позиции (Болеславский и Портиш).

Важно уточнить, какие особенности игры и характера шахматистов способствуют успехам на финише. Анализ сыгранных партий и поведения гроссмейстеров позволил высказать соображение о том, что «искусство завершения», в основном, опре-

деляется умением шахматиста сохранить резерв энергии до конца соревнования.

Способность к сохранению такого резерва не столько следствие хорошего состояния здоровья, сколько результат умелого регулирования своих усилий на протяжении соревнования. Многое здесь зависит и от правильного выбора тактики борьбы, которая в наибольшей степени соответствует стилю игры и характеру шахматиста, отвечает требованиям ситуации.

После рассмотрения различных аспектов проблемы тактики борьбы можно сделать вывод о том, что в ситуациях, где выбор тактики жестко не детерминирован внешними условиями и в большей степени зависит от шахматиста, важнейшее значение приобретает искусство самоанализа, умение правильно оценить свои возможности.

Возраст шахматных успехов

Вопрос о возрастных особенностях игры шахматиста имеет важнейшее практическое значение. В продлении своего спортивного долголетия заинтересован каждый шахматист. Но, как известно, одного только желания недостаточно.

Чтобы разумно использовать имеющиеся резервы, сознательно управлять своим творческим развитием, шахматист должен знать о специфических особенностях различных периодов спортивного пути, закономерностях развития шахматных способностей, возможностях противостояния «грузу лет».

Подчеркнем, что проблема возраста шахматных достижений — это не только и не столько биологическая, сколько психологическая проблема. Проведенные исследования показали, что снижение шахматных успехов не является неминуемым следствием солидного возраста. Творческая активность личности, сила характера являются мощными факторами, успешно противостоящими спортивному регрессу в шахматах.

К сожалению, эта проблема изучена еще мало, хотя нельзя сказать, что ей не уделялось внимания. Еще в 1945 году

А. Котов высказал мнение — ныне, пожалуй, наиболее распространенное — о том, что период наивысших успехов шахматиста приходится на возраст от 30 до 45 лет. Но это утверждение не было подкреплено статистическим анализом.

Социолог П. Бутенвиссер пришел к заключению о том, что шахматист сохраняет оптимальную силу игры до 50 лет. Однако этот вывод нельзя признать убедительным, поскольку он был сделан на основании анализа игры шахматистов средней квалификации, к тому же нерегулярно выступавших в соревнованиях.

Серьезное исследование, посвященное зависимости успехов шахматиста от возраста, принадлежит советскому ученому — академику С. Струмилину. В книге «Проблемы экономики труда» (Москва, 1925) он провел статистический анализ результатов 43 матчей (1863—1911) и 34 международных турниров (1890—1914). Участники указанных соревнований были разделены на несколько возрастных групп. Было подсчитано общее число сыгранных партий, а также количество выигранных, ничьих, проигранных, а затем проведено сравнение показателей различных возрастных групп.

С. Струмилину сделал вывод, что наибольших успехов шахматист добивается в 32—33 года, далее наступает существенное снижение результатов, а после 60 лет наблюдается катастрофически резкий спад.

Работа Струмилина представляет несомненный интерес. Однако стоит остановиться на методических принципах его ис-

следований. В основу сравнительного анализа им был взят абсолютный показатель исхода партии — очко, пол-очка, ноль. Этот метод нашел последователь. В частности, на нем базируются современные исследования профессора А. Эло (США) о сравнительной силе отдельных шахматистов.

Бесспорно, баланс набранных очков в известной мере отражает продуктивность труда шахматиста. Но более существенным фактором, характеризующим успех шахматиста, на наш взгляд, являются не сами очки как таковые, а то, как они соотносятся с результатами других участников. Основная цель шахматного состязания состоит прежде всего в стремлении опередить соперников, а количественные показатели имеют при этом хотя и важное, но не главенствующее значение. Представляется поэтому, что более объективно обсуждать и сравнивать успехи шахматистов можно тогда, когда основными критериями оценки будут не абсолютные показатели (количество очков), а относительные (место в турнире, победа или поражение в матче).

Поясним эту мысль на примере. В состязании претендентов на звание чемпиона мира (Югославия, 1959) Керес набрал $18\frac{1}{2}$ очков из 28, то есть 66%, но занял лишь 2-е место и права играть матч с чемпионом мира не получил. В аналогичном турнире (Голландия, 1956) Смыслов с результатом $11\frac{1}{2}$ из 18 (63,8%) был первым и получил право на матч с чемпионом мира. Сравнение этих достижений по методике Струмилина отдает

предпочтение Кересу, а по существу большего успеха добился Смыслов.

Поэтому в настоящей работе места, занятые шахматистами в турнирах, а также общие результаты матчей были приняты в качестве основных критериев при сравнении успехов.

В анализе использован обширный фактический материал. Были рассмотрены итоги турнирных и матчевых выступлений соко известных шахматистов прошлого и современности: Берна, Блэкберна, Чигорина, Гунсберга, Тарраша, Ласкера, Яновского, Тейхмана, Мароци, Пильсбери, Шлехтера, Маршалла, Дураса, Рубинштейна, Шпильмана, Видмара, Тартаковера, Капабланки, Нимцовича, Боголюбова, Левенфиша, Алехина, Романовского, Эйве, Штальберга, Рагозина, Флора, Найдорфа, Толуша, Ботвинника, Лилиентала, Решевского, Элисказеса, Бондаревского, Котова, Сабо, Кереса, Болеславского, Симагина, Фурмана.

Исследование охватило круг шахматистов, родившихся между 1841 и 1920 годами. Всего было учтено 702 выступления этих шахматистов в 192 турнирах за период с 1881 по 1975 год.

Конечно, при анализе результатов матчей занятое место не могло быть использовано в качестве критерия успешности игры. Для оценки продуктивности матчевых выступлений каждого шахматиста мы использовали процентные показатели, достигнутые им в совокупности отдельных партий против соперников определенной квалификации (силы игры). Участники матчей были разделены на квалифи-

кационные группы: 1) чемпионы мира и претенденты; 2) гроссмейстеры; 3) мастера международного класса. Так, например, для оценки результата Рубинштейна в матче с Тейхманом (1908) был учтен средний результат в процентах, показанный Рубинштейном в партиях с гроссмейстерами. Процентные отношения подсчитывались для каждого отдельного периода (старта, оптимума, финиша) в биографии шахматистов. Всего были рассмотрены итоги 180 матчей, сыгранных в период с 1878 по 1968 год.

Важное значение имел вопрос о выборе турниров и матчей. Для статистической обработки нужно было подобрать сопоставимые по силе участников соревнования в биографии каждого из названных шахматистов. Конечно, определение «удельного веса» того или иного соревнования — спорный и сложный вопрос, часто решаемый весьма субъективно. При выборе соревнований мы учитывали сравнительный состав участников, данные общественного мнения, оценки советских и зарубежных специалистов по истории шахмат и проблемам шахматной квалификации.

Была поставлена задача выявить для каждого шахматиста периоды начала его шахматной деятельности (старта), пика его творчества, оптимальных стабильных результатов, второй кульминации и снижения успехов. Сходная периодизация жизненного пути используется в психологических исследованиях многих других видов человеческой деятельности. Поэтому в данной работе представилась

возможность опираться на методику указанных исследований и сравнить возрастные особенности шахматной деятельности с другими областями труда, науки и искусства.

Правда, в психологической литературе, как правило, не используется понятие оптимального периода, а говорят о периоде кульминации. Причем имеют в виду две кульминации достижений: первую — относящуюся к периоду наивысших успехов в зрелости и вторую — проявляющуюся на финише жизненного пути и связанную обычно с кратковременным «взлетом», повторением прежних высоких показателей.

Разделяя понятия оптимального периода и второй кульминации, мы руководствовались результатами анализа шахматных данных. Анализ показал, что расцвет творческой активности шахматиста характеризуется, как правило, долголетним постоянством спортивных достижений, и как по своей продолжительности, так и по значимости он несравним с периодом второй кульминации.

Понятие «оптимальный период» (или оптимум) характеризует время, в течение которого шахматист добивался стабильных и высоких для себя результатов, превышающих показатели других периодов не менее чем на четыре турнирных места в среднем. У каждого из шахматистов был определен также пик его деятельности, то есть отдельное, наиболее высокое достижение на протяжении всей спортивной карьеры.

Финиш анализировался на двух уровнях: а) снижения силы

игры, при котором отклонение от среднего показателя оптимального периода составило 4—5 мест, и б) спада успехов, при котором отклонение от оптимума было более значительным.

К периоду второй кульминации отнесены результаты шахматиста, достигающие среднего уровня оптимума, но показанные им после завершения оптимального периода (вторая кульминация рассматривалась в качестве самостоятельного периода лишь в том случае, если уровень достижений оптимума повторялся после перерыва не менее двух лет, а шахматист в течение этого срока продолжал выступления в соревнованиях).

Считаем необходимым уточнить следующее: при описании периодов спортивных достижений шахматистов выделены турнирные показатели (занятые места). Матчевые результаты также учитывались, но в целях использования единого критерия сравнения они предварительно «сводились» к турнирным.

Значительные трудности возникли в связи с обоснованием понятия старта шахматной деятельности. Этот термин используется специалистами далеко не однозначно. Одни считают стартом ознакомление с правилами игры, другие — первое участие в соревнованиях, третьи — начало серьезных самостоятельных занятий и т. д. А. Ильин-Женевский писал: «...жизнь шахматиста начинается не тогда, когда он узнает ходы фигур, а тогда, когда он серьезно заинтересовывается шахматами».

Это мнение представляется нам логичным. Стартом мы будем называть тот момент, когда

у человека ярко проявляется склонность к шахматам. Выполнение этого требования вызвало, однако, большие трудности в сборе материала. Возникла необходимость разграничения первого знакомства с правилами игры и момента проявления склонности к шахматам.

Изучение биографий видных шахматистов показало, что в большинстве случаев их знакомству с шахматами сопутствовало появление ясно выраженной склонности к шахматной деятельности. Однако в процессе анализа иногда приходилось брать под сомнение свидетельство самих шахматистов. Например, А. Алехин рассказывал: «Я играю с 7-летнего возраста, но серьезно я начал играть с 12 лет». Однако далее, касаясь игры вслепую, он сообщил: «В возрасте около 12 лет я сам пробовал играть не глядя на доску».

Как известно, игра вслепую требует солидной шахматной подготовки. На серьезное отношение Алехина к шахматам еще в возрасте до 12 лет указывают и другие факты: присутствие на выступлениях Пильсбери в Москве (в 10 лет), игра по переписке (с 10 лет).

Приведенный пример показывает, что в каждом отдельном случае выявление истинного начала шахматной деятельности потребовало значительной работы, привлечения широкого круга биографических материалов.

В результате статистического анализа для каждого из сорока шахматистов были получены характеристики по указанным параметрам. В качестве иллюстрации рассмотрим данные о спор-

тивном пути двух гроссмейстеров.

М. Чигорин (1850—1908). Изучено участие в 21 турнире и 14 матчах. Возраст старта — 16 лет. Пик — 39. Оптимальный период — 33—45. Снижение успехов — 46—52. Вторая кульминация — 53. Спад достижений — 54.

В. Рагозин (1908—1962). 17 турниров и 3 матча. Возраст старта — 12 лет. Оптимальный период — 27—31. Пик — 29. Снижение успехов — 32—37. Вторая кульминация — 38—39. Спад достижений — 40.

На основании обобщения собранных данных были получены следующие средние результаты: период оптимальных достижений длился немногим более 10 лет, его границы простирались преимущественно между 30 и 40 годами. Средний возраст пика — 35 лет. Некоторое снижение силы игры шахматистов наблюдалось в большинстве случаев на сорокалетнем рубеже, а особенно заметный спад достижений — после 47 лет.

Интересно сравнить эти данные с возрастными особенностями некоторых других видов деятельности. В хореографии оптимум располагается в среднем между 20 и 25 годами, в поэзии — между 30 и 35 годами, в математике — между 25 и 34 годами, в 35—39 лет у астрономов, позднее 40 лет у философов.

Полученные нами данные о возрастных особенностях развития шахматных достижений отличаются от результатов работ Струмилина и вносят в его выводы определенные коррективы. Безусловно, нельзя согласиться

с ученым в том, что после 33 лет у шахматистов наблюдается значительное снижение успехов. Спад достижений, причем не очень существенный, по нашим данным, относится к более позднему возрасту — 41—43 годам.

Во многих современных научных исследованиях отмечается акселерация умственного и физического развития. Это явление стало особенно заметным в последнее время. Некоторое омоложение возраста успехов наблюдается и в шахматах. Мы условно разделили наш список гроссмейстеров на две возрастные группы. В первую вошли 23 шахматиста, родившихся в прошлом столетии, а во вторую — остальные 17, родившихся в период между 1901 и 1920 годами.

В результате сравнительного анализа выяснилось, что средний возраст пика в первой группе равен 35,6 года, а во второй — 34,2. К оптимальному периоду первая группа подошла в 31 год, а вторая — в 29,5 года.

Тенденция к более раннему достижению стабильных и высоких результатов еще ярче выражена в биографиях наших современников (Петросян, Полугаевский, Таль, Портис, Ларсен, Фишер, Горт, Балашов, Карпов). Пока мы не можем с достаточной определенностью обозначить фазы развития таланта этих шахматистов, поскольку они продолжают активную спортивную деятельность и, вероятно, многие их успехи еще впереди.

Наряду со средними данными большой интерес представляют индивидуальные особенности

спортивного пути видных шахматистов. Различия здесь выражены очень рельефно. Далеко не одинакова, например, продолжительность оптимального периода: почти 30 лет у Ласкера, 20 — у Алехина, 17 — у Ботвинника, 6 — у Рубинштейна, 6 — у Нимцовича, 4 — у Лилянталя.

По-разному у ряда шахматистов соотносились результаты смежных, следующих друг за другом соревнований. Для многих на протяжении всего спортивного пути характерны значительные колебания результатов, частые чередования взлетов и падений. Наиболее заметно это выражено у Яновского, Шпильмана, Рагозина, Толуша, Котова.

Резкие колебания показателей почти не наблюдались у Тарраша, Пильсбери, Мароци, Капабланки, Алехина, Решевского. Особенно обращает на себя внимание постоянство высоких достижений Ласкера и Ботвинника. Это исключительные примеры спортивного долголетия в истории шахмат.

Заметны различия в динамике результатов на подходах к периоду оптимальных достижений. У ряда шахматистов (Чигорин, Маршалл, Дурас, Нимцович) первый крупный успех сопровождался серьезной неудачей в следующем соревновании.

По-разному протекало снижение успехов. Оно было постепенным и не имело резких колебаний, например, у Видмара, а вот Чигорин, Рубинштейн и Рагозин добились ярких взлетов в период второй кульминации.

Изучение индивидуальных особенностей спортивного пути

шахматистов интересно не только само по себе, но имеет большое значение для выявления факторов, позволяющих продлить шахматное долголетие, успешно противостоять влиянию возраста. Сопоставление возрастных показателей с психологическими характеристиками шахматистов, данными об их здоровье, жизненных условиях может помочь выяснению ряда вопросов. Главные среди них следующие: 1. Чем обусловлена длительность оптимального периода? 2. Какова роль возраста начала шахматной деятельности? 3. Каково значение периода второй кульминации?

Факты убедительно доказывают, что спортивное долголетие находится в прямой связи с общей одаренностью мастера, широтой его интеллекта. По-видимому, завидная продолжительность шахматных успехов Ласкера, Тарраша, Алехина, Капабланки, Ботвинника, Видмара, Мароци, Эйве, Левенфиша и ряда других шахматистов объясняется их высокой интеллектуальной тренированностью, умением пользоваться разнообразными методами логического анализа.

Стоит напомнить, что Ласкер и Эйве известны как незаурядные математики, Тарраш — как врач, Видмар и Ботвинник — как ученые в области электротехники, Мароци и Левенфиш — как видные инженеры. По свидетельству современников, высокообразованным, гибким интеллектом обладали Капабланка и Алехин.

Наряду с широтой интеллекта огромное значение имеет общая позиция личности, ее твор-

ческая активность, способность к критической переоценке своих действий. Обратимся снова к примеру Ласкера, Алехина и Ботвинника.

Для Ласкера неутешительными оказались итоги турнира в Гастингсе (1895). Он занял 3-е место, проиграв главным соперникам — Чигорину и Таррашу. Это породило сомнения в праве молодого чемпиона мира считаться сильнейшим. После турнира Ласкер проделал огромную работу по критическому анализу своего творчества. Он понял, что недостаточно учитывал в игре индивидуальные особенности соперников. Уже в следующих турнирах (Петербург, 1895/96 и Нюрнберг, 1896) он продемонстрировал хорошее понимание стилей игры и характеров партнеров. С тех пор психологическая подготовка стала излюбленным «оружием» Ласкера.

В 1921 году Ласкер утратил звание чемпиона мира, проиграв матч Капабланке. Он был уже не молод в свои 53 года. Специалисты были единодушны: вновь Ласкеру не подняться. А он тем временем готовился к новым поединкам, совершенствовал технику игры, которая подвела его в матче с Капабланкой. Самокритичность Ласкера и стремление к самосовершенствованию вновь принесли плоды. Он с блеском играет в Нью-Йорке (1924) и Москве (1925), причем дважды опережает Капабланку.

В 1934 году, после длительного перерыва, Ласкер играет в Цюрихе. Итог посредственный — 5-е место. И он снова в работе, внимательно изучает новые стратегические идеи, тех-

нические приемы. В 1935 году он превосходно выступил на крупнейшем турнире в Москве. «67-летний Ласкер — моральный победитель турнира», — писал Н. Зубарев. «Жизненный путь Ласкера — впечатляющий пример постоянного стремления к самосовершенствованию, творческой активности и самокритичности.

Похож на ласкеровский путь Ботвинника. В 1957 году он проиграл матч Смыслову. А в матч-реванше 1958 года «мир увидел Ботвинника преобразившимся по сравнению с 1957 годом, хорошо подготовленным теоретически, физически и психологически» (В. Батурицкий).

В 1960 году Ботвинник уступил мировое первенство Талю. Но через год, вопреки всеобщим прогнозам, Ботвинник взял убедительный реванш. После поражения Ботвинник пересмотрел некоторые творческие установки. Он даже решил освоить применявшиеся Талем методы психологической подготовки и борьбы в позициях с оживленной фигурной игрой. «Чтобы рассчитывать на успех, мне пришлось записаться к Талю в ученики», — заметил М. Ботвинник.

Труднейшим испытанием для Алехина был период после поражения в матче с Эйве (1935). Многими его проигрыш расценивался как «последний акт» трагедии. Но Алехин мечтал о реванше. Для осуществления этой цели он два года упорно трудился: пересмотрел дебютный репертуар, тщательно проанализировал партии Эйве, резко изменил отношение к здоровью, в частности бросил курить. Как известно, самоотверженный труд

Алехина был вознагражден — он в блестящем стиле выиграл в 1937 году матч-реванш на первенство мира.

Конечно, проблема спортивного долголетия шахматиста зависит от совокупности ряда факторов. Это отмеченные выше психологические аспекты — активная позиция личности, широта и гибкость интеллекта. Бесспорно значение состояния здоровья и жизненных условий. И, по-видимому, определенную роль играет время начала шахматной деятельности.

Для выяснения зависимости между продолжительностью оптимального периода и возрастом в момент старта мы сравнили две группы шахматистов. В первую вошли начавшие играть до 10 лет. Это были Цукерторг, Шпильман, Нимцович, Капабланка, Левенфиш, Алехин, Эйве, Решевский, Бондаревский, Болеславский.

Во вторую группу вошли те, чей старт был позднее 10 лет: Чигорин, Ласкер, Мароци, Пильсбери, Рубинштейн, Видмар, Флор, Ботвинник, Лилиенталь, Котов.

Следует отметить, что обе группы приблизительно равны по успехам их представителей. Поэтому в целом нельзя говорить о преимуществе в таланте какой-либо группы.

Были получены следующие данные: первая группа — средний возраст в момент старта 6,4 года, средняя продолжительность оптимального периода — 15,5 года; вторая группа — средний возраст в момент старта — 14,3, средняя продолжительность оптимального периода — 11,8.

Результаты анализа показывают, что шахматисты, начавшие играть раньше, сумели продлить срок спортивное долголетие. Представители первой группы познакомились с шахматами почти на 8 лет раньше, и оптимальный период их творчества был продолжительнее на 3,7 года. По-видимому, мы вправе предположить, что относительно ранний старт (до 10 лет) создает благоприятные предпосылки для продления активного творческого периода и отдаления момента спада.

Это предположение подтвердили проведенные нами исследования спортивного пути сорока шахматных мастеров. Выяснилось, что мастера, принявшие старт до 10 лет, в среднем сохраняли уровень достижений оптимального периода почти на 4 года дольше.

Рассмотрим проблему второй кульминации. При изучении этого интереснейшего явления в творческой деятельности шахматистов мы ставили задачей выявить объем второй кульминации и интервал между ней и оптимальным периодом. Мы попытались также определить условия возникновения второй кульминации. Читатель сможет в дальнейшем убедиться, что эти вопросы взаимосвязаны с продолжительностью оптимума и временем старта.

Оптимальный период творчества Чигорина относится к 1883—1895 годам (12 лет). В эти годы он добивался высоких и стабильных результатов: 1—2-е места в Нью-Йорке (1889), 2-й приз в Гастингсе (1895), 4-е место в Лондоне (1883), матчи со Стейнцем (1889, 1891, 1892) и

Таррашем (1893). После гастингского турнира 1895 года начинается постепенное снижение успехов Чигорина (Петербург, 1895/96, Нюрнберг, 1896, Вена, 1898, и др.). Хотя невысокие результаты в этих турнирах перемежаются с отдельными достижениями (Будапешт, 1896, Кельн, 1898 и 1899), но в целом неуклонный спад налицо. Об этом свидетельствует и качественный анализ партий Чигорина за этот период.

Так продолжалось до 1903 года, в котором Чигорин вновь добился блестящих результатов. В мае он занимает 1-е место в сильном по составу турнире в Вене, опередив на $1\frac{1}{2}$ очка второго призера — Маршалла, а также Пильсбери, Мароци, Тейхмана, Шлехтера, Гунсберга. В августе Чигорин выигрывает тематический матч у чемпиона мира Ласкера (все партии этого матча игрались гамбитом Райса) и, наконец, в сентябре побеждает в III Всероссийском турнире, оказавшись впереди Бернштейна, Сальве, Рубинштейна. 1903 год стал периодом второй кульминации в творческой биографии великого русского шахматиста. После этой «лебединой песни» его успехи резко пошли на убыль.

У другого выдающегося гроссмейстера — Рубинштейна — оптимальный период относится к 1906—1912 годам. Вторая кульминация наступила через 17 лет. Во второй половине 1929 года он побеждает на турнире в Рогаской-Слатине, а в начале 1930 года берет 3-й приз в очень сильном турнире в Сан-Ремо (к этому следует добавить хорошие результаты на соревнованиях в

Карлсбаде и Будапеште — оба прошли в 1929 году).

Анализ показал, что возрастные границы второй кульминации имеют широкий диапазон. У Чигорина и Мароци она проявилась в возрасте 53 лет, у Рубинштейна — в 47—48, а у Рагозина — в 38—39. В среднем же вторая кульминация приходилась на возраст 44—45 лет.

В результате обработки статистических данных было также установлено, что вторая кульминация представляет собой сравнительно короткий этап в спортивном пути шахматиста. Ее продолжительность составляет в среднем немногим менее одного года. Таким образом, длительность оптимума превышает длительность кульминации в среднем в 10(!) раз.

Интервал между второй кульминацией и оптимальным периодом составляет в среднем 6 лет. После второй кульминации, как правило, наблюдается резкий спад уровня достижений шахматиста. Относительно медленное и постепенное снижение успехов, заметное в интервале между оптимумом и второй кульминацией, теперь сменяется быстрым и ярко выраженным падением практической силы шахматиста.

Сравнительный анализ биографических данных показал, что вторая кульминация в основном была у мастеров, относительно поздно начавших заниматься шахматами (после 11 лет). У шахматистов, стартовавших сравнительно рано (до 9 лет), вторая кульминация обычно не возникала.

Можно сделать вывод, что раннее знакомство с шахматами

не только благотворно влияет на продолжительность оптимального периода, но и способствует более ровному чередованию спортивных результатов на протяжении жизненного пути шахматиста. Стартовавшие позднее, правда, обычно имели период второй кульминации, но этот недолгий взлет не восполнял относительной краткости их оптимального периода. К тому же резкий спад после второй кульминации означал и более быстрое завершение спортивной карьеры этих шахматистов.

Таким образом, спортивный путь шахматиста представляет собой единый, целостный процесс, отдельные этапы которого не протекать изолированно друг от друга. Исследование доказало значимость стартового периода, его определенное влияние на продолжительность и стабильность спортивных достижений.

В чем состоят психологические достоинства раннего старта? Каково его влияние на развитие мышления и характер шахматиста?

Гроссмейстер Р. Рети, характеризуя творчество Х. Р. Капабланки, писал: «С первого же взгляда в стиле игры Капабланки бросается в глаза огромная уверенность — почти полное отсутствие просмотров или ошибок в оценке позиции. Это, без сомнения, связано с тем, что он обучился шахматам еще в раннем детстве. Они стали его «родным языком». Простые позиции, для ориентировки в которых шахматистам, обучившимся шахматам лишь в юношеском возрасте, требуется известное время, для него — нечто само

собой понятное. Любопытно сравнить его в этом отношении с Рубинштейном... Рубинштейн, научившийся играть в шахматы в возрасте 18 лет (по уточненным данным, в 14.— Н. К.), так и не овладел до конца материалом: он от времени до времени всегда делал и продолжает делать грубые ошибки... напоминая этим оратора, который говорит не на родном, а на чужом, лишь в зрелые годы выученном языке и потому при всей глубине своей мысли не всегда находит подходящие, «выигрышные» выражения. Капабланка, напротив, играя в шахматы, говорит на своем родном языке и потому всегда находит для выражения своей мысли правильную форму. Оттого-то он так сравнительно быстро разыгрывает труднейшие положения, редко расходуя весь запас своей умственной энергии и никогда не попадая в цейтнот.

Правила техники для шахмат — то же, что грамматические правила для речи. Но говорящий на родном языке не нуждается в зубрежке грамматики: ему ее заменяет звуковое чутье, сокровищница подсознательного опыта. Так и Капабланка обладает тончайшим шахматным чутьем».

Р. Рети привел ряд интересных замечаний в пользу раннего старта в шахматной деятельности. Наиболее важное из них состоит, по нашему мнению, в указании на роль времени старта для формирования и развития интуитивных форм мышления шахматиста.

Интуитивная ориентировка имеет огромное практическое значение в шахматной борьбе.

Она как бы сигнализирует шахматисту о тех главных особенностях ситуации, тех непосредственных угрозах, без учета которых нельзя приниматься за более углубленный анализ позиции. Неадекватное или недостаточное быстрое ориентирование приводит к тяжелым ошибкам в игре. Причем к ошибкам очевидным (просмотрам в один-два хода), казалось бы необъяснимым для шахматистов высокого класса. Именно на такого рода ошибки Рубинштейна указывал Рети.

Чтобы проверить выводы, сделанные Рети, мы подвергли специальному изучению случаи очевидных просмотров в практике тех сорока гроссмейстеров, биографические данные которых мы рассматривали. Относительная частота ошибок, допущенных отдельным шахматистом, должна была свидетельствовать об уровне развития его интуитивной ориентировки.

Было рассмотрено около 1500 партий, сыгранных в крупных международных и всесоюзных соревнованиях. Количество очевидных просмотров оказалось, в общем, не очень высоким. Просмотры встретились приблизительно в 4% партий.

Однако распределялись эти ошибки весьма неравномерно. У представителей второй группы (то есть у шахматистов, стартовавших после 10 лет) их оказалось вдвое больше, чем у шахматистов первой группы. Известное постоянство тактических ошибок было выявлено у Чигорина, Рубинштейна, Ботвинника, Котова.

Сравнительно реже наблюдались просмотры в творчестве

Блэкберна, Мароци, Пильсбери, Видмара, Флора. Однако во второй группе только о Ласкере можно сказать, что одноходовые просмотры в его игре носили единичный характер и являлись редкими исключениями.

В первой группе положение с ошибками оказалось иным. Лишь единичные просмотры имели место в творчестве Нимцовича, Капабланки, Алехина, Эйве, Бондаревского, Болеславского.

Несколько чаще ошибались Шпильман, Решевский и Керес, но и их «погрешности» почти вдвое уступают среднему показателю просмотров для второй группы.

Таким образом, анализ показал, что шахматисты, познакомившиеся с правилами игры до 10-летнего возраста (первая группа), значительно реже допускали очевидные тактические ошибки. Все это подтверждает предположение, что время старта, в частности относительно раннее начало шахматной деятельности, имеет определенное значение в формировании и развитии интуитивной оценки позиции и техники расчета.

Это заключение весьма существенно для обсуждаемого вопроса. Дело в том, что многие шахматные авторитеты (М. Ботвинник, Ю. Авербах, А. Котов) утверждают, что в развитии мышления шахматистов имеется определенная тенденция к снижению после 40 лет способностей к учету конкретных фактов и расчету вариантов. Если это так (а многочисленные факты подтверждают данное мнение), то высказанные выше соображения о значении раннего старта для

развития интуитивных форм мышления и техники расчета' позволят объяснить влияние времени старта на продолжительность оптимального периода.

Высказывается мнение о том, что развитие интуиции шахматиста выражается также в экономичности мыслительной деятельности, быстроте и «легкости» игры. Чтобы собрать фактические данные, мы провели анкетный опрос среди участников Спартакиады народов РСФСР (Ленинград, 1967). В анкете содержались вопросы о старте шахматной деятельности и частоте (высокой, средней, низкой) попадания в цейтнот. Высокая частота означала, что цейтнот возникал более чем в 50% играных партий, средняя — от 25 до 50%, низкая — менее чем в 25% от числа партий.

Всего было получено 103 ответа. Для данного исследования были отобраны те, которые дали шахматисты в возрасте от 30 до 40 лет (оптимальный период). Тем самым мы стремились изучить особенности проявления цейтнотных ситуаций в момент наивысшего развития творческих способностей шахматиста, чтобы исключить влияние чрезмерного старания или недостатка опыта на возникновение цейтнота. Рассмотрим полученные данные.

Результаты анкеты показывают, что участники Спартакиады народов РСФСР, начавшие играть до 10,5 года, оказались значительно менее подверженными цейтнотам, чем шахматисты, стартовавшие позднее.

Конечно, было бы неправильным видеть в раннем старте гарантию, которая автоматически

		Частота цейтнотов		
		высокая	средняя	низкая
До 10,5 года	10	—	2	8
После 10,5 года	24	4	12	8

обеспечивает шахматисту высокое развитие способностей. Как сложится спортивный и творческий путь шахматиста, зависит от многих факторов. Большое значение имеют физическая подготовка, состояние нервной системы. Как мы отмечали, из-за сильного нервно-психического напряжения, вызываемого игрой, нежелательно до 10-летнего возраста участие в ответственных соревнованиях.

Решающая роль в становлении шахматиста и продолжительности спортивного пути играет его личностная позиция, творческая активность и правильная оценка своих и чужих достижений. При ошибках в воспитании ранний старт может стать причиной возникновения отрицательных качеств. Так, например, П. Керес, характеризуя С. Решевского, справедливо отметил: «Привыкши еще с детства... к чувству превосходства над противником, Решевский, по всей видимости, затаил это чувство и по сей день. Похоже на то, что он всегда стремится поставить противника перед разрешением каких-то задач и по своему усмотрению направлять ход событий. Однако позиция не всегда допускает подобную тактику».

Большое значение имеет вопрос о частоте турнирных выступлений в зависимости от воз-

раста. Изучение биографий видных шахматистов прошлого и современности показало, что в оптимальный период число партий за год составляет в среднем около 40. Отметим, однако, что гроссмейстеры более поздних поколений в связи с повышением интенсивности шахматной жизни выступают в соревнованиях чаще. Средняя норма для них — 45 партий в год.

Приведем несколько примеров среднего количества партий за год: Чигорин — около 40 партий, Капабланка — 25, Алехин — 47, Ботвинник — 26, Решевский — 29, Керес — 45. Правда, распределение по годам не всегда и не у всех было равномерным. Так, Фишер за период с 1958 по 1971 год сыграл следующее количество партий (в хронологическом порядке по годам): 37, 80, 68, 41, 68, 26, 11, 32, 35, 47, 26, 1, 73, 21.

Итак, многие видные шахматисты в наиболее активный и успешный период своей спортивной деятельности играли в среднем 40—45 партий в год. Отклонения от среднего уровня в отдельные годы, как правило, не превышали 10—15 партий (спортивный путь Фишера представляет в этом плане исключение). Следовательно, в год игралось 30—60 партий.

Можно ли считать такое количество партий оптимальным

для шахматиста, находящегося в периоде творческого расцвета? Однозначный ответ, по-видимому, исключен. Имеются значительные индивидуальные различия в понимании того, сколько нужно играть.

Б. Ларсен писал: «Сколько партий можно сыграть за год «в полную силу» — дело сугубо индивидуальное. Для себя самого я считаю максимальной цифру 80...» Е. Геллер и С. Глигорич также утверждали, что для них полезны частые выступления. М. Ботвинник придерживался, как известно, иной точки зрения и в годы расцвета играл лишь по 20—30 партий в год. Следовательно, обязательного правила нет — шахматист должен сам попытаться определить объем нагрузки. Но о средней цифре (40—45 партий в год) все же не следует забывать.

Заметим, что в оптимальный период с определением нагрузки дело обстоит сравнительно проще: результаты в известной степени сами регулируют частоту выступлений шахматиста.

Труднее определить объем нагрузки в период снижения достижений. Обычно в это время большинство шахматистов сокращают количество выступлений. С одной стороны, это объясняется тем, что число интерес-

ных турниров неизбежно уменьшается, с другой — невольными мыслями о возрасте.

Конечно, невозможно предложить универсальный рецепт. Но нам представляется целесообразным рекомендовать шахматисту, почувствовавшему, что успехи начинают сокращаться, играть чаще (естественно, при удовлетворительном состоянии здоровья). Этот совет основан на учете того, что после 40 лет в первую очередь снижаются способности шахматиста к вариантному расчету. Лучшая профилактика здесь — практические выступления. Укажем в этой связи на положительный опыт Решевского, Геллера, Глигорича, Фурмана, Нежметдинова.

По-видимому, нынешняя средняя граница оптимального периода (40 лет) не является пределом и может быть расширена. Б. Ананьев писал: «Мы не можем считать все потенциалы личности «исчерпанными» в процессе старения... Поэтому в ближайшем будущем человечество, надо полагать, найдет более рациональные способы использования этих потенциалов в такие моменты жизненного пути, которые в наибольшей степени характеризуются накоплением жизненного опыта».

Психологическая инициатива

Что такое психологическая инициатива

До сих пор, рассматривая различные вопросы психологии шахматного творчества, мы чаще проводили анализ с позиции

одного из партнеров. Однако в шахматы играют двое. Участники взаимодействуют друг с другом, поэтому необходимо выявить психологическую специфику этого взаимодействия.

А. Алехин, правда, сетовал:

«Я был бы счастлив творить совсем один, без необходимости, как это случается в партии, сообразовывать свои планы с планом противника... Ах, этот противник, этот навязанный вам сотрудник!.. Какое страдание (неведомое ни в какой другой области искусства или науки) чувствовать, что ваша мысль, ваша фантазия неотвратимо скованы, в силу самой природы вещей, мыслью и фантазией другого... всегда глубоко различными от ваших!»

Неудовольствие Алехина можно понять: соперник не только не сотрудничает с другой стороной, но, напротив, с максимальным усердием стремится разрушить ее замыслы, в том числе и наиболее оригинальные. Однако суть дела от этого не меняется: несмотря на то что противники в шахматной партии имеют разные интересы и стремятся осуществить диаметрально противоположные цели, взаимозависимый характер их деятельности бесспорен.

Взаимодействуя на полях шахматной доски, партнеры одновременно психологически воздействуют друг на друга, оказывая определенные влияния. Причем эти влияния вследствие индивидуальных различий в характере, стиле игры и подготовленности, а также вследствие особенностей ситуации, содержащей, как правило, неодинаковые возможности для достижения каждым из соперников своих целей, не могут быть равноценными.

Для понимания сущности межличностных взаимоотношений в процессе борьбы важно учитывать следующее положение,

выдвинутое Ф. Энгельсом: «...полное равенство двух волей существует лишь до тех пор, пока обе эти воли ничего не желают, но как только они перестают быть абстрактными человеческими волями и превращаются в действительные индивидуальные воли, в воли двух действительных людей,— равенство тотчас же прекращается»*.

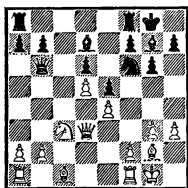
Сторона, добившаяся большего влияния, неизбежно в той или иной мере подчиняет другую, заставляя ее следовать намерениям противника. А. Котов образно описал влияние Р. Фишера на партнеров: «Факт сильного воздействия личности Фишера на противников бесспорен. Я внимательно наблюдал в Ванкувере за игрой Тайманова и Фишера. Сам я всю жизнь отличался даже чрезмерной шахматной храбростью (которая часто мне мешала), мне не был страшен никто... Но, честное слово, если бы мне пришлось играть против Фишера, я, вероятно, также ступешался бы. Это неотрывно висящее над шахматной доской лицо фанатика, горящие глаза, отрешенность от внешнего мира. Эти длинные пальцы, снимающие с доски твои пешки и фигуры... И противники Фишера теряют над собой контроль».

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 104.

Ботвинник

Таль

Матч на первенство мира,
Москва, 1960

Эта позиция возникла в 6-й партии матча после 14-го хода белых. М. Таль писал: «Критическое положение. Черные здесь долго выбирали... Душа их лежала к прорыву f5... Черные решили пока вести игру на ферзевом фланге и затем, усыпив бдительность партнера, в удобный момент реализовать f7—f5. Должен признаться, что уже в это время мною овладела идея жертвы коня на f4, которая, правда, была еще подернута дымкой. Черные пошли на с8 именно королевской ладьей, чтобы, во-первых, оставить под защитой пешку a7, а во-вторых, показать белым, что они и не думают о королевском фланге».

Приведем дальше несколько ходов с комментариями Талья: 14. . . Lfс8 15. Lb1 («Белые верят противнику на слово и тоже сосредоточивают игру на ферзевом фланге») 15. . . Kh5 16. Ce3 Фb4 17. Фс2 Лс4 18. Lfс1 («Полностью доверяя партнеру») 18. . . Лас8 19. Kph2 («Очевидно, М. Ботвинник полагал, что ему абсолютно ничего не угрожает») 19. . . f5! 20. ef C : f5 21. La1 Kf4!?

Как можно убедиться, на 19—21-м ходах Таль осуществил давно задуманный прорыв на

королевском фланге. Это оказалось неожиданностью для партнера. Застигнутый врасплох, он в дальнейшем защищался не лучшим образом и потерпел поражение.

Успех черных в этой партии во многом можно объяснить тем, что им удалось оказать на противника более сильное психологическое воздействие и в известной мере подчинить его своему влиянию, заставить поверить, что основные события будут развиваться на ферзевом фланге.

Казалось бы, подобной покорности трудно было ожидать от Ботвинника, обычно отличавшегося сильной, независимой волей. Но факт остается фактом. В данном случае Ботвинник оказался ведомым и его действия в определенной степени направлялись соперником.

Итак, в процессе игрового взаимодействия шахматистов между ними возникают определенные отношения по принципу господства и подчинения. Обозначим это явление термином «психологическая инициатива».

Владение психологической инициативой предполагает большую уверенность, самостоятельность и активность в действиях. При отсутствии инициативы способность к самостоятельным действиям ограничена, шахматист испытывает состояние неуверенности и, как правило, бывает недостаточно критичным в оценке хода игры. Фактически он уступает руль борьбы сопернику. Следовательно, овладение психологической инициативой — важное условие достижения успеха в борьбе.

Рассмотрим подробнее явление психологической инициати-

вы. Обсудим при этом следующие вопросы: 1. Какими средствами реализуется психологическое влияние соперников друг на друга? 2. Каковы характерные особенности проявления психологической инициативы? 3. Какие меры полезны в борьбе за овладение психологической инициативой?

Обращаясь к первому вопросу, подчеркнем, что главным средством психологического влияния являются, конечно, ходы на шахматной доске. Достоинства ходов, объективное значение событий, происходящих на доске,— все это, несомненно, важнейшие факторы воздействия на психологическое состояние противника. Можно считать себя намного сильнее, чем партнер, но если тот добился ясного перевеса, мысли о собственном превосходстве (хотя бы в данной партии) поневоле пропадают.

Известно, однако, что в практической игре шахматист часто имеет дело с позициями неопределенного характера, в которых невозможно точно оценить перспективы борьбы. В подобных случаях шахматист сознательно или стихийно пытается компенсировать неизбежный дефицит информации об объективных особенностях ситуации получением сведений об отношении противника к положению на доске (нравится ли оно ему или нет, уверен ли он в проводимом плане и т. д.) и анализом данных о потенциальных возможностях противника.

Эти сведения шахматист получает благодаря наблюдению за поведением соперника, темпом его игры, а также из представлений о стиле партнера, из

учета особенностей турнирного положения. Все эти разнообразные данные оцениваются шахматистом и оказывают на него определенное влияние.¹

Воздействующую роль поведения иллюстрирует эпизод из партии Фишер — Таль (турнир претендентов, Югославия, 1959). Близился финиш. Таль на очко опережал ближайшего преследователя — Кереса. Играя с Фишером, Таль попал под сильную атаку, и его положение стало критическим.

В этот момент юный Фишер записал намеченный ход (сильнейший в данной позиции) и чуть ли не подсунил бланк сопернику. М. Таль рассказывал: «Прочит визу», — подумал я. Но как реагировать? Нахмуриться — нельзя, улыбнуться — может расшифровать. И я сделал единственное: встал и спокойно начал прогуливаться по сцене».

Р. Фишера поразило невозмутимое и уверенное поведение противника. Он разволновался, начал сомневаться в правильности намеченного плана. А затем сделал другой, более слабый ход, вскоре допустил еще один серьезный промах и в результате проиграл эту партию.

Определенное влияние оказывает и темп игры. Как мы уже отмечали, шахматисты обычно внимательно следят за балансом израсходованного на обдумывание времени. Аргументируя мотивы своих действий в партии с М. Таймановым (Гавана, 1967), Б. Ларсен писал: «Белые предлагают ничью! Но у них осталось всего две минуты, а у меня двадцать!»

Часто также сопоставляются время, затраченное на обдумы-

вание хода, и сложность позиции. Если позиция представляется простой, а соперник долго думает, то это обычно настораживает. Быстрая игра противника вообще, а в сложном положении в особенности обычно принимается как свидетельство его уверенности. Конечно, здесь, как и в других случаях воздействия косвенными средствами, полученные сведения, как правило, не рассматриваются в качестве достаточных и сопоставляются с действиями, которые соперник осуществляет на доске.

Большой силой воздействия обладает сложившееся мнение относительно класса игры соперника. Высокий авторитет шахматиста нередко обескураживающе действует на его партнеров. Алехин, например, заметил, что партнеры Капабланки на турнире в Нью-Йорке (1927) играли против него слабее обычного, так как не могли поверить в возможность выигрыша у тогдашнего чемпиона мира.

Наряду с ореолом, созданным авторитетом, часто встречается обратное явление, когда распространенное и невысокое мнение о силе предстоящего соперника приводит к его недооценке.

Вместе с обобщенными данными об уровне мастерства противника определенное влияние оказывает информация о достоинствах и недостатках стиля его игры, излюбленных приемах борьбы, обычно применяемых дебютах. Так, например, в 20-е годы многие избегали блокадных позиций, играя против Нимцовича, а в более позднее время отказывались от перехода в эндшпиль со Смысловым и от

применения черными старинной защиты против Петросяна.

Немалую воздействующую силу имеет также турнирное или матчевое положение соперников. Обычно здесь действует правило: большее количество очков обеспечивает большее влияние. Особенно часто это правило оказывается справедливым по отношению к матчевым поединкам. Достаточно вспомнить, что более чем в 100 крупнейших в истории шахмат матчах (из 125) конечную победу одержали те, кому первым удалось выиграть партию.

Однако приведенное правило не столь надежно для объяснения турнирных ситуаций (особенно на финише). Укажем на распространенный случай: в последнем туре одному из соперников (чаще тому, кто имеет меньше очков) необходима только победа, другого устраивает ничья. При подобных обстоятельствах понимание того, что терять нечего, приобрести же можно многое, нередко раскрепощает одного, а мысли о возможности удовлетвориться компромиссом часто снижают волевой потенциал другого.

Конечно, средства реализации психологического влияния шахматистов друг на друга не исчерпываются перечисленными. Известное психологическое воздействие оказывают возрастные различия, турнирный стаж, длительность перерыва между выступлениями в соревнованиях, принадлежность к определенной творческому содружеству, подверженность шахматной моде и многие другие факторы. Каждый конкретный случай

овладения психологической инициативой может быть вызван разнообразными причинами.

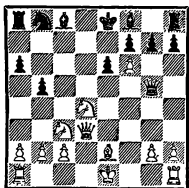
Каковы же характерные особенности проявления психологической инициативы? Они различны по продолжительности и интенсивности, в связи с чем мы разделяем неустойчивую и устойчивую формы психологической инициативы.

Неустойчивая инициатива отличается непродолжительностью функционирования и сравнительно частыми переходами из рук в руки. Установления стабильного характера взаимоотношений по принципу «господство — подчинение» здесь не наблюдается. Участники борьбы часто меняют представления о собственной значимости в данном противоборстве. Психологическая инициатива подобного рода, как правило, связана с решением относительно частных задач. Оказываемые воздействия в отдельных случаях могут вызывать очень сильные, но не длительные переживания.

При неустойчивой форме психологической инициативы заметно возрастает значение факторов непостоянного, временного характера (наличие цейтнота, тактических угроз).

Бронштейн Полугаевский

28-е первенство СССР,
Москва, 1961

Л. Полугаевский так описывает ход борьбы в этой партии: «Быстро разыграв вступление, Бронштейн задумался секунд на 30—40, лукаво взглянул на меня и медленно передвинул ферзя на d3. Затем он встал из-за стола, и весь его вид говорил: «Ну, а теперь вот попробуй разберись!» Бронштейн попал в точку! Сколько ни анализировал я прежде, ход 12. Фd3 каким-то чудом ни разу не попал в орбиту поиска... Я сразу понял, что пойман».

Однако Полугаевскому, пережившему, по его словам, несколько минут сомнений и растерянности, удалось найти остроумную защиту. Последовало 12. . .Фh4+ 13. g3 Ф : f6 14. Фе4 Лa7 15. Лf1 Фg6 16. Фf4 Kd7 17. Kc6 e5! 18. K : e5 K : e5 19. Ф : e5+ Фе6 20. Ф : e6+ C : e6, и черные добились лучшего эндшпиля. Любопытно, что вскоре обеспокоенный вид имел уже Бронштейн.

В рассматриваемом эпизоде нетрудно заметить, как быстро менялось представление соперников о том, кто из них диктует развитие событий.

Для изучения психологической инициативы полезно анализировать партии, прокомментированные обоими участниками борьбы независимо друг от друга. Подобный вид комментариев встречается редко (обычно автором бывает один шахматист), но он содержит гораздо более ценный психологический материал, ибо достовернее позволяет судить о взаимоотношениях соперников в процессе борьбы. Мы проанализировали 60 подобных «двойных» комментариев. Среди них наиболее интересными

Оказались партии, сыгранные в так называемом Матче века (Белград, 1970), в котором встречались сборные команды СССР и «остального» мира.

Кроме того, по нашей просьбе участники ряда всесоюзных и республиканских турниров (1970—1977) после окончания партии отмечали на бланках периоды, когда они испытывали состояние уверенности и неуверенности. Показания партнеров сравнивались (всего было рассмотрено 120 партий). Полученные данные сопоставлялись с анализами этих партий, использовались также наблюдения и хронометраж.

Возвращаясь к неустойчивым проявлениям психологической инициативы, скажем, что эта форма инициативы оказалась, согласно результатам исследования, наиболее распространенной. В 80% рассмотренных партий психологическая инициатива переходила из рук в руки от двух до шести раз. С учетом этих данных было решено считать неустойчивой такую инициативу, которая переходила из рук в руки в течение одной партии не менее двух раз. При меньшем количестве колебаний можно было уже говорить об устойчивой психологической инициативе. Особенно интересными для анализа были факты продолжающегося влияния одного шахматиста на другого на протяжении нескольких партий между ними, что встречается не очень часто (мы зафиксировали 35 таких случаев в 180 рассмотренных партиях).

Наиболее устойчивые формы психологической инициативы ярко выражены в так называемом

парадоксе «трудного противника». Этот парадокс состоит в том, что в состязании двух примерно равных по силе соперников один систематически выигрывает у другого. Образуются своеобразные пары соперников, результаты игры которых между собой, казалось бы, противоречат здравому смыслу.

Так, например, Фишер выиграл у Ларсена и Тайманова (1971) матчи с одинаковым счетом — 6 0, Ласкер у Яновского (1910) — с результатом 8 0 при трех ничьих, Тарраш у Маршалла (1905) — 8 : 1 при восьми ничьих и т. д. При всем уважении к победителям нельзя признать, что эти результаты отражали реальное соотношение сил. Известно, что Керес регулярно проигрывал Ботвиннику, Глигорич — Штейну, Котов — Болеславному. Эти и аналогичные случаи стали предметом нашего анализа.

Профессор В. Малкин писал: «Психологическое воздействие между шахматистами как бы нарушает закон формальной логики Аристотеля. Если $A > B$, а $B = C$, то $A > C$. В шахматах эта логика не действует. Если Штейн всегда выигрывает у Крогиуса, а Крогиус у Васюкова, то это не значит, что Штейн всегда выигрывает у Васюкова. Почему же все-таки есть шахматисты, в личных встречах которых всегда имеется мало объяснимых, но относительно постоянный результат?.. Мне думается, когда один шахматист проиграл две партии другому, то у него возникает состояние неуверенности в собственных силах, появляется недоверие к

самому себе. Обратите внимание на то, как играл Керес с Ботвинником (до 1955 года). Можно только удивляться, как шахматист такого высокого класса так слабо проводил все свои встречи с Ботвинником. Это, несомненно, потому, что у Кереса возникло состояние неуверенности, сомнение в своих силах».

Конечно, Малкин прав в том, что поражения в нескольких партиях влияют на состояние шахматиста. Но, как показывают данные наших исследований, сами по себе успехи или неудачи в первых встречах не играют определяющей роли в установлении устойчивых и однозначных взаимоотношений между соперниками. Например, Шнильман, проиграв Маршаллу две первые турнирные партии, взял реванш в третьей. В дальнейшем борьба между ними проходила с переменным успехом. Боголюбов, выиграв дважды у Рубинштейна, проиграл три последующие партии. Число подобных примеров нетрудно увеличить.

Тщательное исследование этого вопроса посредством анализа шахматных партий, изучения комментариев к ним, материалов наблюдений и опросов позволило прийти к заключению о том, что отнюдь не формальный результат партии, а в первую очередь творческое и психологическое содержание борьбы предрасполагает к овладению одним из соперников устойчивой инициативой во взаимоотношениях.

Завоевание такой инициативы в первую очередь можно объяснить проникательностью шахматиста, его умением обна-

ружить у противника слабость, расцениваемую тем как силу. В частности, вышеупомянутый характер спортивных отношений между Ботвинником и Кересом возник после их партии, сыгранной в соревновании на звание абсолютного чемпиона СССР (1941). В глазах общественного мнения оба шахматиста тогда были главными претендентами на титул чемпиона мира. Поэтому к встречам между собой они относились с особой ответственностью.

Психологический резонанс этой партии состоял не только в том, что Керес проиграл, но и в том, как он проиграл. В те годы Керес особенно высоко оценивал свое умение разыгрывать позиции с открытым центром. Ботвинник тонко подметил этот нюанс и в одном из дебютов, отличающихся подобным характером борьбы, подготовил новый план контригры за черных. Встретившись за доской с неожиданностью, Керес растерялся и быстро проиграл. Психологические последствия этого поражения оказались особенно тяжелыми потому, что удар был нанесен по самой сильной, как представлялось Кересу, стороне его творчества.

Позволю себе поделиться воспоминаниями о своей первой партии со Штейном (1960). Возникла позиция, которую я заранее рассматривал при домашней подготовке и категорически оценивал как благоприятную для черных. Штейн, однако, нашел новое, неожиданное для меня продолжение и в хорошем стиле выиграл партию. Это был очень болезненный проигрыш (отразившийся на последующих

встречах с тем же противником), поскольку были быстро и убедительно дискредитированы мои многодневные анализы.

Можно заключить, что возникновение устойчивой психологической инициативы связано не столько с количеством проигрышей тому или иному шахматисту, сколько с содержательной стороной этих поражений. Если терпят фиаско те стороны стиля игры и поведения, которые оценивались шахматистом как наиболее сильные у себя, то психологический резонанс поражения особенно велик. В подобных случаях под сомнение берется наиболее интимное и значимое образование внутреннего мира человека — его самооценка.

Интенсивность и продолжительность влияния на соперника возрастают, если он не критично оценивает причины неуспеха. «Проигрыш противника еще полдела, гораздо важнее, чтобы он не понял, почему проиграл», — говорил гроссмейстер В. Симагин: Так, Боголюбов был весьма высокого мнения о технике своей игры, умении разыгрывать так называемые простые позиции. На самом деле его оценка была неадекватной. Указанным обстоятельством тонко пользовался Ласкер, создавая в партиях с Боголюбовым позиции соответствующего содержания. Партии между ними проходили под знаком явного психологического (и игрового) преимущества Ласкера. Целый ряд неудач Кереса в партиях с Ботвинником и автора этих строк в игре против Штейна во многом был обусловлен не критическим отношением

к первым неудачам, неумением в тот момент объективно разобрататься в подлинной причине проигрыша.

Борьба за психологическую инициативу

Психологическая инициатива всегда опирается на реальные события в партии, она является результатом активных действий шахматиста. За инициативу надо бороться.

Поучительным был психологический фон важной партии Геллер — Фишер, сыгранной в межзональном турнире (Пальма-де-Майорка, 1970). Гроссмейстер Э. Гуфельд, тренер Е. Геллера, рассказал: «Перед игрой оба соперника испытывали неуверенность — Фишер потому, что до этого неоднократно проигрывал Геллеру, а Геллер высоко оценивал шахматный авторитет соперника. К тому же Геллер лидировал в турнире, а поражение передавало 1-е место Фишеру. В общем, соперники расценивали возможную ничью как благоприятный для себя результат, хотя каждый не знал точно о состоянии и намерениях другого. И вот партия началась. На 5-м ходу Фишер избрал вариант, пользующийся репутацией ничейного.

В этот момент Геллер допустил невольный, но серьезный психологический промах. Ему представилось, что желанная цель близка, и у него вырвался возглас: «Ничья?!» Обеспокоенный до этого момента Фишер мгновенно преобразился. Он уверенно ответил: «Нет!» Взгляд потерял выражение озабоченности. А на доске он сразу же

перешел к активным действиям — не очень опасным для противника, но все же требовавшим от того известной осмотрительности. Геллер же совсем расстроился. Через несколько ходов он зевнул пешку и в конце концов потерпел поражение».

В этом эпизоде впечатляет поведение Фишера после выказанной Геллером неуверенности: он немедленно перешел в наступление, проявив активность и решительность как на шахматной доске, так и в поведении. «Если бы Фишер, даже отказавшись от ничьей, так быстро бы не преобразился, я не получил бы в дальнейшем трудную позицию», — говорил Геллер позднее.

Завоевание и удержание психологической инициативы — это всегда борьба с волей соперника. Борьба, в которой промедления и уступки одной стороны неизбежно переходят в достижения другой. В этой связи небезынтересны для шахматистов мысли, высказанные специалистом в области военной психологии М. Кампеано: «Рокковым образом инициатива одной армии растет прямо пропорционально пассивности другой. Полутно, с одной стороны, увеличивается доверие к себе, с другой — недоверие».

Борьба за психологическую инициативу имеет множество разновидностей, в которых в зависимости от конкретных условий борьбы с разной значимостью выступают различные ситуативные и личностные факторы. Однако, как нам представляется, все же можно и нужно выделить основные общие правила борьбы за овладение пси-

хологической инициативой. Сформулированные нами основные правила являются руководящими требованиями к ведению психологической борьбы применительно к условиям шахматной деятельности: 1) маскировка собственных намерений и дезинформация противника; 2) создание для противника максимальных трудностей.

Некоторые исследователи психологии межличностного конфликта выделяют внезапность в качестве главного условия достижения успеха в борьбе. Однако здесь мы не причислили внезапность к основным правилам. Внезапность в шахматах является не руководящим требованием к ведению психологической борьбы, а возможным следствием умелого создания трудностей противнику и хорошей маскировки.

Правила маскировки и создания максимальных трудностей тесно взаимосвязаны между собой. Удачная маскировка затрудняет другой стороне поиски верного решения. В свою очередь, появление у шахматиста трудностей с нахождением решения облегчает проведение против него маскировочных акций. Например, часто прибегают к следующему приему: основываясь на знании недостатков стиля противника, ставят перед ним субъективно трудные задачи, а затем, воспользовавшись возникшей неуверенностью, проводят скрытую подготовку решающего наступления.

Рассмотрим подробнее указанные правила. Говоря о маскировке, подчеркнем, что это всегда не только дезинформация о собственных замыслах,

но и неизбежное воздействие на противника, при котором он как бы провоцируется на невыгодные для него действия.

В результате проведенного анализа мы выделили различные виды маскировки, встречающиеся в шахматной игре. Они различаются по содержанию — маскировка в поведении и в действиях на доске, по уровню активности — активная и относительно пассивная, по масштабу скрываемых целей — стратегическая и тактическая.

Маскировка в действиях на доске, как правило, рассчитана на то, что противник удовлетворится явным, очевидным смыслом хода (или маневра), а скрытые возможности позиции рассматривать не будет. Эффективность маскировки зависит от выбора действий, используемых для дезинформации противника. Эти действия на доске должны удовлетворять следующим условиям: а) быть объективно обоснованными; б) быть правдоподобными, то есть соответствовать логике развития игры; в) обладать надежностью, то есть при раскрытии противником их истинного смысла он не должен добиться больших выгод, чем при реализации других разумных продолжений; г) иметь индивидуальную направленность, то есть основываться на понимании сильных и слабых сторон стиля игры и характера противника.

Игнорирование этих условий, как правило, не позволяет добиться желаемого результата. Особенно опасно игнорировать требования объективной обоснованности и надежности маскировочных действий. Так назы-

ваемая ловушечная тактика, проводящаяся вопреки объективным условиям и рассчитанная лишь на промах противника, чаще всего терпит крах. Применение «ловушечной тактики» — пример неправомерного противопоставления объективной и субъективной сторон деятельности, чрезмерного преувеличения роли субъективного фактора.

Маскировка в поведении чаще всего выражается в мимике, жестах, а также в высказываниях шахматиста. Искусно имитируемые состояния подавленности, внешней сдержанности или оптимизма являются действительными средствами дезинформации противника, особенно в наиболее напряженные моменты борьбы. Маскировка подобного рода рассчитана на создание у противника неверного представления об эмоциональном состоянии партнера, его отношении (положительном или отрицательном) к развитию борьбы.

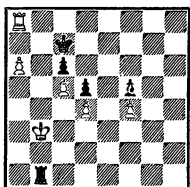
Наибольший эффект дает согласованная маскировка в действиях на доске и поведении. Так, например, Б. Ларсену часто удачно удавалось сопровождать видимые цели своих маневров на доске соответствующими нюансами поведения. Нередко демонстрируемая им непоколебимая внешняя уверенность в сочетании с изобретательностью игровых замыслов заставляли соперников верить ему «на слово» и ограничиваться поверхностным анализом ситуации.

Таким образом, соответствующее поведение выполняет функцию подкрепления дезин-

формации, передаваемой действиями на доске. Хорошей иллюстрацией является фрагмент из 20-й партии матч-реванша на первенство мира 1961 года.

Таль Ботвинник

Матч-реванш на первенство мира,
Москва, 1961

В этом положении партия была отложена. При домашнем анализе черные нашли скрытую возможность борьбы за ничью. «К тому же,— пишет М. Ботвинник,— у меня созрел чисто практический план маскировки... По дороге в Театр эстрады я себя уверял, что партия проиграна — надо было иметь по возможности мрачный вид... Наконец, в театре я «признался» работникам сцены, что больше пяти ходов вряд ли продержусь. Следует добавить, что на догрывание не был взят и традиционный термос с кофе. А это — самое веское доказательство того, что игра будет короткой».

В партии последовало 89. Кра2 Лб5 90. а7 Ла5+ 91. Крб3 Крб7 92. Лf8. Кажется, что партия окончена. Однако при домашнем анализе Ботвинник нашел неожиданный ресурс, включающийся в маневре 92. .Лб5+ 93. Крс3 Ла5 с шансами на ничью. Казалось бы, маневрывает другое отступление

короля — 93. Кра4, но здесь черные обнаружили этудную возможность: 93. .Кр : а7 94. Л : f5 Лб1 95. Лf7+ Кра6 96. Лс7 Лб4+! 97. Кр b4 — пат. Итак, предстояло «заставить» белых сделать ход, сразу ведущий к ничьей.

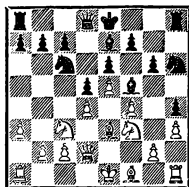
«Поэтому я не сразу сделал ход 92. .Лб5+, — продолжает Ботвинник,— а подумал минуты три: если черные уже над четвертым ходом после возобновления игры думают, значит, ничего хорошего в анализе не найдено. Затем, тяжело вздохнув, покачал головой и сыграл 92. .Лб5+, а когда последовал молниеносный ответ 93. Кра4, «маскировка» стала уже излишней...»

Партия закончилась вничью. Правда, Таль заметил пат и сыграл 95. Лf6 (вместо 95. Лf7+ и 96. Лс7), но это не имело значения: шансов на выигрыш у белых уже не было.

Проведение активной маскировки связано с игровыми действиями, носящими откровенно агрессивный характер, или сильной экспрессией в поведении.

Нильссон Нимцович

Эскильстуна, 1921

12. .а6. А. Нимцович пишет: «Черные делают вид, что собираются посредством b7—b5 начать атаку против намеченной

белыми длинной рокировкой». 13. 0—0—0! Лb8 14. Ka2? Со второго раза призрачная угроза черных все же возымела действие, и они добиваются того, к чему втайне стремились, то есть к перегруппировке фигур путем Cf5—e4 и Kh6—f5. После 14. . .Ce4 15. Ke1? Kf5 16. Kpb1 Kg3 17. Jg1 K : f1 18. J : f1 Jg8 черные прочно овладели инициативой.

При относительно пассивной маскировке проявление агрессивных действий ограничено. Противник провоцируется не открытым нападением, а кажущейся безобидностью маневров на доске. В поведении этот вид маскировки выражается внешней сдержанностью, пониженной эмоциональностью.

Конечно, разделение маскировочных действий на активные и относительно пассивные условно. Между крайними проявлениями имеется множество промежуточных образований. Обозначение одного из видов маскировки как относительно пассивного вызвано тем, что и ему присуща определенная активность. Этот вид маскировки обычно реализуется приемами выжидания, заманивания или показного согласия с противником. Каждый из этих приемов в конечном итоге преследует активные цели.

Маскировка также различается по масштабам скрываемых целей на стратегическую и тактическую. В первом случае противника стремятся дезинформировать относительно намеченных планов игры, во втором — относительно способов реализации этих планов.

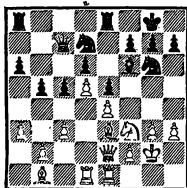
Обычно подготовка и реали-

зация планов требуют значительной затраты времени. Поэтому стратегическая маскировка затруднительна и застаёт противника врасплох сравнительно редко. Для успеха подобной маскировки, как правило, требуется выполнение сложной задачи — создание двух относительно независимых группировок фигур, угрожающих противнику на разных флангах. Искусством такого ведения борьбы отличались Эм. Ласкер и А. Алехин.

Ласкер

Берн

Петербург, 1909

Черные могли сыграть 23. . .c4, лишая противника шансов на ферзевом фланге. Однако их внимание приковано к королевскому флангу, где началось наступление белых. О том, что в конечном итоге противник намерен обрушиться на ферзевый фланг, черные не задумывались.

23. . .Фd8? 24. h4 Ce7 25. h5 Kgf8 26. Jh1 h6 27. Jdgl Kh7 28. Kpf1 Kph8 29. Jh2 Jg8 30. Ke1 Лb8 31. Kc2 a5? 32. Cd2 Cf6 33. f3 Kb6 34. Jf2 Kc8 35. Kpg2 Фd7 36. Kph1 Ke7 37. Jh2 Лb7 38. Jf1 Le8 39. Ke3 Kg8 40. f4 Cd8 41. Фf3.

А. Нимцович так комментировал эти ходы: «Итак, Ласкер вел атаку на королевском

фланге, чтобы прервать контакт между неприятельскими фигурами и ферзевым флангом. Теперь он собирается расшатать ферзевый фланг противника посредством e3—c4 и получить таким образом два преимущества сразу: слабости у противника и открытые линии для своих слонов». Добавим к этому, что черные, устремившие все внимание на королевский фланг, беспечно отнеслись к другому району доски. Об этом свидетельствуют ходы 31...a5, 41...c4 и заключительная ошибка — 43...Ф b5 (необходимо было 43...С : e3 44. С : e3 Ф : b5). 41...c4 42. a4 Сb6 43. ab Ф : b5? 44. Кf5 Фd7 45. Фg4 f6 46. Сс2 Сс5 47. Ла1 Леb8 48. Сс1 Фс7 49. Са4 Фb6 50. Лg2 Лf7 51. Фе2 Фа6 52. Сс6 Ке7 53. К : e7 Л : e7 54. Ла4, и белые вскоре выиграли.

Чаще встречаются примеры успешного проведения тактической маскировки, поскольку просмотреть какой-либо отдельный ход или комбинацию легче.

В процессе исследования было установлено, что маскировке благоприятствуют позиции со сложным характером борьбы и неопределенной оценкой. Здесь имеется значительное количество возможностей подготовить правдоподобную дезинформацию.

Напротив, в позициях с определенной оценкой и в тех, где борьба носит форсированный характер, применение маскировки практически исключено. Вместе с тем отметим, что возможности эффективной маскировки ограничены и в сложных положениях, если имеется цейтнот.

Следует также подчеркнуть, что проведение маскировки свя-

зано со значительным усложнением мыслительной деятельности, поскольку она требует одновременного сосуществования в сознании шахматиста двух планов действий, истинного — скрываемого от противника и ложного — предназначенного для передачи.

Рассмотрим другое правило борьбы за психологическую инициативу — правило создания противнику максимальных трудностей.

Заметим, что одни и те же объективные трудности переживаются разными людьми неодинаково. Это обусловлено индивидуальными психологическими особенностями человека. Стремясь к созданию трудностей для соперника, надо иметь в виду не только их объективную значимость, но и индивидуальность партнера. Понимание его личности, особенностей его характера, достоинств и недостатков стиля игры является необходимым условием для создания противнику максимальных затруднений. В практике шахмат наиболее успешно создавал помехи в деятельности соперников Ласкер. Например, против Тарраша он затевал бурные, подчас крайне рискованные, комбинационные осложнения, а с Яновским боролся строго позиционными методами. Применение Ласкером разнообразных приемов борьбы основывалось на глубоком понимании соперников, умении выбрать субъективно наиболее трудные для них ситуации.

Подчеркнем, однако, что создание трудностей — это двусторонний процесс. Форсируя возникновение острой позиции, надо понимать, что она неизбежно

вызовет трудности в игре не только у противника, но и у себя. Отсюда следует, что действовать нужно так, чтобы создать большие трудности противнику и меньшие себе. Для решения этой задачи мало одного лишь знания противника. Нужно не только учитывать объективную значимость трудностей и степень их воздействия на индивидуальность противника, но и знать себя, собственные сильные и слабые стороны, предвидеть степень воздействия тех или иных трудностей на собственную психику. Приходится, выражаясь метафорично, вести борьбу за овладение «меньшим злом», за изменение ситуации в таком направлении, чтобы возникшие трудности тяжелее переживались противником.

Показательна в этом отношении игра В. Смыслова. Он часто, особенно против шахматистов, тяготеющих к атаке на короля, форсировал переход в равный, но сложный многофигурный эндшпиль. В окончаниях подобного рода успех ему приносило верное понимание того, что возникающие трудности окажутся более значительными для соперников.

Было бы ошибочным преимуществом и недостатки борющихся сторон (материальные и моральные) рассматривать изолированно, отдельно для каждого из противников. Плюсы и минусы, достигнутые в борьбе одним из соперников, необходимым образом взаимосвязаны и взаимообусловлены изменениями положения другой стороны. Овладение какими-либо преимуществами означает, что противник должен был отступить,

допустить определенные ослабления. Поэтому создание противнику максимальных трудностей является условием, стимулирующим собственную деятельность. Отказ от воздействия на противника с возможно большей силой, предоставление ему передышки в конечном счете приводит лишь к увеличению затруднений в собственной деятельности, снижает собственные шансы на успех.

Ослабив натиск, один из партнеров тем самым «выпускает джина из бутылки», чтобы снова бороться против него. Поучительными в этом смысле были некоторые партии гроссмейстера Д. Яновского, который, по словам Эм. Ласкера, мог десять раз держать в руках выигрыш, но, систематически откладывая решающее усилие, в конце концов уверенно проигрывал.

Рассмотрим особенности создания противнику максимальных трудностей в ситуациях наступления и обороны.

Практический опыт показывает, что максимальные трудности у обороняющегося вызывает наступление, которое ведется без промедлений, со всей возможной силой и энергией. Еще историки древности указывали, что надо подражать не Ганнибалу, который остановился после победы при Каннах и этим лишился плодов победы, а Цезарю, который преследовал неприятеля с еще большей стремительностью, чем во время боя. В. Стейниц сформулировал следующее правило: «...владеющий преимуществом должен атаковать под угрозой потери своего преимущества».

Конечно, приведенными советами нельзя пользоваться с догматичной прямолинейностью. Необходим конкретный учет особенностей положения и состояния противников.

Так, например, в ситуациях, где шансы на успешную защиту дают лишь смелые и рискованные действия, невыгодно подводить обороняющегося к выводу о необходимости выбора именно таких действий. Понимание того, что возможен только единственный путь продолжения игры, повышает силы к сопротивлению даже у весьма осторожных людей. Ошибка многих соперников К. Шлехтера, Т. Петросяна и Г. Илвицкого состояла в том, что они вынуждали этих шахматистов к бескомпромиссной борьбе.

В подобных случаях наступающему выгоднее создать у противника иллюзию возможности выбора других, менее обязывающих, продолжений. Для этого иногда используется выжидательная тактика.

Существуют различные взгляды на сравнительную трудность наступления и обороны. Философ Т. Котарбинский писал: «...оборона, в принципе, будет более легкой и более экономичной формой действия, чем наступление, если истиной является, что осуществление положительного или отрицательного изменения более трудное дело и сопряжено с большими потерями, чем поддержание соответствующего положения дел».

Однако большинство исследователей занимают другую позицию. Мы также считаем, что при прочих равных условиях психологически труднее оборо-

няться, чем наступать. Дело в том, что наступление способствует образованию положительных эмоций, которые, в свою очередь, являются мощным фактором повышения жизнедеятельности человека в целом.

Бесспорно, имеются индивидуальные различия в переживании трудностей обороны и наступления. Однако подавляющее большинство экспериментальных данных, собранных нами, подтверждает соображения об особой трудности действий в обороне. Были проанализированы случаи принятия ошибочных решений, которые допустили 70 видных шахматистов в ситуациях обороны и наступления (всего было учтено около 800 ошибочных решений, причем рассматривалось равное количество оборонительных и атакующих ситуаций для каждого шахматиста). Почти 80% ошибок было допущено при защите. Даже у шахматистов, отличающихся особым искусством защиты (Т. Петросян, Р. Холмов), количество ошибок, допущенных при обороне, было выше соответственно на 20 и 25%.

Обсуждая проблему создания наибольших трудностей наступающему противнику, прежде всего скажем о правиле минимальных уступок. Эм. Ласкер писал: «Тот, чье положение хуже, должен хотеть защищаться, должен хотеть идти на уступки. Но он должен... делать лишь самые незначительные, лишь вынужденные уступки и ни на йоту больше. В этом и заключается внутренний этический принцип защиты».

Развивая это положение, Ласкер указывал, что никогда не

следует идти на ослабление позиции, не будучи к этому вынужденным. В общем, никаких уступок добровольно. Следовательно этому совету создает наибольшие затруднения для атакующего противника.

Как уже говорилось, оборона — не только и не столько подержание существующего положения. Смысл обороны заключается в подготовке контрнаступления. Пассивная оборона обычно не создает серьезных препятствий для противника. Обороняющийся должен стремиться к поискам встречных угроз, возможностей контригры. Как правило, он обязан придерживаться принципа активной защиты.

Итак, мы рассмотрели основные правила ведения борьбы за психологическую инициативу. Но знание этих правил еще не гарантирует достижение успеха. Если шахматист, выдвигающий сложные игровые задачи и проводящий маскировку, будет находиться в состоянии перевозбуждения или подавленности, эффект его действий будет ограниченным.

Очевидно, что успешная реализация указанных требований зависит и от психологического состояния самого шахматиста, прежде всего от его спокойствия и уверенности. М. Ботвинник справедливо говорил: «Спокойствие — далеко не декоративная вещь; у меня лично голова работает хорошо лишь тогда, когда я спокоен... Я стараюсь играть спокойно, не давая воли своим нервам, а этого далеко не просто добиться».

Практика шахмат содержит немало примеров успешной борь-

бы шахматиста с самим собой, изменения самооценки и эмоционального состояния, отрицательно влияющих на деятельность. К сожалению, этот ценный опыт обобщен еще недостаточно.

На основании проведенных исследований мы выделили наиболее значимые, на наш взгляд, способы саморегуляции, направленные на перестройку самооценки и эмоционального состояния и ограничение психологического влияния противника.

Способ, который мы назовем дискредитацией, применяется для изменения крайне неблагоприятной сравнительной оценки себя и противника. С этой целью намеренно привлекается тенденциозно подобранная информация, свидетельствующая лишь о слабых сторонах стиля и характера соперника (например, выбираются для анализа только проигранные будущим соперником партии, учитываются результаты неудачных выступлений в соревнованиях).

Способ дискредитации использовал Алехин при подготовке к матчу с Капабланкой. Напомним, что до матча Алехину не удалось выиграть у будущего противника ни одной партии; кроме того, специалисты почти единодушно предсказывали легкую победу кубинского гроссмейстера. Для устранения возникшего «комплекса неуверенности» Алехин специально подобрал случаи ошибочных тактических решений соперника и другие примеры его неудачной игры. Этот целенаправленный анализ помог Алехину преодолеть имевшийся психологический комплекс и выйти на борьбу с уверенностью в своих силах.

В ряде ответственных соревнований способ мысленной дискредитации противника применял автор этих строк. Так, например, перед встречей с Кересом в 26-м первенстве СССР (1959) предметом специального анализа были партии, проигранные Кересом в последних соревнованиях.

Рассматриваемый способ саморегуляции обычно повышает веру в свои силы и позволяет в известной степени освободиться от чрезмерного воздействия авторитета соперника. Естественно, при использовании этого способа нежелательны крайности, например возникновение снисходительного отношения к сильному противнику.

Способ идеализации применяется в противоположных ситуациях, то есть тогда, когда создавалась крайне благоприятная сравнительная оценка своих возможностей и возможностей противника. Для преодоления излишней самоуверенности используется тенденциозно подобранная информация, свидетельствующая лишь о достоинствах стиля и характера противника.

О проведении подготовки в таком направлении рассказывал В. Симагин. Этот способ саморегуляции автор неоднократно проверял в собственной практике, а также рекомендовал тем шахматистам, которые неудачно играли с аутсайдерами. Получены положительные результаты. Заметно повышалась объективность и ответственность в игре с более слабыми соперниками. При этом требуется, однако, сохранять меру и не утрачивать состояния уверенности.

Способ переоценки применя-

ется для изменения отношения к происшедшим в ходе борьбы событиям, которые оцениваются как неблагоприятные. С этой целью проводится направленный мыслительный поиск для выявления в указанных событиях сторон, которые бы не соответствовали сложившейся оценке. Опираясь на обнаруженные нюансы, шахматист, часто намеренно преувеличивая их объективную значимость, убеждает себя в том, что прежняя оценка была занижена и требует изменения. Благодаря этому часто удается ограничить распространение депрессии и активизировать мыслительную деятельность.

Л. Полугаевский, например, рассказывал, что, играя черными сицилианскую защиту и находясь под сильнейшей атакой, он нередко успокаивал себя тем, что оценивал позицию с точки зрения якобы возникшего эндшпиля.

С. Тартаковер писал: «... вынужденная потеря пешки ведет часто к психической подавленности, в то время как истолкование этой потери как жертвы пешки является источником, откуда можно черпать энергию для продолжения боя. Мы видим, таким образом, сколько оттенков можно придать одному и тому же обстоятельству и, несомненно, что боец, посвященный во все эти психологические тонкости... постарается их использовать к своей выгоде».

В данном способе саморегуляции заметна оптимистическая направленность, стремление учесть и подчеркнуть значение благоприятных моментов даже при очень трудном и опасном развитии событий.

Способ стимуляции применяется в тех случаях, когда шахматисту не удается, опираясь на мысленные доводы, настроиться на борьбу за овладение психологической инициативой. Поэтому он вынужден прибегать к опасным стимулирующим игровым средствам.

Этот, образно говоря, насильственный способ саморегуляции используется с целью резко изменить пассивное отношение к борьбе, форсировать мобилизацию волевых резервов личности. При этом шахматист намеренно прибегает к рискованным действиям, создает для себя трудности, временно преобладающие трудности противника.

Приведем два примера из практики Б. Ларсена. Описывая выбор дебютной системы в партии против Т. Петросяна (Санта-Моника, 1966), он пояснял: «В душе я, собственно, всегда считал староиндийскую защиту некорректным дебютом. К тому же я считаю, что все ведущие русские мастера знают ее лучше, чем я, и поэтому каждый раз, играя староиндийскую против них, чувствую, что затеял нечто очень рискованное. С другой стороны, это заставляет меня, пожалуй, быть максимально внимательным. В предыдущих пяти турах я набрал лишь полочка! Я чувствовал недомогание, играл слабо и несобранно. Поэтому я решил играть дебют, который под страхом катастрофы запрещает слабую и шаблонную игру!»

В партии с С. Флором (Копенгаген, 1966) Ларсен также намеренно избрал защиту Бенони, которая, как известно,

требует от черных особенно изобретательной и активной тактической игры. Иначе неизбежно скажутся стратегические козыри белых. Ларсен писал: «Я рассматриваю построение, избранное черными, почти как средство заставить себя самого играть агрессивной!»

Часто применяется способ перерыва. Использование этого способа связано с сознательным ограничением общения с противником. Например, «ведомый», сознавая опасность продолжающегося влияния «ведущего», по возможности сокращает контакты с ним. Для этого при ходе противника он отходит от шахматного столика, отказывается от совместного анализа после окончания партии (чаще это наблюдается в матчах), предпочитает не разговаривать с соперником перед началом игры и т. д.

С той же целью — прервать на некоторый срок невыгодное для себя психологическое взаимодействие — участники матчевых состязаний нередко прибегают к так называемым таймаутам. Любопытно, что в матчах претендентов за период с 1965 по 1978 год 70% перерывов было взято после проигрыша.

Известны и другие способы саморегуляции. Широкое распространение, например, получили приемы управления направленностью внимания в процессе обдумывания. Однако эти способы не столь непосредственно связаны с психологическим взаимодействием соперников, и поэтому здесь они не рассматриваются.

Продолжая обсуждение проб-

лсмы борьбы за психологическую инициативу, еще раз подчеркнем, что эту борьбу ведут обе стороны, демонстрируя взаимные ловушки, маскировки, отвлекающие действия. В этой борьбе важно предусмотреть встречную дезинформацию противника. Надо учитывать, что каждая из сторон, сознательно или стихийно, стремится действовать по методу «айсберга», то есть сообщить противнику лишь часть имеющейся информации — именно ту часть, руководствуясь которой он придет к невыгодному для себя решению.

В подобном столкновении двух мыслительных систем, двух личностей большое значение приобретает способность понять, что думает противник, что он скрывает от вас и что хочет вам внушить. Умственная деятельность, связанная с имитацией мыслей противника и анализом собственных рассуждений и выводов, называется рефлексией.

Приведем сначала шахматный пример. Это происходило на севере Африки в годы второй мировой войны. Контрразведка союзников обнаружила, что один французский полковник является нацистским агентом. Его перевербовали и стали снабжать гитлеровцев дезинформацией. Это удавалось до тех пор, пока фашисты не засомневались. Однако и разведке союзников удалось узнать, что ее агент разоблачен и его сообщения изучаются немецкой разведкой только с целью понять, в чем их хочет убедить противник.

Тогда от имени французского полковника было сообщено, что второй фронт будет открыт в Нормандии в период от 5 до

7 июня 1944 года. Для гитлеровцев это сообщение стало весомым доказательством того, что десант будет высажен не в Нормандии и не в эти числа. Но все произошло именно так (операция состоялась 6 июня).

Это еще не все. После того как сообщение подтвердилось, фашисты решили, что подозревали агента напрасно, и до конца войны верили ему. А тем временем передавалась дезинформация.

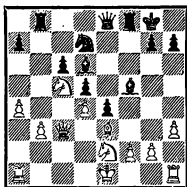
В этой истории мы можем уловить длинную цепь рефлексивных рассуждений. Преимущество в глубине рефлексии (союзники «видели» на ход дальше) позволило добиться успеха и фактически управлять рассуждениями гитлеровских разведчиков.

По принципиально похожей схеме ведутся рассуждения шахматистов в процессе состязания.

Сили

Бронштейн

Москва, 1949

Д. Бронштейн писал: «Если допустить на секунду, что правила разрешают делать два хода подряд, то на рокировку белых у меня был заготовлен верный ход, но очередь хода была моя, и надо было скрыть готовящийся удар... И я спокойно отвел слона подальше от видимой

цели, от пешки h3. «Понятно! — решил, вероятно, партнер. — Черные хотят усилить нажим на пешку f2. Надо рокировать и защитить пешку «f» ладьей».

Последовало 23. . . Се6 24. 0—0? С: h3, и выяснилось, что слона брать нельзя. Вскоре черные выиграли партию. Этот эпизод иллюстрирует рефлексивное взаимодействие шахматных соперников. Белые не в полной мере расшифровали рассуждения партнера. Успех черных был обусловлен более верной и далекой имитацией размышлений противника.

Во многих случаях рефлексия носит более сложный характер, чем в приведенном примере,

но причины успеха остаются прежними: решает более глубоко и верное распознавание замыслов противника.

Поэтому для читателя будет неожиданным заключение о том, что в процессе овладения психологической инициативой центральное место принадлежит рефлексии, которая, в свою очередь, опирается на знание противника и себя самого. При этом, конечно, нужны не эпизодические, отрывочные знания, а комплексное представление об особенностях игры и характера шахматиста. Описанию системы психологического изучения шахматиста мы и посвящаем следующий раздел работы.

Программа изучения шахматиста

Необходимость системного подхода к изучению шахматиста

В предыдущих разделах книги были рассмотрены различные психологические аспекты деятельности шахматистов. Несомненно, что знание общих свойств шахматного мышления, особенностей игры в типичных ситуациях или понимание необходимости активной борьбы за овладение психологической инициативой полезно для практики. Но важно учитывать эти факторы не только в обобщенном виде, но и применительно к борьбе с конкретными противниками, которым присущи определенные индивидуальные проявления тех или иных свойств.

Поэтому возникает задача создания индивидуального психо-

логического портрета конкретного противника и сопоставления его не с каким-то усредненным эталоном, а именно с нашими собственными, тоже своеобразными, особенностями игры и характера.

Какие же особенности деятельности или поведения шахматистов следует учитывать? На практике эти вопросы решаются далеко не однозначно и часто на интуитивном уровне. Нередко принимаются во внимание отдельные, и порой не самые существенные, черты творческого облика и на основании фрагментарных и эпизодических впечатлений делаются выводы.

Не секрет, что еще многие шахматисты ограничивают свою подготовку к партии анализом дебютных вариантов, считая, что если удастся подготовить в применяемом соперником начале

какую-либо неожиданность, то это обеспечит успех. Конечно, при современном уровне развития теории от дебюта зависит многое, но, во-первых, значение этого фактора обычно преувеличивают, а во-вторых, забывают, что успех в дебютном поединке обуславливается не столько количеством проштудированных вариантов, сколько психологической проницательностью, верным пониманием достоинств и недостатков противника в целом.

Впечатляющий успех Ботвинника в матч-реванше против Смыслова (1958) был подготовлен не только аналитической добротностью в защите Каро-Канн (кстати, никаких ошеломляющих новинок в этом дебюте не было), но и, главным образом, правильным пониманием того, что возникающие позиции не будут соответствовать состоянию соперника в тот период.

Иногда особый расчет делается на цейтнот. От некоторых шахматистов, игравших с В. Алаторцевым, Г. Борисенко или Г. Вересовым, приходилось, например, слышать, что главное — «загнать противника в цейтнот». Подобное одностороннее понимание смысла индивидуальной подготовки часто приводило к тому, что партии проигрывались до цейтнота или дефицит времени не имел значения — позиция уже была безнадёжной.

Как было отмечено, впервые определенную систему изучения шахматиста предложил Алехин. Впоследствии по его системе готовились Ботвинник, Болеславский, Портиш и многие другие.

Отдавая должное системе изучения шахматиста, разработанной Алехиным, все же следует сказать, что эта система преимущественно направлена на моменты, ближе связанные с непосредственной аналитической работой, проблемами выбора конкретного решения (хода) на доске. Меньшее внимание уделялось учету психологического состояния шахматиста, некоторых особенностей его характера (например, податливости чужому влиянию), то есть учету тех факторов, влияние которых на игру проявляется в более обобщенных формах, выражающих общее отношение к противнику, ситуации и себе.

Выдающийся советский психолог Б. Ананьев обосновал систему психологического изучения человека, включающую изучение особенностей его деятельности, поведения и общения с другими людьми. Применительно к шахматистам Ананьев советовал учитывать при составлении характеристики следующие основные моменты: стиль игры, особенности внешнего отношения к ходу борьбы, поведение в значимых игровых ситуациях (в цейтноте, при различной значимости результата партии, на разных этапах состязания), влияние возраста, отношение к собственному творчеству, самооценку, а также отношение к спортивным достижениям и творчеству других шахматистов.

На эти положения мы опирались при разработке системы психологического изучения шахматиста. Предлагаемая система охватывает широкий круг показателей, отражающих индивидуальные особенности игры и пове-

дення шахматиста. Подчеркнем, однако, заранее, что предлагаемая система не оправдывает надежды тех, кто хотел бы получить готовый рецепт для любого случая, рецепт, в котором бы по жесткой схеме была препарирована личность шахматиста, все разложено по полочкам и определен удельный вес каждого элемента.

Смысл применения данной системы состоит в том, что она вооружает шахматиста знаниями о тех факторах, которые значимы в его деятельности, и указывает на взаимозависимость этих факторов. Она является руководством к действию — к проведению аргументированного сопоставления себя с противником по ряду параметров. Какой из полученных в сравнительном анализе результатов будет признан более значимым для принятия определенного игрового решения, заранее предугадать невозможно. Это зависит от конкретных условий и верного понимания этих условий шахматистом.

Познакомимся подробнее с разделами программы.

Стиль игры. Под индивидуальным стилем мы понимаем целостную, относительно устойчивую, своеобразную систему выбора шахматистом определенных целей и приемов игры.

Особенно важным представляется здесь критерий цели, указывающий на методы постановки и решения творческих задач (стратегические планы, оригинальные замыслы, комбинации). Учет технических приемов, используемых шахматистом, тоже показателен, но он в меньшей степени показывает индивидуальность, так как мно-

гие приемы совершаются по единому образцу.

Обратимся к положению на доске, в котором возможна форсированная комбинация. Любой опытный шахматист обнаружит такую комбинацию, причем никакой разницы при исполнении ее рядом шахматистов заметить не удастся. Проявление индивидуальных особенностей стиля игры заметнее тогда, когда позиция содержит не единственное, а несколько примерно равноценных продолжений. Следовательно, своеобразие стиля преимущественно обнаруживается при наличии неопределенных факторов, то есть в так называемых проблемных позициях.

Основным методом изучения индивидуального стиля игры шахматиста является анализ его партий. Возможно изучение стиля путем последовательного анализа игры в различных стадиях партии.

При изучении дебютных вкусов шахматиста полезно остановиться на следующих вопросах: 1. Частота применения определенных вариантов. 2. Наличие оригинальных дебютных разработок. 3. Широта дебютного репертуара и дебютной эрудиции шахматиста. 4. Характер игры белыми и черными. 5. Допускаемые в дебюте ошибки. 6. Тенденции в развитии дебютного репертуара.

В качестве примера приведем результаты, полученные при изучении игры М. Эйве в дебюте за период с 1920 по 1927 год. Были учтены 483 партии (238 он играл белыми, 245 — черными).

Играя белыми, Эйве 112 раз начинал партию ходом 1. e4, а

в 126 случаях избирал закрытые дебюты. В ответ на 1. .e5 он чаще и с большим успехом применял шотландскую партию и дебюты с развитием слона на с4. Испанскую партию он играл белыми со средним результатом.

После 1. e4 он часто и успешно боролся с французской защитой, играя 3. Кс3, но сравнительно неудачно играл против сицилианской защиты.

В закрытых построениях Эйве часто и очень успешно применял дебют Рети и каталонское начало, «громил» староиндийскую защиту и защиту Грюнфельда, но менее удачно противостоял ортодоксальным вариациям ферзевого гамбита, защите Нимцовича, голландской и новоиндийской защита.

Черными в ответ на 1. e4 Эйве, как правило, играл 1. .e5 или 1. .с5. Особенно успешно он применял открытый вариант испанской партии. Заметим, что его противники терпели жесткое фиаско при попытке избежать испанской партии (счет 28 : 4 в пользу Эйве).

Хуже складывалась его игра черными в закрытых дебютах. Правда, при отказе противника от прямолинейной центральной стратегии (английское и каталонское начало, дебют Рети) он играл очень успешно, но при 1. d4 часто проигрывал даже в излюбленных построениях (ортодоксальной и славянской защитах ферзевого гамбита, староиндийской защите).

В целом систематизация материала по отдельным вариантам дала ясную картину о дебютном репертуаре Эйве. Учет результатов партий позволил в известной мере судить, насколько

избранный репертуар соответствовал сильным сторонам стиля его игры. В данном случае гармоничного сочетания не наблюдалось. Это, в свою очередь, указывало на то, что способности Эйве к критическому самоанализу в тот период были развиты недостаточно. Он упорно, несмотря на повторные поражения, применял неоправдавшиеся дебютные варианты.

Анализ не выявил в партиях Эйве указанного периода оригинальных дебютных находок. В основном, он следовал известным теории рекомендациям.

Полученные данные свидетельствовали об очень широком дебютном репертуаре Эйве. Он применял 33 дебютные системы белыми и 24 черными. В матче из 10 партий с Алехиным (1926/27), в основном по инициативе Эйве, встретилось 9(!) различных дебютов. Анализ партий показал, что он превосходно знал теоретические разработки того времени. Об этом свидетельствует, в частности, то, что он охотно и успешно применял дебюты с форсированным характером борьбы, что требует обширных и точных знаний.

В области дебютной теории Эйве работал систематически, постоянно находился в курсе новостей. Однако высокая дебютная эрудиция особых практических выгод Эйве не принесла. Выбор дебюта основывался на степени «проанализированности», а вкусы противника при этом не учитывались.

Сравнение содержания игры Эйве белыми и черными показало, что он проводил дебют за черных более скованно, часто

уступал без сопротивления инициативу. В этом отношении он скорее принадлежал к шахматистам, стремящимся черными прежде всего к уравниванию. Иную тактику игры в дебюте, рассчитанную на перехват инициативы в острой, рискованной борьбе, нередко применяли Алехин, Таль, Фишер, Полугаевский.

Сравнение эффективности игры Эйве белыми и черными (белыми он набрал в два раза больше очков) также свидетельствовало о его недостаточной психологической проницательности. Игра черными специфична. Выбор направления борьбы на первых порах здесь чаще определяется противником, и от играющего черными требуется большая гибкость и смелость, чтобы не оказаться «на буксире».

Широкий дебютный репертуар Эйве облегчал ему применение гибкой тактики в игре черными. Но он не придавал должного значения изучению противников, и в итоге мощное дебютное оружие использовалось им далеко не с полной эффективностью. Интересно отметить, что этот же недостаток сопровождал Эйве на протяжении его дальнейшей шахматной карьеры.

Говоря об ошибках, следует отметить, что конкретных ошибок в расчете Эйве почти не допускал. Его дебютные неудачи были вызваны, во-первых, излишним доверием к рекомендациям теории (встретившись с дебютной неожиданностью, он часто испытывал растерянность), а во-вторых, излишней боязнью атаки противника на короля. Опасность угроз зачастую преувеличивалась и принимались чрезмерные защи-

тельные меры. В общем, здесь заметно проявлялось влияние отрицательных опережающих образов.

Проведенный анализ не дал оснований полагать, что Эйве велась целенаправленная работа по устранению указанных недочетов. Эти ошибки повторялись.

Изучение развития дебютного репертуара показало, что Эйве в определенной мере менял свои дебютные вкусы. Но, по-видимому, эти изменения, в основном, вызывались внешними обстоятельствами, преимущественно модой. В то же время варианты, приносившие ему постоянные неудачи, он сохранял в дебютном репертуаре (например, славянскую защиту). Это указывало на то, что тенденции в изменении дебютного репертуара Эйве не направлялись критическим самоанализом, а носили стихийный характер.

Миттельшпиль. При изучении индивидуальных особенностей игры в этой стадии партии большие трудности возникают в связи с систематизацией материала. В отличие от дебюта и эндшпиля позиции середины игры еще не имеют удовлетворительно разработанной классификации.

Учитывая эти обстоятельства, мы решили использовать в качестве критериев анализа признаки стратегической оценки позиции, выделенные В. Стейницем и А. Нимцовичем. Приводим перечень этих признаков:

1. Материальный перевес: а) лишняя пешка; б) лишнее качество; в) качество за пешку; г) легкая фигура за 1—2 пешки; д) ферзь за ладью и легкую фи-

гуру; е) другие виды материального перевеса.

2. Преимущество в развитии: а) перевес в развитии в центре; б) перевес в развитии на фланге.

3. Подвижность фигур: а) ограничение подвижности тяжелых фигур; б) «хорошие» и «плохие» слоны; в) активные и пассивные кони; г) два слона.

4. Борьба за центр: а) классический центр; б) динамичный центр; в) открытый центр; г) блокированный центр.

5. Положение короля: а) оба короля в центре; б) один из королей в центре; в) односторонние рокировки; г) разносторонние рокировки.

6. Сильные и слабые поля.

7. Расположение пешек: а) изолированная пешка в центре; б) изолированная пешка на фланге; в) висячие пешки; г) отсталая пешка; д) сдвоенная пешка; е) проходная пешка.

8. Пешечный перевес: а) в центре; б) на фланге.

9. Открытые линии: а) в центре; б) на фланге; в) владение 7-й (2-й) горизонталью.

10. Фигурная атака: а) в центре; б) на фланге.

При анализе стратегических планов мы стремились также определить и конкретные средства их выполнения. Подобным образом выявлялись характерные для определенного шахматиста тактические приемы и комбинации. Фиксировались следующие приемы: завлечение, отвлечение, блокировка, освобождение поля, освобождение линии, перекрытие, уничтожение защиты, захват пункта, разрушение, двойной удар, «рентген» (сквозное действие фигур), связка, проме-

жуточный ход, выжидательный ход, мнимая жертва, ловля фигуры, прорыв, превращение пешки, размен.

Для понимания индивидуальных особенностей шахматиста весьма важно определить его «смысловой словарь», то есть «иерархию» его субъективных оценок значимости разнообразных элементов стратегии и тактики. Например, во многих позициях подчас невозможно установить, что лучше — выиграть пешку или сохранить инициативу при материальном равенстве. Однако если на достаточном количестве фактов удастся установить, какое решение в подобной позиции выбирает данный шахматист, то, зная его индивидуальную «шкалу ценностей», можно с большой вероятностью прогнозировать его действия.

Предлагаемый метод изучения индивидуального стиля игры основан на сравнении частоты выбора шахматистом позиций, отличающихся определенными стратегическими признаками, и частоты использования определенных тактических приемов. В процессе анализа важно, к примеру, выяснить, что чаще предпочитает шахматист — выиграть пешку, но отстать с развитием фигур или наоборот.

Последовательно проводя сравнительное исследование выбора шахматистом решений, опирающихся на те или иные стратегические и тактические факторы, можно выявить иерархию его субъективных оценок. С подробным примером такого исследования читатель может познакомиться в книге «Пси-

хологическая подготовка шахматиста».

Если обобщить результаты анализа стиля игры Эйве в миттельшпиле, то можно сказать, что наиболее значимыми для него являлись показатели положения собственного короля и материального соотношения сил. Меньшее внимание уделялось атаке короля противника, развиту фигур, пешечному расположению и некоторым другим. Это означало, что при наличии примерно равноценного выбора Эйве в большинстве случаев предпочитал выигрыш пешки фигурной атаке, предпочитал двух слонов пешечному перевесу на фланге при однозначных легких фигурах и т. д.

Конечно, полученная в результате анализа шкала субъективных ценностей не должна рассматриваться в качестве непогрешимого прогноза во всех случаях. Установленная на основании относительной частоты выбора шахматистом того или иного признака, эта шкала дает вероятностный прогноз. Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на свою известную условность, исследование субъективных оценок шахматистов имеет огромное практическое значение.

Этот метод прошел проверку при подготовке к ряду крупных соревнований (в частности, к матчу на первенство мира 1969 года) и давал ценную информацию о противнике. В последние годы возникла идея дополнить исследование шкалы субъективной ценности еще одним параметром и тем самым повысить достоверность результатов.

Речь идет о введении пара-

метра ожидаемых потерь или уступок. Очевидно, что шахматист, принимая решение в проблемной позиции провести какой-то план (например, атаку пешечного меньшинства), должен учитывать встречные возможности противника, которые неизбежно тот получит при реализации намеченного плана. Это означает, что практически любое изменение положения на доске обязательно дает другой стороне пусть не более опасные, но какие-то новые шансы. Поэтому, как мы считаем, для более полного представления о стиле игры шахматиста важно знать не только то, к чему он стремится, какие позиции предпочитает, но и то, чем он готов пожертвовать и чего он не боится, принимая решение изменить положение.

Ожидаемые потери или уступки мы также разделили по критерию стратегических признаков. В результате характеристика отдельного решения, принятого шахматистом, описывалась, к примеру, так: «Н. избрал план фигурной атаки на королевском фланге, допуская образование отсталой пешки в центре».

С учетом дополнительного введения указанного параметра были проведены исследования индивидуального стиля игры нескольких шахматистов. Получилась своеобразная иерархическая шкала субъективных антиценностей, то есть тех объективно невыгодных изменений позиции, которые шахматист считал не очень опасными и преодолимыми. Так, например, за создание классического пешечного центра Эйве обычно был

готов отдать пешку. Этот факт существенно обогатил ранее имевшуюся информацию. Вспомним, что при возможности выбора между выигрышем пешки и каким-либо позиционным плюсом Эйве, как правило, брал пешку. Данные, полученные путем введения нового параметра анализа, показали, что один и тот же фактор (например, материальный) оценивается шахматистом по-разному.

Интересные результаты были получены при изучении характера уступок, допускаемых шахматистом в партиях с соперниками разного стиля игры и уровня мастерства. Тот же Эйве стремился не допускать атаки на собственного короля в партиях с Алехиным и Шпильманом, но особенно не возражал против подобных атак со стороны Видмара или Мароци.

Введение шкалы ожидаемых потерь позволило полнее и достовернее учесть влияние личности противников на игру изучаемого шахматиста.

Наряду с рассмотренными показателями известное значение для характеристики стиля игры имеют данные о применении тактических приемов. Правда, здесь установление иерархической зависимости затруднительно ввиду многообразия тактических элементов и случаев совместного применения нескольких приемов. В плане проводимого исследования можно ограничиться выделением небольшого числа приемов, особенно охотно и успешно применяемых шахматистом. Эйве, например, с большим искусством осуществлял пешечные прорывы и связку, а Петросян — раз-

мены выжидательные ходы.

Наиболее важен вопрос о точности тактических операций. Конечно, полученные данные должны рассматриваться как относительные. Так, из 483 партий Эйве лишь в 14 были обнаружены явные просчеты и «зевки». В пропорциональном отношении у Эйве было меньше тактических ошибок, чем у Чигорина, Тарраша, Рубинштейна и ряда других крупных шахматистов. Таким образом, анализ показал относительно высокую точность его конкретного расчета.

Редкие ошибки были, в основном, связаны с недостаточным вниманием Эйве к промежуточным ходам противника. По-видимому, это объяснялось некоторой переоценкой своих возможностей и проявлением инертных мыслительных образов.

Эндшпиль. При изучении индивидуальных особенностей деятельности в этой стадии партии можно определить качество игры по ограничению подвижности сил противника, при активизации собственного короля, в борьбе за образование и продвижение проходных пешек. Эти моменты выражают основные принципы игры в эндшпиле. Существенно также выяснить знание теории окончаний, эндшпильную эрудицию шахматиста, качество тактического расчета и технику его игры в эндшпиле в целом.

Анализ показал, что даже между шахматистами высокого класса имеются значительные различия в выборе методов игры и технических приемов. Одно

типичное направление связано с выраженным стремлением по возможности избегать длительного маневрирования и быстрее форсировать кризис. При этом главным образом рассчитывают на использование проходных пешек.

Второе направление характерно большей сдержанностью игры. Его представители, как правило, не экономят время на подготовку, постепенно ограничивая подвижность сил противника и активизируя собственные.

В процессе исследования важно определить, к какому из указанных направлений тяготеет данный шахматист, учитывая, что каждое из них имеет свои достоинства и недостатки.

Эндшпильная эрудиция изучается путем выявления в партиях известных теории позиций, на которые шахматист опирался при игре в окончаниях. О качестве расчета, как и при анализе других стадий партии, судят по относительной частоте допущенных ошибок.

Общее заключение о технике игры в эндшпиле делается путем сравнения оценок позиций после перехода партии в эндшпиль с результатами этих партий. Известны шахматисты, добивавшиеся в этой стадии партии успехов, которые значительно превосходили предварительные ожидания: Капабланка, Флор, Смыслов, Карпов. Отметим и обратные примеры: Боголюбов, Найдорф, Бронштейн.

Итак, мы рассмотрели основные методические рекомендации по изучению индивидуального стиля игры шахматиста. Однако, признавая индивидуаль-

ное своеобразие, нельзя отрицать типичное в игре и характере шахматистов. Отдельный шахматист находится не в безвоздушном пространстве, а связан с другими людьми, с обществом. Под влиянием общих условий деятельности, типичных ситуаций в игре у каждого отдельного шахматиста развиваются такие свойства деятельности и поведения, которые являются типичными для определенной группы.

Поэтому каждый шахматист и индивидуально неповторим (что обусловлено конкретными условиями развития, творческой биографией и природными особенностями человека), и вместе с тем типичен, проявляя сходные с другими особенности игры и поведения.

Вопрос о взаимосвязи индивидуального и типичного имеет большое значение как для изучения шахматиста вообще, так и для выявления стиля его игры в частности. Наличие разработанной типологии стилей игры значительно облегчило бы анализ. Выделив, например, ряд признаков, относящихся к какому-либо типичному стилю, можно было бы более обоснованно выдвигать предположения о направлении и ожидаемых результатах дальнейших исследований.

К сожалению, типология стилей шахматного творчества разработана еще недостаточно. Распространенное разделение шахматистов на комбинационных и позиционных проведено по чересчур обобщенному критерию. То же самое можно сказать по поводу попыток обосновать интуитивный и рациональный сти-

ли. Несколько лет назад мы выдвинули гипотезу о наличии семи основных типичных стилей игры: практического, логико-систематического, теоретического, критико-аналитического, художественного, комбинированного и гармоничного.

Классификация была разработана на основании использования данных о развитии логического мышления, интуиции и фантазии шахматистов. Затем автор предпринял попытку дополнительно обосновать предложенную классификацию результатами анализа творчества отдельных шахматистов, проведенного по изложенной выше методике изучения индивидуального стиля игры.

Первые полученные результаты обнадеживают. За исключением комбинированного стиля (который, по-видимому, охватывает слишком большой набор признаков и поэтому нуждается в разделении), наличие остальных типов получило практическое подтверждение. Отметим также, что предложенная типология позволила достичь более адекватного и дифференцированного понимания соперников, чем при разделении стилей на комбинационный и позиционный.

Однако полученные результаты в связи с небольшим объемом использованной выборки пока еще нельзя признать достаточными. Возможность применения данной классификации как в теоретических, так и в прикладных целях должны определить проводящиеся сейчас исследования на большом фактическом материале.

В заключение этого раздела

остановимся на вопросе об объеме выборки партий, необходимом для изучения стиля игры. При анализе творчества Эйве мы использовали 483 партии. Естественно, что не всегда имеются условия для столь тщательного анализа игры противника (малое количество партий, ограниченные сроки подготовки). Но и в этих ситуациях применение принципов предложенной методики вполне возможно.

Опыт показал, что систематизированный анализ даже сравнительно небольшого количества партий (например, 15—20) может дать объективную и ценную информацию о сопернике. Важно при этом не забывать, что необходим анализ всех стадий партии, а не только дебютов.

Следует также сказать, что обстоятельный анализ партий необходим при изучении собственного творчества. Для осуществления обширной программы исследования в этой области всегда есть все соответствующие условия: если иногда действительно трудно собрать достаточно представительную выборку партий соперников, то уж свои собственные партии шахматист обязан иметь! Значение подробного анализа собственных партий для совершенствования шахматиста трудно переоценить...

Особенности поведения. В данном разделе программы изучения шахматиста анализируется информация о внешности и экспрессии (выразительных движениях) шахматиста, полученная путем наблюдения. Установлено, что во внешнем облике человека в известной степени

проявляется его характер. Поэтому эти данные важны для лучшего понимания психологии противника и соответствующей регуляции собственных действий.

Изучение шахматиста в этом плане преследует следующие цели: 1. Определить, в какой мере тот или иной шахматист придает значение информации о внешних формах поведения противника. 2. Определить индивидуальные особенности экспрессии в связи с изменениями игровой ситуации. 3. Выявить методы интерпретации данных, полученных посредством наблюдения, которые позволили бы установить, какие особенности внутреннего мира шахматиста выражают определенные внешние проявления.

Среди шахматистов заметны значительные индивидуальные различия в подходе к наблюдению за поведением соперника. Проведенные исследования позволили выделить группы шахматистов, систематически использовавших эти данные (Ласкер, Алехин, Таль), опиравшихся на них эпизодически (Тарраш, Капабланка, Петросян, Фишер) и не придававших, как правило, значения информации о поведении противника (Чигорин, Рубинштейн, Керес). При составлении характеристики шахматиста важно определить, к какой из указанных групп он относится.

Интересен вопрос: на какие признаки внешности соперников преимущественно обращается внимание? Анализ показал, что доминирующая роль здесь принадлежит экспрессии. Более статичные особенности (рост, фи-

гура, одежда, прическа и др.) обычно рассматриваются как второстепенные и выделяются главным образом в момент знакомства.

Среди экспрессивных признаков чаще всего придают значение мимике противника, выражению глаз, позе, положению рук, особенностям передвижения фигур на доске, переключения часов и записи ходов на бланке. При проведении наблюдений за противником в первую очередь должны быть учтены эти признаки.

Каково же познавательное значение этой информации? Какие сведения о внутреннем мире противника может дать наблюдение? Конечно, опираясь на восприятие внешности, нельзя узнать прямо о содержании размышлений соперника. Было бы наивным, например, рассчитывать, что по выражению глаз удастся установить конкретно, какую новинку в дебюте приготовил противник. Но о том, что партнер что-то говорит, иногда можно догадаться даже по выражению его глаз. Это указывает на то, что получаемая посредством наблюдений за внешностью информация носит своеобразный характер. Она сигнализирует об эмоциональном состоянии соперника, о его отношении к событиям, происходящим на доске. Несмотря на известную нечеткость, эти сведения очень важны, ибо существенно дополняют выводы, сделанные на основе анализа вполне определенных действий противника (ходов на доске).

Однако переживания человека весьма разнообразны. Полезно установить, какие из них

ниболее характерны для шахматной борьбы и в первую очередь фиксируются соперниками. Проведенный нами анкетный опрос 120 человек дал определенный ответ: в экспрессивных признаках шахматиста прежде всего видят проявление противником состояния уверенности — неуверенности. Другим переживаниям (удовольствие — неудовольствие, симпатия — антипатия, спокойствие — тревога и т. п.) придавалось несоизмеримо меньшее значение.

Только лишь констатировать обнаруженные факты, конечно, еще недостаточно. Нужно выяснить, какие индивидуальные проявления экспрессии соответствуют определенным уровням уверенности или неуверенности шахматиста. Следует отметить, что в психологии неоднократно делались попытки установить достоверные связи между признаками внешности и психологическими особенностями. Указывали, например, что беспокойство выражается в усиленной мимике рта, частом изменении позы, бледность связывали с появлением страха и т. д. Однако надежная система интерпретации внешних признаков до сих пор не разработана. В имеющихся исследованиях явно недостаточно учитывались конкретные условия деятельности и многообразие индивидуальных проявлений. Например, у Таля и Ларсена бледность обычно свидетельствовала не о страхе, а, напротив, о решительности и собранности.

Мы разработали методику интерпретации индивидуальных особенностей экспрессии шахматистов, основываясь на пред-

положении о том, что в позициях, объективная оценка которых достаточно определена, экспрессия в большинстве случаев должна выражать определенное эмоциональное состояние по координате «уверенность — неуверенность».

Позиции, оценка которых не вызвала сомнений, были разделены на пять групп: 1) с решающим преимуществом (стратегически выигранные), 2) с преимуществом, 3) с равными шансами, 4) с худшими шансами, 5) стратегически проигранные. Предполагалось, что в большинстве случаев шахматисты в этих позициях должны испытывать состояния: 1) высокой уверенности, 2) определенной уверенности, 3) колеблющейся уверенности, 4) определенной неуверенности, 5) крайней неуверенности.

Проведенные с шахматистами беседы подтвердили наше предположение: они почти единодушно отметили у себя наличие переживаний, соответствующих определенной и очевидной оценке позиции.

Опираясь на эти данные, мы провели длительные и систематические наблюдения за рядом видных шахматистов. Выяснилось, что в большинстве случаев они типичным, присущим каждому из них в отдельности образом выражали внешне характерные эмоциональные состояния по координате «уверенность — неуверенность».

Были составлены своеобразные «портреты» высокоуверенного, уверенного, колеблющегося, неуверенного и крайне неуверенного Петросяна и других шахматистов, за которыми мы наблюдали. Приведем примеры.

Уверенный Петросян. Живое выражение глаз, неторопливое перемещение взгляда с доски на партнера и на другие партии, выразительное одухотворенное лицо с редкой сменой мимических реакций, неторопливая, размеренная прогулка в тот момент, когда противник обдумывает ход. Руки при этом скрещены на груди. В игре за доской почти без изменения сохраняется поза с чуть наклоненной вперед головой, правая рука обычно слегка подпирает щеку, фигуры перемещаются плавными движениями, без стука, мягко переключаются часы и неторопливо, аккуратным почерком на бланке записывается ход.

При появлении состояния определенной неуверенности поведение Петросяна существенно меняется. Руки уже не скрещены на груди, а опущены. Взгляд теряет живость, а голова все дальше и дальше наклоняется над доской.

А вот портрет уверенного Фишера: стремительный, скачущий по сторонам взгляд, глаза беспрестанно меняют свою форму, мимика выразительна. При ходе противника отмеряет по сцене широкие, твердые шаги. Находясь за доской, часто меняет позу, сидит немного под углом к противнику, часто охватывает голову руками, как бы тискивая ее. Иногда закрывает руками лицо, оставляя лишь «бойницы» для глаз. Резким, хлестким движением передвигает фигуру по доске, энергично нажимает на кнопку часов.

Полученные данные в большинстве случаев подтвердились на практике. Зная соответствующие «портреты», можно было

не смотреть на доску — позиция была ясна, и наоборот, фиксируя возникновение позиции с определенной оценкой, можно было наблюдать ожидаемую внешнюю реакцию шахматиста.

Однако шахматист делает ходы не только в позициях с определенной оценкой. Большинство ситуаций на доске, как известно, носит проблемный характер. Как быть с подобными случаями и каковы здесь перспективы надежного истолкования внешних признаков?

Мы предположили, что рассмотренная методика может быть использована не только в определенных ситуациях, но и в проблемных позициях. Дело в том, что особенности внешнего проявления переживаний в определенных позициях не являются слепым следствием одностороннего воздействия этих позиций на психику, а вызываются активной внутренней переработкой этих воздействий. Следовательно, тот или иной «портрет» — это, как правило, характерное для данного человека внешнее проявление его определенного субъективного состояния.

Поэтому если даже позиция объективно носит неопределенный, проблемный характер, но экспрессия шахматиста в данный момент соответствует его состоянию высокой уверенности, то правомерно предположить, что он субъективно очень высоко оценивает свои возможности.

Проведенные исследования показали, что «портреты», составленные на основании изучения поведения шахматистов в определенных позициях, имеют существенное значение для

получения достоверных выводов при расшифровке показателей экспрессии в проблемных ситуациях. Выяснилось, что «портреты» дали верный диагноз почти в 75% рассмотренных случаев.

Таким образом, методика интерпретации особенностей поведения шахматиста довольно сложна: она требует продолжительной работы по составлению соответствующих «портретов» и их последующему перенесению в круг проблемных ситуаций. Но, несмотря на трудоемкость, указанная методика, как нам представляется, открывает широкие перспективы достоверной интерпретации индивидуальных проявлений экспрессии. Изучение особенностей поведения соперников является обязательной частью серьезной психологической подготовки.

Временные показатели. Данные о времени, затрачиваемом на партию в целом или обдумывание отдельных ходов, дают ценный материал для изучения шахматиста. Отметим, что временные показатели объективны и определены, что создает удобства для сравнительного анализа и статистической обработки.

Цифровые показатели времени, затраченного на обдумывание, важны не сами по себе, а в связи с качеством принятого решения. Они выполняют функцию дополнения содержательного анализа партии, и хронометраж становится хотя и важным, но все же вспомогательным методом изучения шахматиста.

В процессе исследования полезно использовать два вида хронометрических данных: о времени, затраченном на партию в целом, и о времени, израс-

ходованном на обдумывание отдельных ходов. Используя эти данные во взаимосвязи, можно получить целостное представление о темпе деятельности шахматиста.

При изучении индивидуальных особенностей распределения шахматистом времени на обдумывание считаем целесообразным придерживаться следующего плана: 1. Составление общей характеристики темпа игры. 2. Определение влияния темпа игры противника на игру изучаемого шахматиста. 3. Характеристика игры при наличии цейтнота у противника. 4. Определение относительной скорости игры в известных, очевидных и заранее намеченных позициях. 5. Выявление случаев длительного обдумывания и анализ содержания позиций, вызвавших продолжительные размышления. 6. Определение сравнительной длительности обдумывания при записи секретного хода. 7. Выявление уровня частоты цейтнотов. 8. Определение остроты цейтнотов. 9. Зависимость возникновения цейтнотов от стадии соревнования и спортивного значения партии. 10. Качество игры в цейтноте. 11. Способы профилактики цейтнота.

Данные о времени, затраченном на партию в целом, позволяют судить об общих особенностях распределения времени шахматистом. Можно условно выделить среди шахматистов три группы: тех, кому обычно не хватает установленного лимита времени, тех, кто укладывается в этот лимит, и тех, кто, как правило, затрачивает меньше времени на обдумывание, чем отпущено.

К «торопящимся» шахматистам отнесем И. Цукерторта, Г. Пильсбери, Х. Р. Капабланку, Р. Фишера, к средней группе — Эм. Ласкера, М. Ботвинника, Т. Петросяна, а к «запаздывающим» — ярых цейтнотчиков, первенство среди которых, по-видимому, обеспечено Ф. Земишу.

Как мы уже отмечали, время, затраченное на партию в целом и отдельные ходы, является одним из средств психологического воздействия шахматистов друг на друга. Среди шахматистов, попадающих под влияние темпа игры противника, встречаются разновидности: начинающие играть медленно при медлительности противника, начинающие играть быстро при быстрых действиях противника и, наконец, копирующие противника при любом темпе его игры. Обычно первые относятся к типу «запаздывающих», вторые — к «торопящимся». Копирование темпа игры противника, как правило, связано с легкой внушаемостью шахматиста, подверженностью влиянию извне. Шахматисты, не поддающиеся влиянию темпа игры противника, отличаются самостоятельностью и независимостью.

Особое внимание должны привлечь случаи воздействия цейтнота противника на темп игры шахматиста. Распространенная ошибка, свидетельствующая о недостаточном самоконтроле, связана с резким ускорением темпа собственной игры.

Говоря об игре в знакомых позициях и в позициях, где ход представляется очевидным, а также об игре в тех ситуациях, когда вариант твердо намечен

заранее, отметим, что многие шахматисты здесь действуют молниеносно. Такой подход экономит время, но, как показала практика, содержит опасность тактических просчетов или продолжения «по инерции» поспешной игры там, где борьба требует продуманных решений.

Другая манера игры отличается непродолжительной, но обязательной проверкой даже очевидных ходов. По-видимому, этот подход более надежен. При составлении характеристики полезно установить, какой манеры игры в позициях, где решение напрашивается, придерживается изучаемый шахматист.

К случаям длительного обдумывания могут быть отнесены размышления над отдельным ходом, превышающие 5 минут. Целесообразно выделить случаи, в которых шахматист тратил на ход свыше 30 минут, от 20 до 30 минут, от 15 до 20, от 10 до 15 и от 5 до 10 минут. Особенно информативны факты обдумывания, продолжавшегося более 10 минут.

Мы провели анализ случаев длительного обдумывания в партиях Т. Петросяна за период с 1966 по 1969 год. Было, в частности, отмечено, что в матче на первенство мира (1966) свыше 30 минут он размышлял над ходом дважды, от 20 до 30 минут — 12 раз, от 15 до 20 минут — 14 раз, от 10 до 15 минут — 22 раза. Анализ позиций, потребовавших повышенной затраты времени со стороны Петросяна, показал, что они были преимущественно связаны с проведением профилактических мер по ограничению атакующих шансов противника.

Большое значение имеет изучение случаев заметного нарушения пропорции между временем обдумывания хода и объективной сложностью позиции. Эти данные позволяют выявить особенности субъективного понимания шахматистом величины возникающих в игре трудностей.

Таким образом, анализ случаев длительного обдумывания позволяет судить об индивидуальных вкусах шахматиста, о том, какие позиции он считает наиболее трудными для себя.

Специфическое содержание имеет длительное обдумывание на первых ходах партии. Оно скорее указывает не на переживания, связанные с субъективно трудным характером позиции, а демонстрирует неумение шахматиста создать боевое настроение, форсировать период вработываемости и преодолеть стартовую неуверенность.

Длительность обдумывания секретных ходов также весьма показательна. Практика свидетельствует о том, что с наступлением момента откладывания партии усталость и напряжение преодолеваются не сразу. Как правило, нужен краткий отдых (от 3 до 10 минут). Поэтому шахматисты, сознательно контролирующие свое состояние, часто затрачивают на обдумывание секретного хода несколько больше времени, чем, казалось бы, необходимо. Так поступают Ботвинник и Петросян. Подобный метод является показателем ответственного отношения шахматиста к игре.

Перейдем к стадии цейтнота. Отметим, что по частоте возникновения цейтнотов между

шахматистами имеются значительные различия. Например, на межзональном турнире в Гетеборге (1955) Петросян лишь в партии с Пильником испытывал острый дефицит времени, Геллер же «пережил» 7 цейтнотов, Керес — 6, а Сабо — 12 (из 20 партий). Несмотря на известную условность разделения цейтнотов по уровням частоты, отнесение изучаемого шахматиста к определенной «цейтнотной» группе существенно облегчает подготовку.

В характеристике шахматиста также полезно зафиксировать сравнительную остроту его цейтнотов. Если на каждый оставшийся до контроля времени ход имеется от 30 секунд до 1 минуты, то такой цейтнот можно считать «нормальным». При подобном дефиците времени сохраняется возможность краткой проверки намечаемого плана действий.

При наличии на каждый оставшийся ход от 10 до 30 секунд трудности в принятии удовлетворительных решений значительно возрастают. Возможности проверки гипотез здесь сведены к минимуму.

Острейшим цейтнотом можно обозначить такой лимит времени, когда на каждый ход имеется менее 10 секунд. Решения здесь носят импульсивный и фрагментарный характер. В поисковой деятельности преобладает опора на навыки. В подобном цейтноте трудно избежать серьезных ошибок даже на протяжении 4—5 ходов.

Оговоримся сразу: степени остроты цейтнота рассматриваются применительно к сложным, динамичным позициям. При на-

личии очевидных и хорошо известных путей развития игры даже крайне ограниченный резерв времени обычно переживается шахматистами без особой тревоги.

Анализ показал, что имеются определенные индивидуальные различия между шахматистами в отмеривании времени для продолжения игры в цейтноте. Большинство считает допустимым для себя попадание лишь в «нормальный» цейтнот. Укажем в этой связи на Петросяна, Смыслова, Кереса, Портиша.

Значительно реже допускаются цейтноты, которые мы обозначили как серьезные и наиболее острые. К приверженцам подобных цейтнотов отнесем Земиша, Решевского, Бенко, Вересова, Бронштейна.

Зная характер взаимоотношений противника с часами, легче планировать борьбу с ним. Играв, к примеру, с Вересовым, многие его противники придерживались выгодной для себя тактики, откладывая решительные акции до момента появления у Вересова острейшего цейтнота.

Анализ показал, что на различных стадиях соревнования цейтноты возникают неравномерно. У многих шахматистов количество цейтнотов резко возрастает на финише. В связи с особым значением этого этапа соревнования, а также с усталостью дефицит времени испытывают шахматисты, обычно не отличающиеся частыми цейтнотами. При изучении шахматиста его индивидуальные особенности в этом отношении необходимо учитывать.

Следует также иметь данные

о возникновении цейтнотов при проведении шахматистом важных в спортивном отношении, так называемых решающих партий, а также в игре после поражений. После поражения особенно часто оказывались в цейтноте шахматисты, изменявшие привычной тактике борьбы и стремившиеся реваншироваться во что бы то ни стало.

Важно знать о качестве игры шахматиста в собственном цейтноте. Оценивать эффективность игры в цейтноте, по-видимому, удобнее всего сравнивая оценку позиции до и после цейтнота. Анализ показал, что цейтнот в целом невыгодное предприятие и в нем обычно теряют больше, чем приобретают. Однако относительная величина цейтнотных потерь значительно различается у отдельных шахматистов. Укажем, например, на сравнительно высокое качество игры в цейтноте Решевского и Штейна и частые ошибки Бенко и Сабо.

Внимание должно быть уделено также тому, как шахматист осуществляет профилактику цейтнота. Важно установить, к какому виду профилактики (сохранению резерва времени, введению промежуточных контролей, обдумыванию при ходе противника, быстрой игре в дебюте, «свертыванию» борьбы в сложных позициях) чаще прибегает изучаемый шахматист (либо имеет место полный отказ от профилактики).

Рассматривая случаи сознательного попадания в цейтнот, полезно выяснить, вызваны ли такие решения стремлением, несмотря на нехватку времени, найти сильнейшее продолжение

игры или намерением оказать психологическое воздействие на противника. Полученные данные позволяют гибко варьировать тактику борьбы с шахматистами, по разным мотивам отказывающимися от профилактики цейтнота.

Возрастные различия. Здесь должны быть рассмотрены индивидуальные проявления типичных тенденций развития шахматистов на протяжении жизненного пути. Наибольшее внимания заслуживают два периода: творческое и спортивное становления шахматиста в молодости и его развитие после достижения 40-летнего возраста.

Изучая период становления, важно охарактеризовать творческую самостоятельность шахматиста, его эрудицию, технический уровень игры и психологическую проницательность, развитие способности к рефлексивному анализу. Следует принимать во внимание, что в этот период часто заметен повышенный интерес к изучению теории шахмат (особенно дебютов), а психологические особенности противника учитываются недостаточно. Также наблюдается чрезмерная приверженность моде и влиянию авторитетов. Технический уровень игры, как правило, невысок.

В период после 40 лет, как известно, снижается энергия шахматиста и способность к конкретному расчету вариантов. Здесь важно определить тренированность шахматиста (как средство, повышающее счетные способности) и эффективность его игры в партиях, имеющих большое спортивное значение, а также на финише. Интерес

представляют данные о том, какое количество партий в соревновании изучаемый шахматист считает для себя оптимальным. Ботвинник, например, в таком возрасте предпочитал турниры не более чем с 16 участниками.

Эффективность игры на разных этапах соревнования и с противниками разного уровня мастерства. Здесь изучение шахматиста преимущественно опирается на анализ статистических данных. Раздельно рассматриваются результаты, показанные на старте, в середине и на финише соревнования, причем к каждому из трех этапов относится по возможности равное количество партий.

Обобщение полученных данных по совокупности соревнований для отдельного шахматиста позволяет судить о фазах его работоспособности, об индивидуальных особенностях распределения сил на протяжении соревновательной дистанции. В анализе важно определить лучший и наименее удачный этапы соревнования для изучаемого шахматиста. Так, например, Таль успешнее проводил финиш, а на старте играл сравнительно неудачно. Эти обстоятельства учитывались его соперниками при подготовке.

Особое внимание следует уделить анализу показателей на финише и установить, повышает ли шахматист достигнутые ранее результаты, сохраняет прежний уровень или снижает эффективность игры. Результаты на финише особенно информативны в плане изучения волевых черт характера.

Определенный интерес представляет выявление отдельных

микропериодов (продолжительностью от одного до трех туров) наиболее неудачной игры шахматистов. Так, например, Ботвинник особенно неудачно играл в промежутке от 12-го до 14-го тура.

Анализ эффективности игры с противниками разного уровня мастерства позволяет судить об отношении шахматистов к решению задач разной трудности. Методика анализа такова: участники рассматриваемых (по возможности равноценных) турниров делятся на три равные группы: «лидеров», «средняков» и «аутсайдеров». Подсчитывается количество очков, набранное изучаемым шахматистом в совокупности турниров, против каждой группы.

Естественно, что эффективность игры возрастает при переходе от «лидеров» к «аутсайдерам». Однако по амплитуде колебаний результатов можно судить о ровности игры шахматиста. У Алехина, например, разность процентных показателей в игре с «лидерами» и «аутсайдерами» составила 27,3%, у Карпова — 17%, а у Чигорина — 34,3%.

Игровые ситуации. Для составления индивидуальной характеристики шахматиста наиболее важны показатели его игры в ситуациях «все или ничего», компромисса, относительно свободного выбора цели, малой значимости результата, успеха и неудачи.

В ситуации «все или ничего» шахматист обязан играть на выигрыш. Статистический анализ результатов, показанных в этой ситуации, и разбор содержания партий позволяют су-

дить о сравнительной эффективности игры и выраженности таких качеств, как осмотрительность и ответственность в сочетании с активностью.

В ситуации компромисса шахматист может удовлетвориться ничьей. Статистические данные о достигнутых результатах и содержательный анализ партий позволяют судить как о сравнительной эффективности игры изучаемого шахматиста в этой ситуации, так и о его способности преодолевать тенденцию действовать с излишней осторожностью, чересчур пассивно. Следует учитывать, что, находясь в данной ситуации, особенно трудно противостоять противнику, обязанному играть только на выигрыш.

Ситуация относительно свободного выбора цели предоставляет шахматисту определенную независимость в планировании результата партии. Данные о количестве набранных очков и содержательный анализ партий дают возможность судить о сравнительной эффективности игры шахматиста в этой ситуации и проявлении им ряда психологических свойств.

Отметим, что рассматриваемая ситуация весьма информативна в плане психологического анализа. Сравнительная эффективность игры является показателем уровня понимания шахматистом самого себя, верного учета своих возможностей.

Эта ситуация также показательна в выявлении готовности шахматиста к рискованным действиям. В анализе полезно установить принадлежность изучаемого шахматиста к одной из следующих типологических

групп: 1) шахматистов, систематически играющих на выигрыш, когда риск неудачного выступления в соревновании в целом при возможном поражении превышает риск при ничейном результате; 2) шахматистов, систематически играющих на выигрыш, когда риск неудачного выступления в соревновании в целом при возможном поражении примерно равен риску при ничейном результате; 3) шахматистов, стремящихся к компромиссу, когда риск неудачного выступления в соревновании в целом при возможном поражении ниже риска при ничейном результате.

В ситуации малой значимости результата полезно выявить объективные причины незаинтересованности шахматиста. В одних случаях это результат того, что шахматист уже обеспечил достижение намеченного спортивного итога (например, за несколько туров до окончания соревнования обеспечил себе 1-е место), в других — следствие того, что желанный результат уже недостижим.

В этой ситуации проявляются две тенденции. Одна связана с оценкой оставшейся части состязания как чисто формальной и стремлением быстрее завершить эти формальности. При этом уровень деятельности понижается и игра ведется «спустя рукава». Другая тенденция, встречающаяся реже, связана с продолжением игры на высоком творческом и спортивном уровнях. Здесь шахматист стремится использовать оставшиеся партии для тренировки, а также в целях самоутверждения. Полезно выявить в игре изучаемого

шахматиста приверженность к определенной тенденции. Отметим, что вторая из них указывает на дальновидность шахматиста и высокий уровень его притязаний.

Изучение ситуации неуспеха следует проводить путем анализа результатов и содержания партий, следующих за поражениями. Особое внимание должно быть уделено случаям повторных проигрышей. Статистические данные позволяют судить об эффективности игры после проигрыша, что, в свою очередь, свидетельствует об эмоциональной устойчивости шахматиста.

Путем качественного анализа важно установить, какой тактики борьбы придерживается шахматист после поражений: привычной или, напротив, тактики, обычно им не применяемой. Выбор привычной тактики, как правило, указывает на более высокий уровень самопонимания и саморегуляции.

Методика изучения ситуации успеха аналогична. Здесь также следует учитывать результаты следующих после выигрыша партий, выделять случаи повторных выигрышей и путем качественного анализа содержания партий попытаться определить тактику борьбы, обычно применяемую изучаемым шахматистом после выигрыша. Выбор привычной тактики, как правило, способствует лучшему развитию успеха и указывает на умение шахматиста самокритично относиться к своим достижениям.

Отношение шахматиста к себе и партнерам. Для адекватного понимания противника не-

обходимо учитывать особенности его отношения к другим участникам соревнований и к самому себе. Опираясь на результаты сравнения себя с другими, шахматист ставит определенные творческие и спортивные задачи, намечает ту или иную тактику борьбы.

Надо подчеркнуть, что оценка других и самооценка тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Самооценка формируется путем сопоставления себя с другими людьми, и, в свою очередь, знание особенностей собственного стиля игры и характера влияет на оценку и понимание партнеров. Эксперименты по оценке шахматистами своих возможностей и возможностей других участников соревнования показали, что наиболее объективно себя оценивали те, кто правильнее оценивал других.

При анализе оценок, которые шахматист дает соперникам и себе, важно определить адекватность и глубину этих оценок. Весьма информативна в этом плане работа шахматиста по искоренению своих недостатков. Здесь следует установить, к каким мерам прибегает шахматист, обнаружив тот или иной изъян в своем творчестве. Распространены две позиции. Первая заключается в том, что, заметив у себя какой-либо недостаток, шахматист стремится избежать тех ситуаций, в которых указанный недостаток может проявиться. В частности, из дебютного репертуара исключаются те системы, в которых возникали трудные позиции, сознательно обходятся ситуации миттельшпиля, в разыгрывании которых обнаружались недочеты, и т. д.

Подобная позиция — определенный шаг на пути самосовершенствования и формирования верной самооценки, но шаг недостаточный. Другая позиция, свидетельствующая о более зрелом и критическом отношении шахматиста к себе, заключается в том, что проявленные недостатки не только регистрируются, но и преодолеваются. Если шахматист замечает, что он неудачно играет, допустим, в позициях блокадного типа, то он проводит соответствующую работу в этом направлении и овладевает искусством игры в данных положениях.

Таким образом, характеризуя соперника, полезно выявить уровень критичности в его отношении к своим недостаткам. Уровни критичности следующие: а) отсутствие работы по преодолению недостатков; б) опознание недостатков и стремление избежать появления вызывающих их ситуаций; в) преодоление недостатков.

Изучая динамику отношений шахматистов к себе и другим, мы выделили основные стадии в развитии этих отношений: предметную, ситуативную и рефлексивную. Предметная стадия отличается преимущественной направленностью шахматиста на овладение теорией шахмат и игровыми навыками. Оценка своих возможностей, в основном, опирается на глубину и широту чисто шахматной аналитической работы. Индивидуальные особенности соперников и собственные, как правило, не учитываются. Ярким выразителем подобного отношения был А. Рубинштейн.

На ситуативной стадии пси-

психологическим факторам борьбы уже придается определенное значение. Однако наблюдается преимущественная направленность на изучение стиля игры и характера соперника, оценки же собственных творческих особенностей фрагментарны и недостаточно аргументированы. Отметим, что подобное отношение широко распространено. Например, из десяти опрошенных нами видных гроссмейстеров только двое сообщили, что подробно рассматривали собственные партии при подготовке к предстоящим соревнованиям. А вот внимательным анализом партий соперников занимались, все они без исключения.

Рефлективную стадию отличает способность шахматиста систематически сравнивать данные о себе и противнике и использовать полученные результаты для выбора благоприятного направления борьбы. Здесь шахматист, осознавая свое подлинное место во взаимодействии с соперником, получает возможности овладения этим взаимодействием, завоевания психологической инициативы.

В характеристике противника важно определить, какой из указанных стадий соответствует его позиция. При изучении этого вопроса ценность могут представить данные об опыте борьбы противника за овладение психологической инициативой. Следует выделить, анализируя его партии и результаты встреч с отдельными соперниками, случаи владения им устойчивой психологической инициативой и случаи ее уступки. Наличие нескольких партнеров примерно одинакового с ним уровня ма-

стерства, которым он систематически проигрывает как в творческом, так и в спортивном плане, указывает на то, что данный шахматист недостаточно глубок и критичен в самооценке.

Для изучения отношения шахматиста к себе и другим полезно использовать эксперименты по прогнозированию результатов отдельных партий и соревнований. Во время одного из турниров перед очередным туром мы попросили шахматистов (в том числе и соперников, встречавшихся друг с другом) сообщить ожидаемые результаты своих партий. По фактическим результатам, достигнутым каждым шахматистом в отдельности, можно было судить о точности самооценки и оценок, данных партнерам. Если ожидаемые результаты соответствовали достигнутым, то это, на наш взгляд, свидетельствовало об объективной самооценке. Если же ожидаемые результаты не были показаны или были превзойдены, то это указывало соответственно на завышенную и заниженную самооценку.

В другой серии экспериментов прогнозировались результаты соревнования в целом. Перед началом турнира его участникам предлагалось предсказать заключительное распределение мест. На основании полученных ответов для каждого шахматиста было подсчитано среднее место, отведенное ему другими участниками, и проведено сравнение этого среднего показателя с местом, на которое он поставил себя сам.

Допустим, Васильев, опираясь на свою оценку силы игры шахматистов, установил сле-

дующее распределение мест: 1. Авдеев. 2. Белов. 3. Васильев. 4. Гусев. 5. Душин. 6. Егоров. 7. Жуков. 8. Захаров. Предположим, что остальные участники отвели Васильеву 5-е место. Разность дает коэффициент «минус 2». Мы условились, что отрицательный коэффициент указывает на переоценку своих сил и недооценку силы игры других шахматистов, а положительный — на заниженную самооценку и переоценку возможностей других. Нулевой коэффициент мы рассматривали как свидетельство объективной самооценки.

Любопытно, что сравнение прогнозов с фактическими результатами указало на наибольшую эффективность игры тех, кто обладал объективной или чуть завышенной самооценкой (с коэффициентами -1 и -2 при 14 участниках и коэффициентами -1 , -2 , -3 при 16 участниках).

Отношение к себе и к соперником обуславливает направленность сравнительного анализа, смысл которого состоит в том, чтобы определить ситуации, трудные для противника и благоприятные для себя. При изучении шахматиста важно выявить содержательность и полностью подобно анализу.

Согласно собранным на эту тему материалам, сравнение себя с противником даже опытными шахматистами часто проводится по отдельным, изолированным признакам. Причем в основном сравнивается подготовленность в дебюте («С П. нельзя играть белыми вариант Земиша в защите Нимцовича» и т. п.). Полученные заключения,

как правило, отличаются излишней категоричностью и справедливы лишь отчасти.

В ряде случаев сравниваются разные по достоверности показатели: «К. неустойчив к неудачам; после проигрыша он обычно играет слабее, а я после поражения от С. сразу же сумел взять реванш».

Известен и опыт более обособованного сопоставления себя с противником. Мы знаем, что Алехин сравнивал особенности творчества Капабланки со своими по широкому набору признаков (стадиям партии, стратегической оценке, тактическому расчету), которые рассматривались им не изолированно, а в определенном единстве. Игра в дебютной стадии анализировалась во взаимосвязи с миттельшпилем и эндшпилем.

При составлении характеристики шахматиста полезно зафиксировать достоинства и недостатки его сопоставления себя с противником.

Проблемы самоанализа. Итак, мы познакомились с программой, предусматривающей изучение противника по ряду параметров. Но как изучать себя? Возможно ли следовать той же программе?

Полагаем, что на последний вопрос можно ответить утвердительно. В целом исследование противника и самоанализ должны проводиться по аналогичным схемам. Оправданно, например, изучение стиля игры, временных показателей, поведения в важнейших игровых ситуациях и ряда других свойств посредством применения однотипных методов.

Однако необходимо указать на некоторые специфические

особенности процесса самоанализа, которые должны быть учтены. Следует помнить, что человеку свойственна тенденция оценивать себя поощрительно, оправдывать, иногда без достаточных оснований, допущенные промахи. Поэтому в самоанализе нужно стремиться к повышенной критичности и доказательности выводов.

Справедливо отмечается, что человек обладает уникальным запасом сведений о себе. Казалось бы, это существенно облегчает самоанализ. Однако в действительности здесь возникают серьезные трудности. Люди, как правило, вполне уверенно осознают особенности своих отдельных поступков, но затрудняются в более обобщенной оценке своих качеств, стиля деятельности и характера в целом.

С одной стороны, это объясняется указанной выше тенденцией к поощрительной самооценке, стремлением не замечать главное и существенное там, где имеется повод оправдать неудачу ссылкой на какой-либо частный пример; с другой — ограниченными возможностями наблюдения за своим поведением. Лишь через зеркало или благодаря кино- и фотосъемкам человек может видеть себя как бы со стороны. Но это, понятно, не равноценная замена. Ограниченные возможности самовосприятия затрудняют шахматисту оценку происшедших с ним изменений и переживаемых состояний. Все это существенно сказывается на адекватности общей самооценки.

Помнится, как участники турнира претендентов (Кюрасао, 1962) рассказывали, что уже с первых туров тревожное впе-

чатление на всех производил болезненный внешний вид М. Талья. Не замечал этого только сам Таль. В результате ему пришлось из-за нездоровья выйти из состава турнира.

Поэтому в самоанализе надо попытаться компенсировать практически отсутствующее самовосприятие посредством более тщательного учета тех реакций противника, которые вероятнее всего отражают наше собственное поведение. Э. Гуфельд говорил, что во время игры он часто решает задачу: «Чем я вызвал изменение в поведении противника, если на доске все по-старому?»

Примерный план психологической характеристики шахматиста

Для облегчения практической работы по психологической подготовке к соревнованиям приводим примерный план, по которому может быть составлена психологическая характеристика шахматиста. На каждый из вопросов, затронутых в плане, надо стремиться дать возможно более полный и аргументированный ответ.

1. Индивидуальный стиль игры

А. Дебют

1. Определение относительной частоты применения шахматистом отдельных дебютных систем и вариантов белыми и черными. Выделение наиболее часто применяемых систем и вариантов.

2. Определение дебютного репертуара шахматиста в игре белыми и черными. Относительная широта дебютного репертуара.

3. Определение эффективности игры (в %) в отдельных дебютных системах и вариантах белыми и черными.

4. Дебютная эрудиция шахматиста. Уровень теоретических познаний в области дебюта.

5. Умение использовать дебютную эрудицию в создании субъективно трудных задач для противника.

6. Сравнительная эффективность (в %) игры белыми и черными.

7. Сравнительный анализ активности игры белыми и черными в дебюте. Психологическая пронизательность в выборе дебютов за черных.

8. Анализ дебютных ошибок. Определение умения шахматиста работать над устранением ошибок: а) тактических; б) стратегических.

9. Тенденции развития дебютного репертуара: а) расширения репертуара, б) углубления. Установление причин развития дебютного репертуара: а) в результате самоанализа, б) под влиянием моды и авторитета других шахматистов.

Б. Миттельшпиль

1. Определение относительно частоты выбора шахматистом различных стратегических целей. Выявление индивидуальной иерархии стратегических признаков.

2. Определение относительно частоты стратегических уступок, допускаемых шахматистом.

Выявление индивидуальной иерархии допускаемых уступок.

3. Гибкость варьирования уступками в зависимости от индивидуального стиля игры противника.

4. Частота применения тактических приемов. Выделение приемов, наиболее часто и успешно применяемых шахматистом.

5. Выявление относительной точности расчета.

6. Анализ ошибок в миттельшпилье. Умение шахматиста работать над устранением ошибок: а) тактических, б) стратегических.

7. Определение эрудиции шахматиста в области типичных позиций и знания тактических приемов.

8. Развитие стиля игры в миттельшпилье: а) в результате самоанализа, б) в результате пассивного накопления практического опыта.

В. Эндшпиль

1. Качество игры по ограничению подвижности сил противника.

2. Умение активизировать позицию собственного короля.

3. Искусство борьбы за образование и продвижение проходных пешек.

4. Эрудиция шахматиста в эндшпилье.

5. Качество тактического расчета.

6. Качество владения техническими приемами.

7. Развитие умения играть в эндшпилье (на основании сравнения результативности и качественного уровня игры за раз-

личные периоды выступлений шахматиста).

II. Особенности поведения

1. Выделение наиболее характерных признаков экспрессии и внешнего облика, присутствующих изучаемому шахматисту.

2. Выявление внешних особенностей, проявляющихся в позициях с определенной оценкой (от выигранных до проигранных).

3. Определение комплексов внешних признаков («портретов»), выражающих различные эмоциональные состояния шахматиста по координате «уверенности — неуверенности».

4. Интерпретация внешних признаков, проявляемых шахматистом при игре в проблемных ситуациях (на основании имеющих «портретов» его поведения).

III. Временные показатели

1. Составление общей характеристики темпа игры шахматиста. Выявление типологической принадлежности шахматиста по темпу игры (к «торопящимся», «средним» или «запаздывающим»).

2. Выявление степени подверженности шахматиста влиянию темпа игры противника.

3. Влияние на игру изучаемого шахматиста наличия цейтнота у противника.

4. Относительная скорость игры в известных и очевидных позициях. Характеристика ответственности игры шахматиста в этих позициях.

5. Фиксация случаев особенно длительного обдумывания

и анализ содержания позиций, вызвавших продолжительные размышления. Выделение позиций, субъективно трудных для изучаемого шахматиста.

6. Выявление уровня частоты цейтнотов.

7. Определение уровня остроты цейтнотов.

8. Определение сравнительной длительности обдумывания секретных ходов.

9. Зависимость возникновения цейтнотов от стадии соревнования и спортивного значения партии.

10. Качество игры в цейтноте.

11. Индивидуальные особенности цейтнота.

IV. Возрастные различия

1. Определение индивидуальных особенностей проявления шахматистом типичных тенденций развития.

2. Анализ деятельности в период творческого и спортивного становления шахматиста. Выделение в анализе особенностей развития эрудиции, самостоятельности в принятии решений, владения техникой игры и психологической проницательности.

3. Анализ деятельности после достижения шахматистом 40-летнего возраста. Изучение уровня тренированности. Определение тенденций в изменении счетных способностей.

4. Определение оптимального для изучаемого шахматиста объема соревновательной нагрузки (количества партий в турнире и турнирного регламента).

V. Эффективность игры на разных этапах соревнования и с соперниками разного уровня мастерства

1. Определение сравнительной эффективности игры на разных этапах состязания. Выделение этапов наиболее эффективной и неудачной игры. Выявление индивидуальных особенностей распределения сил на протяжении соревновательной дистанции.

2. Анализ эффективности игры на финише. Определение умения шахматиста сохранять волевые резервы (на основании повышения или понижения результатов на финише или удержания достигнутого уровня).

3. Выделение в соревновательном цикле микропериодов особенно малоэффективной игры изучаемого шахматиста.

4. Анализ результатов игры с соперниками разной силы. Выявление умения шахматиста решать задачи разной степени трудности. Заключение об относительной ровности игры.

VI. Игровые ситуации

1. Определение сравнительной эффективности игры шахматиста в ситуации «все или ничего». Искусство сочетания в игре активности и осмотрительности.

2. Определение сравнительной эффективности игры шахматиста в ситуации компромисса. Характеристика умения преодолеть в игре излишнюю осторожность и пассивность.

3. Определение сравнительной эффективности игры шахматиста в ситуации свободного

выбора цели. Выявление уровня понимания шахматистом своих возможностей.

Установление принадлежности шахматиста (на основании анализа партий, проведенных в этой ситуации) к типологической группе рискующих, средних или осторожных.

4. Определение сравнительной эффективности игры шахматиста в ситуации малой значимости результата. Выявление характера мотивации шахматиста, проявляющегося либо в резком снижении качества игры, либо в проведении партий на высоком творческом и спортивном уровнях.

5. Анализ эффективности игры и содержания партий, проведенных после проигрыша. Выявление чаще применяемой в этой ситуации тактики борьбы. Определение степени устойчивости шахматиста к неудачам.

6. Анализ эффективности игры и содержания партий, проведенных после выигрыша. Тактика борьбы после выигрыша. Степень самокритичности шахматиста в отношении к достигнутым успехам.

VII Отношение шахматиста к себе и партнерам

1. Выявление на основании анализа творчества шахматиста за определенные периоды выступлений (в нескольких следующих друг за другом соревнованиях, за год, несколько лет и т. д.) особенностей его работы по устранению недостатков.

2. Определение приверженности шахматиста к одной из стадий: предметной, ситуативной или рефлексивной.

3. Выявление «трудных» и «легких» противников изучаемого шахматиста. Определение относительной эффективности его борьбы за овладение психологической инициативой.

4. Выявление уровня самооценки шахматиста на основании его высказываний о себе и партнерах, а также прогнозирования результатов отдельных партий и соревнований.

Литература

- Авербах Ю. Л. О методах подготовки и совершенствования шахматистов высшей квалификации. «Шахматный бюллетень», 1960, № 11.
- Авербах Ю. Л., Коссов Б. В. Экспресс-дневник шахматиста. «Шахматный бюллетень», 1974, № 12.
- Алехин А. А. Международный шахматный турнир в Нью-Йорке, 1927. М.— Л., 1927.
- Блюменфельд Б. М. К характеристике наглядно-действенного мышления. «Известия АПН РСФСР», 1948, № 13.
- Ботвинник М. М. Одиннадцатое всесоюзное шахматное первенство. М.— Л., 1939.
- Бразильский Ю. А. Зевок как таковой... «Шахматы в СССР», 1969, № 3.
- Бронштейн Д. И., Смолян Г. Л. Прекрасный и яростный мир. М., 1977.
- Вайнштейн Б. С. Импровизация в шахматном искусстве. М., 1976.
- Васильев В. Л. Седьмая вуаль. М., 1963.
- Витязев Ф. Н. Психологические типы шахматистов. «Шахматы», 1928, № 2.
- Головко Н. Г. Путь к мастерству. М., 1970.
- Греков Н. И. Воспитательное значение шахмат. «Шахматы в СССР», 1947, № 10.
- Дьяков И. Н., Петровский Н. В., Рудик П. А. Психология шахматной игры. М., 1926.
- Зак В. Г. Ласкер. М., 1967.
- Ильин-Женевский А. Ф. Психология шахматной ошибки. «Шахматный бюллетень», 1967, № 9.
- Карпов А. Е. Избранные партии 1969—1977. М., 1978.
- Клаус Г. Эм. Ласкер — философский предшественник теории игр. Berli, 1965, № 2.
- Клаус Г. Нужны ли людям шахматы? «Шахматная Москва», 1969, № 14(280).
- Котов А. А. Тайны мышления шахматиста. М., 1970.
- Крогиус Н. В. Человек в шахматах. Саратов, 1967.
- Крогиус Н. В. О психологии шахматного творчества. М., 1969.
- Крогиус Н. В. Возрастные различия интеллектуальных способностей. Саратов, 1972.
- Крогиус Н. В. Психологическая подготовка шахматиста. М., 1975 и 1979.
- Крогиус Н. В. Личность в конфликте. Саратов, 1976.
- Ларсен Б. 50 избранных партий. М., 1972.
- Ласкер Эм. Здравый смысл в шахматах. Л., 1925.
- Ласкер Эм. Учебник шахматной игры. М.— Л., 1926.
- Левидов М. А. Стейниц — Ласкер. М., 1937.
- Линдер И. М. Ваша любимая игра? Шахматы? М., 1962.
- Малкин В. Б. Психология побед и поражений. «64», 1970, № 37.
- Малкин В. Б. О психологическом взаимодействии соперников. «64», 1978, № 2, 3.
- Нечаев А. П. Психология побед и поражений в шахматной игре. М.— Л., 1928.

- Нимцович А. И. Как я стал гроссмейстером. Л., 1929.
Нимцович А. И. Техника турнирной борьбы. «64», 1969, № 8.
Панов В. Н. Атака в шахматной партии. М., 1953.
Рети Р. Современный учебник шахматной игры. М.—Л., 1933.
Рохлин Я. Г., Крогиус Н. В. Память и внимание шахматиста. М., 1968.
Смирнов А. А. Красота в шахматной партии. Л., 1925.
Суэтин А. С. Путь к мастерству. М., 1980.
Таль М. Н. Матч Ботвинник — Таль. Рига, 1961.
Таль М. Н., Дамский Я. В. В огонь атаки. М., 1978.
Тартаковер С. Г. Освобожденные шахматы. Л., 1927.
Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека, М., 1969.
Торре К. Как формируется шахматист. Л., 1926.
Фишер Р. Мои 60 памятных партий. М., 1972.
Шахматное творчество Ботвинника (в 3 томах). М., 1965—1968.
Шахматный урок в школе. «Шахматы в СССР», 1975, № 8.
Шпильман Р. О шахматах и шахматистах. Л., 1930.

Содержание

От автора	3
Роль и место психологии в шахматном творчестве	4
Нужна ли шахматистам психология?	—
Проблемы психологической подготовки	7
Психология и педагогика	20
Воспитательная роль шахмат	31
Шахматы для психологии	37
Мышление шахматиста	45
Что такое шахматный образ?	—
Динамика мышления	48
Развернутость мышления шахматистов	72
Последствия ошибок	80
Цейтнот	87
Причины возникновения цейтнота	—
Особенности игры в цейтноте	95
Профилактика цейтнота	103
Тактика борьбы	105
Игра на выигрыш	107
Достаточно ничья	111
После поражения и победы	115
Игра на финише	120
Возраст шахматных успехов	121
Психологическая инициатива	134
Что такое психологическая инициатива	—
Борьба за психологическую инициативу	142
Программа изучения шахматиста	154
Необходимость системного подхода к изучению шахматиста	—
Примерный план психологической характеристики шахматиста	177
Литература	181

Николай Владимирович Крогиус
**ПСИХОЛОГИЯ ШАХМАТНОГО
ТВОРЧЕСТВА**

Заведующий редакцией

В. И. Чепижный

Редактор

С. Б. Воронков

Художник

Ю. Н. Маркаров

Художественный редактор

В. А. Жигарев

Технический редактор

Н. А. Суровцова

Корректор

З. Г. Самылкин

ИБ № 997. Сдано в набор 06.03.81. Подписано в печать 18.06.81. А 07067. Формат 60×90/16. Бумага тип. Гарнитура «Литературная». Высокая печать. Усл. п. л. 11,5. Усл. кр.-отт. 11,75. Уч.-изд. л. 11,93. Тираж 75000 экз. Издат. № 6486. Зак. 2630. Цена 90 коп.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 101421, Москва, Каляевская ул., 27

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

90 коп.

